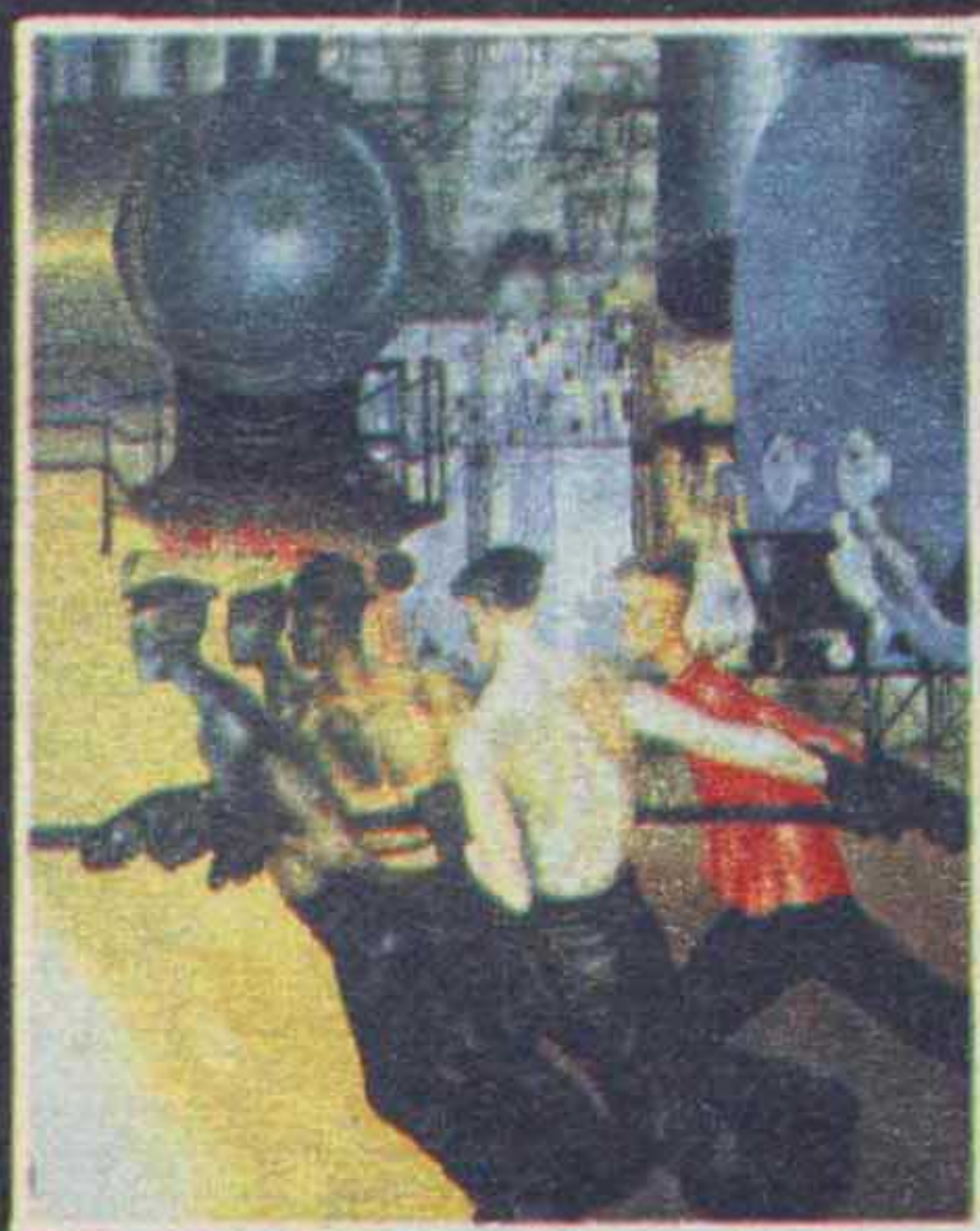

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 43 ОКТЯБРЬ 1987

ПАЛИТРА
ЭРЫ
ОКТЯБРЯ

В ОЧЕРЕДИ
ЗА КВАРТИРОЙ

КУДА СПЕШИТ
«ЗЕЛЕННЫЙ ГЛАЗ»?

ДЕНЬГИ
НА
ВЕТЕР?

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 43 (3144)

24—31 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1987.

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

Д. В. БИРЮКОВ,

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

В. П. ЕНИШЕРЛОВ,

Н. А. ЗЛОБИН,

Д. К. ИВАНОВ

(ответственный
секретарь),

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Никонов Сергей Александрович — главный конструктор ветронасосных агрегатов.
(См. в номере материал «Ищем ветра в поле...»)

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международного — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

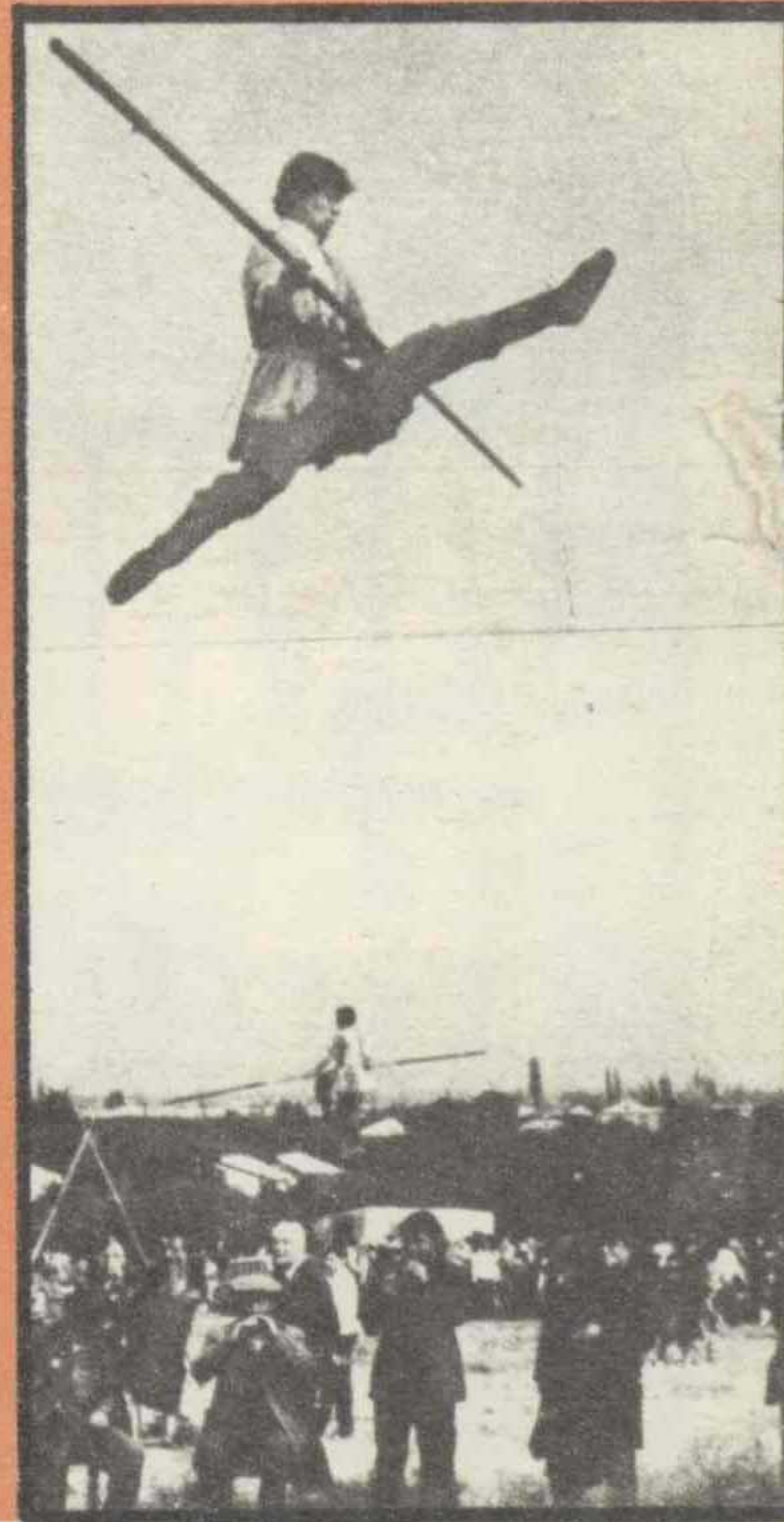
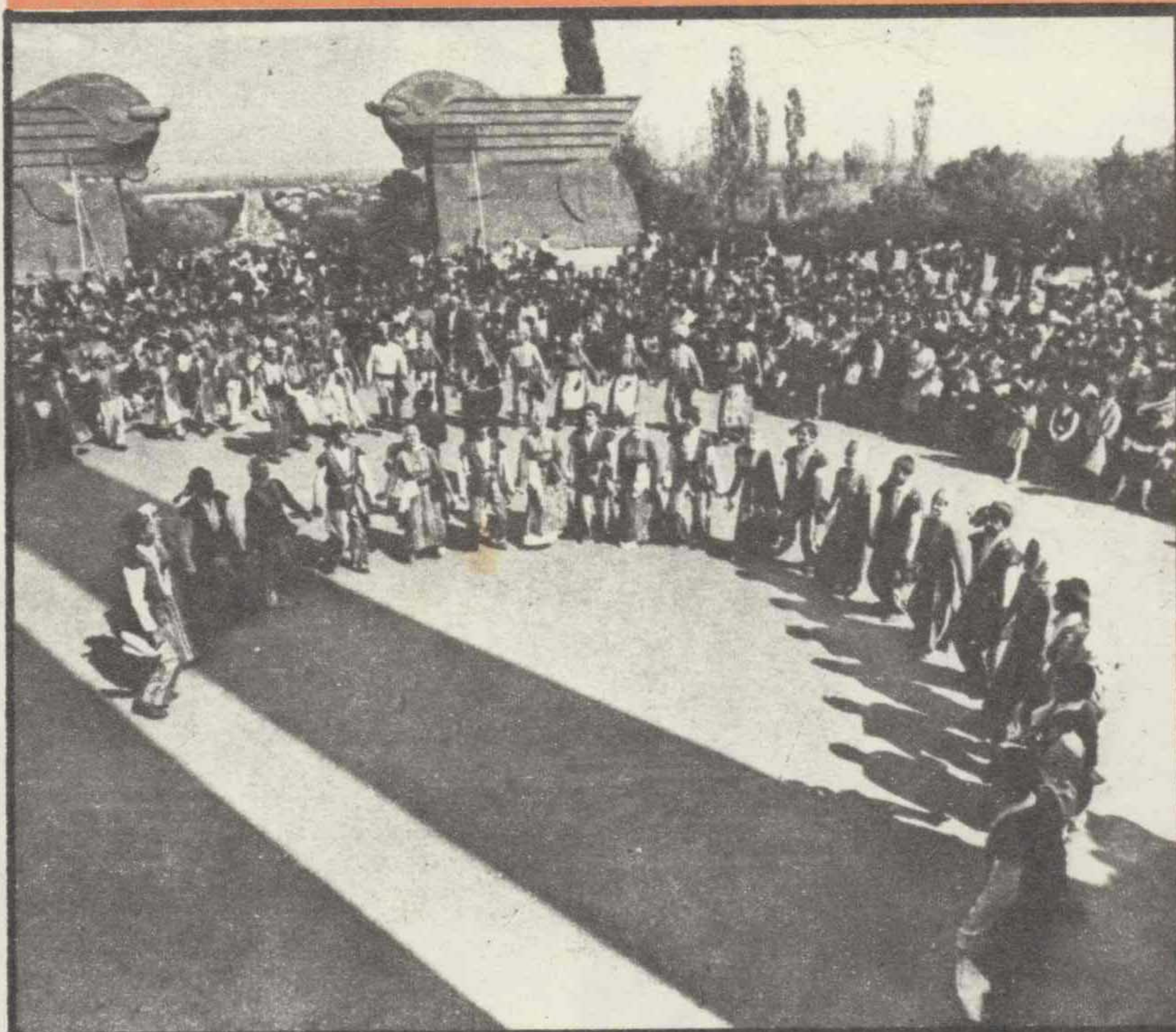
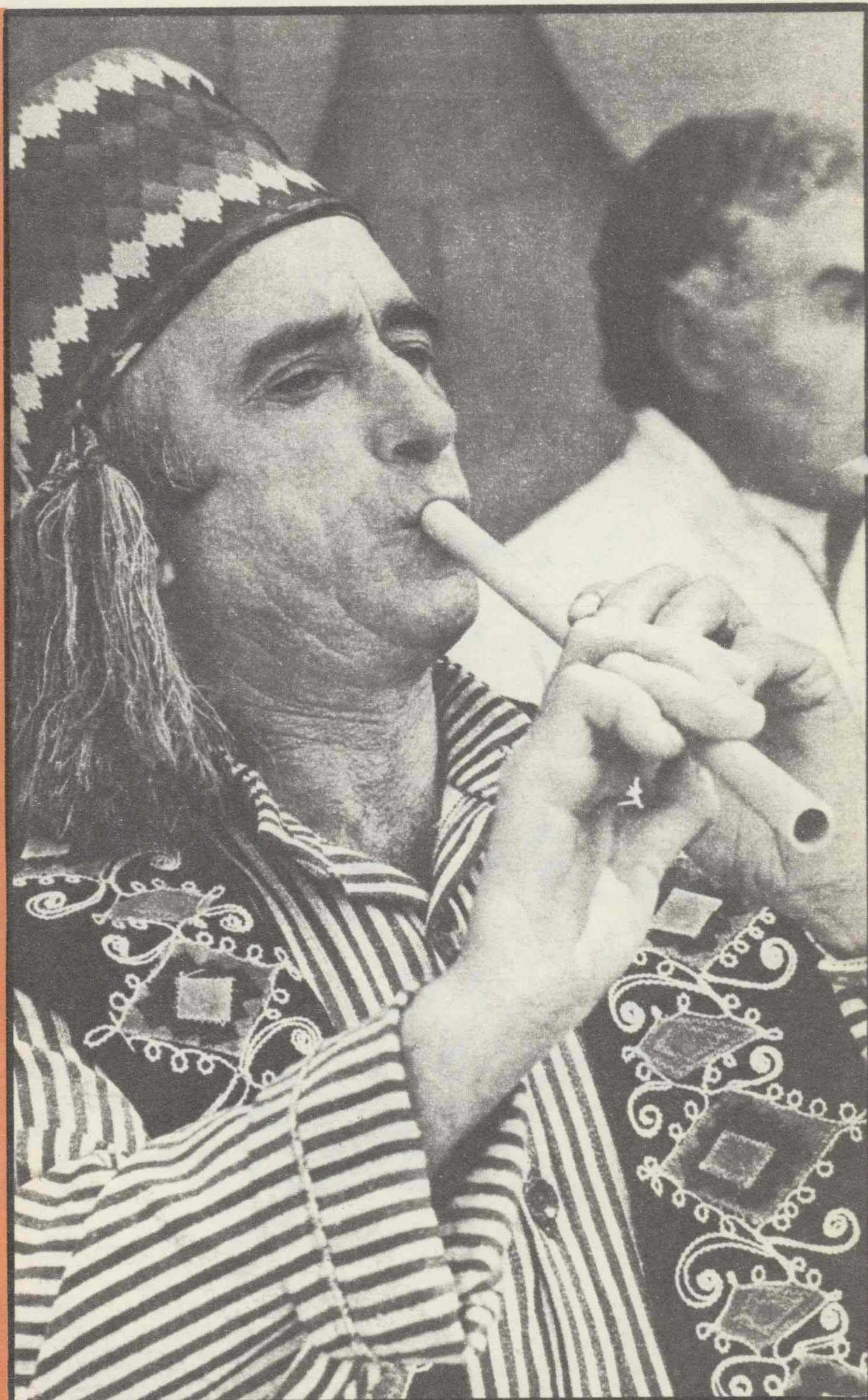
Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

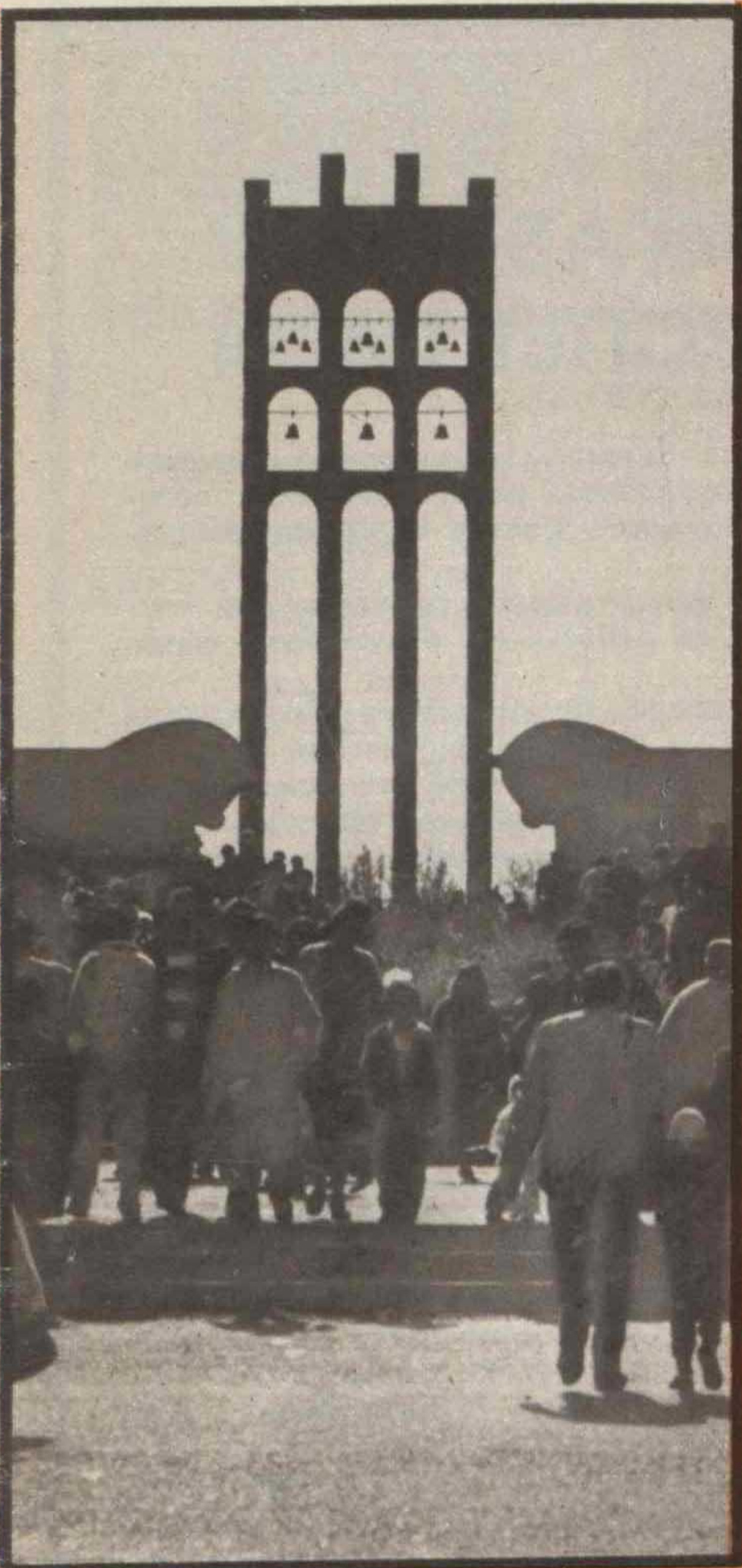
Сдано в набор 02.10.87. Подписано к печати 20.10.87. А 00446. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2694. Заказ № 1324.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ЕСТЬ
В АРМЕНИИ
НЕДАЛЕКО
ОТ СЕЛА МРГАШАТ
ИЗВЕСТНОЕ
ВСЕМ МЕСТО:
САРДАРАПАТ.
СОВСЕМ НЕДАЛЕКО.
НА МАШИНЕ
ВПОЛНЕ МОЖНО
ДОБРАТЬСЯ
ЗА ПОЛЧАСА.
ЗДЕСЬ
И СОСТОЯЛСЯ
ПРАЗДНИК,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ.

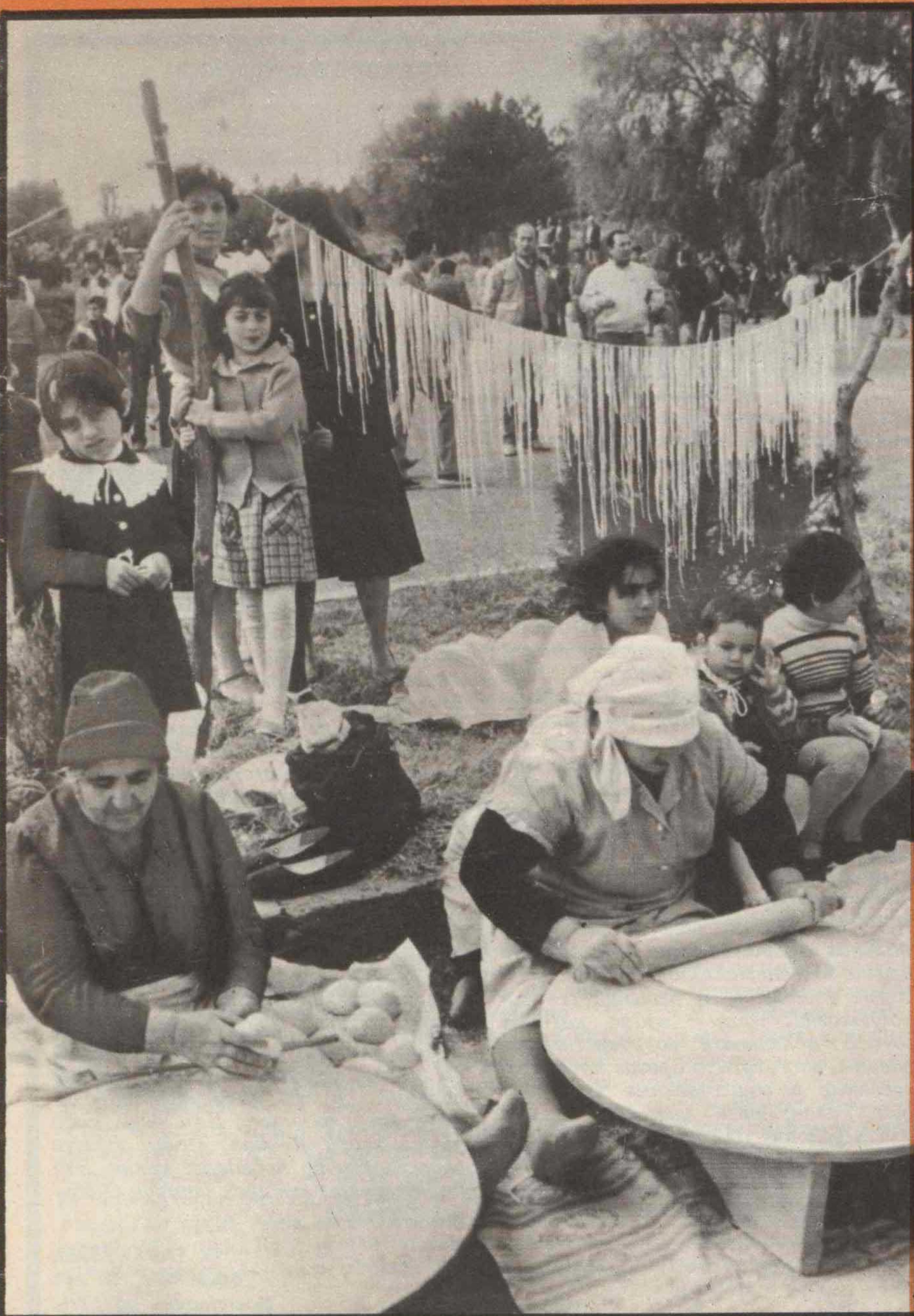
...У входа в парк девушки и женщины в национальных костюмах мелют ручными мельницами зерно, споро раскатывают тесто и пекут вкуснейшие тонкие лепешки — знаменитый лаваш. Рядом мерно раскачивается хюци — мас-лобойка. Если есть время, можно дождаться результата и попробовать.

На площади перед колокольной собрались любители народного танца и песни. В этнографическом музее выступили самодеятельные вокальные коллективы. Рядом развернута выставка-ярмарка работ народных мастеров. Художники, которые разместились у Стены героев, рисовали пейзажи с натуры, были и желающие получить «свежеисполненный» портрет.

...А когда празднество завершилось, ослики Григора Оганесяна, директора Мргашатского Дома культуры, меторопливо зацокали в обратную от Сардарапата сторону. До встречи через год!

Ашот ГАРЕГИНЯН

Александр
НАГРАЛЬЯН
(фото)

МАСШТАБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

19 октября в Большом Кремлевском дворце совместным заседанием палат открылась восьмая сессия Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.

Единогласно утверждаются повестка дня сессии и порядок ее работы. На обсуждение вынесены вопросы:

1. О заместителе Председателя Президиума Верховного Совета СССР от Киргизской ССР.

2. О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1988 год и о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1987 году.

3. О Государственном бюджете СССР на 1988 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1986 год.

4. О результатах рассмотрения предложений депутатов, высказанных в ходе обсуждения на седьмой сессии Верховного Совета СССР проекта Закона СССР о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан.

5. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

Фото Алексея ГОСТЕВА

Социальный смысл нашей перестройки заключен и в том также, чтобы люди активные и смелые, с высокой гражданской сознательностью, талантливые и знающие, выдвигались на ключевые посты в управлении экономикой, жизнью. Новый Закон «О государственном предприятии (объединении)» провозгласил выборность на руководящие посты. Однако выборность руководителей в научных коллективах, НИИ существовала испокон веков и не давала никаких результатов: необходимо конкретизировать условия выборности, тогда закон будет «работать».

В области создания и разработок новых устройств и приборов тружусь более тридцати лет. Известно, что качество выпускаемых отечественных приборов низкое, уровень разработок в целом далек от передового рубежа. Искусность рабочего видна за день его труда, максимум за месяц. Инженера-разработчика — за годы: первые полгода он не более чем обещает. И в условиях, существовавших до недавнего времени, весь руководящий арсенал разработчиков: заведующие лабораториями, отделами, отделениями, КБ, НИИ в основном прекрасно умели обещать, прекрасно умели рапортовать, а заодно сдвигать сроки планов. В этой деятельности достигнут высокий уровень. Но перестройка предполагает оплату не по обещаниям и рапортам, а по действительным результатам труда, притом оцененного потребителем. Прошло два года. Покупаю стиральную машину,

телевизор, магнитофон, хрустальную вазу. В паспорте товара как не было, так и нет фамилий разработчика, конструктора, художника, хотя не так уж много активных создателей каждого, даже сложного изделия. Иду в кино. На экране несколько минут перечисляются фамилии артистов, режиссеров, осветителей, костюмеров, гримеров, редактора, директора, консультантов. Не жалко людям искусства сотни метров пленки. А вот промышленность жалеет один листок бумаги стоимостью в сотую долю копейки, чтобы всенародно объявить авторов. Каждый должен быть красен делами своими.

Но предположим, что мы легализовали авторство, и молодой инженерный талант к 25 годам имеет признанные, с успехом использующиеся разработки. И вот он подготовил технические предложения на новый прибор, ему полагалось бы стать руководителем коллектива, чтобы осуществить эту разработку. Куда ему обращаться? Все должности завожены заняты уважаемыми людьми, часто имеющими звания и ордена. По существующим порядкам конкурсное замещение должности в НИИ происходит, если эта должность свободна, то есть когда ее владелец вконец завалил работу и уволился или не поладил с дирекцией и его уволили, когда он ушел на заслуженный отдых. Обычно идти молодому таланту некуда, все места заняты, а конкурсная, выборная система работает лишь в угоду хорошим отношениям с руководителем. Такая система в новых условиях, при новых требованиях отжила. Ее надо менять, перестраивать. Подумать только: все

должности для активной инженерной и научной деятельности сегодня заняты теми, кто фактически ответствен за сложившееся печальное состояние дел. Здесь может быть только один выход: конкурс должностей необходимо заменить конкурсом работ, проектов, предложений на новые разработки. Чье предложение будет признано лучшим, тому организуется и должность, то есть лаборатория, отдел, КБ, НИИ. И всего лишь для этой работы, до очередного конкурса.

Государственные КБ и НИИ, естественно, тяготеют к гарантированным результатам, и, как следствие, многие новаторские, дерзкие, нетрадиционные проекты могут отклоняться. Сегодня эту проблему смогли бы решить хозрасчетные кооперативы инженеров и ученых, объединив возможные резервы инженерных сил для проверки смелых решений, внедрения новаторских изобретений, в реальность которых верят авторские коллективы, но не всегда верят ученые советы НИИ. Думаю, что полезно снять формальные ограничения на организацию научно-инженерных кооперативов, которые возьмутся за решение тех народнохозяйственных задач, которые готовы оплачивать государственные заводы, институты и другие производственные и общественные организации. Талантливый инженер должен иметь условия для выдвижения своих решений актуальных проблем, даже если эти решения не вписываются в строгие режимы структур государственных КБ.

В. ЛЕБЕДЕВ
Москва.

В корне не согласен с теми, кто говорит, что перестройка никогда не наступит. Так может говорить только тот, кто никогда не вникал и не пытался вникнуть в ее сущность, кто не понимает и не пытался понять положения, создавшегося в стране, кто, наконец, не хочет бороться за перестройку. Конечно, проще сидеть сложа руки и ждать, когда все образуется само собой. Но ведь кто-то же должен ее осуществлять, а кто, если не я, не каждый, не все мы. Нам еще предстоит сломать подгнивший мост между прошлым и настоящим и построить новый, чтобы уверенно идти по избранному пути. Прошлое должно стать для нас хорошим уроком.

Уверен, что если мы чаще будем заглядывать в бесценные ленинские томики, искать в них ответы на многие вопросы сегодняшнего дня, то общество только выиграет. Владимир Ильич со свойственной ему дальновидностью обдумывал проблемы, которые волнуют моих современников. Я еще немного прочитал его трудов, но после службы в армии строже возьмусь за это, хочу глубже понимать происходящее. Нам всем надо лучше знать Ленина, чтобы довести перестройку до победного конца. Это будет лучший подарок истории и юбилею Октября.

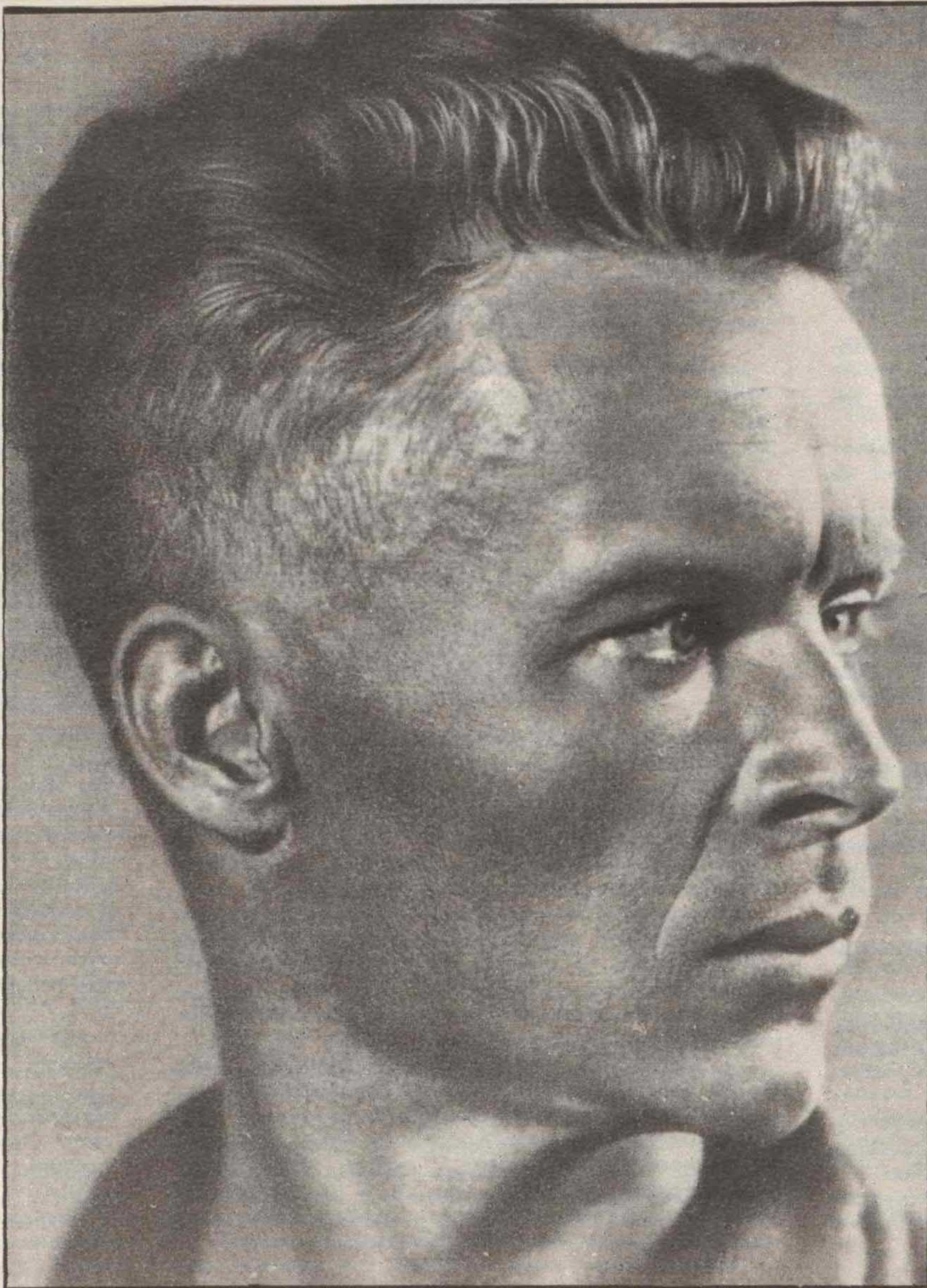
О. ТАРАБУЗАН,
ефрейтор, 20 лет
Московская область.

1917 • 1987

...ПО НАТУРЕ СВОЕЙ Я НЕ МОГУ, НЕ УМЕЮ БЫТЬ ДОВОЛЕН.
Я С НЕСЧАСТНЫМИ, С БЕДНЫМИ, С НЕУСТРОЕННЫМИ.

Александр ДОВЖЕНКО

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ
ДОВЖЕНКО
(1894—1956)
БЫЛ ОДНИМ ИЗ ВИДНЕЙШИХ
ТВОРЦОВ КИНО
ЗА ВСЮ ЕГО ИСТОРИЮ,
ОДНИМ ИЗ СЛАВНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ
СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ.
ОН УДОСТАИВАЛСЯ
ВЫСОЧАЙШИХ НАГРАД,
ХОТЯ ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ,
ОБОЗНАЧЕННАЯ
САМЫМ ДОРОГИМ
ЕМУ ИМЕНЕМ, НАШЛА
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ЛИШЬ
ПОСМЕРТНО.
ОТКРОВЕННЕЙШИЙ
И РАНИМЕЙШИЙ,
УБЕЖДЕННЕЙШИЙ
И ЧЕСТНЕЙШИЙ —
ВСЕ В ПРЕВОСХОДНОЙ
СТЕПЕНИ, —
ОН ПРОЖИЛ НЕПРОСТУЮ И
НЕЛЕГКУЮ ЖИЗНЬ,
НО ПОСТОЯННО СТРЕМИЛСЯ
К ТОМУ,
ЧТОБЫ СТАТЬ ЛУЧШЕ И ЧТОБЫ
МЫ БЫЛИ ЛУЧШЕ.
БОРЯСЬ ЗА ДОСТОИНСТВО
СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА
И ЗА СОБСТВЕННОЕ
ДОСТОИНСТВО, ОН ВСЕ ДЕЛАЛ
ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ И НИКТО
ИЗ НАС НЕ БЫЛ УНИЖЕН.
ОБ ЭТОМ — РАССКАЗ
ЛЬВА ОЗЕРОВА,
КОГДА В МИРОВЫХ
КИНОЭНЦИКЛОПЕДИЯХ

ФИЛЬМЫ
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА
ДОВЖЕНКО:
ОТ НЕМЫХ — «ЗЕМЛИ»,
«АРСЕНАЛА», «ЗВЕНИГОРЫ»
ДО ЗВУКОВЫХ — «ЩОРСА»,
«ПОВЕСТИ ПЛАМЕННЫХ ЛЕТ»,
«МИЧУРИНА», ЯРКОЙ
КИНОПУБЛИЦИСТИКИ,
ЗАНОСЯТСЯ В РАЗРЯД КЛАССИКИ,
НИКТО НЕ ЗАБЫВАЕТ,
ЧТО ПОЛИТИЧЕСКИЕ И
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ
ДОВЖЕНКОВСКОЙ МУЗЫ ВПОЛНЕ
НЕСКРЫТНЫ И ОН ИХ НЕ РАЗ
ДЕКЛАРИРОВАЛ. ВСЯ ЕГО
ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ
СВЯЗАНА С КИНОСТУДИЯМИ
МОСКВЫ И КИЕВА, ОН ПЕРЕЖИЛ
ВСЕ СОВРЕМЕННЫЕ ЕМУ ВЗЛЕТЫ,
ТРАГЕДИИ И ПОВОРОТЫ
НАРОДНОЙ СУДЬБЫ И ВСЕМ ИМ
БЫЛ ПОДВЕРЖЕН.
ПОЭТОМУ ЗАПИСИ ДОВЖЕНКО,
ТВОРИВШИЕСЯ СОКРОВЕННО,
ДЛЯ СЕБЯ, ОБРАЩЕНЫ И
КО ВСЕМ НАМ, И ПОНЯТНЫ
КАЖДОМУ. ЗАПИСИ ЭТИ
ПУБЛИКОВАЛИСЬ ПОСМЕРТНО,
МЫ ПРИВОДИМ ЛИШЬ ЧАСТЬ
ИЗ НИХ. НАМ КАЖЕТСЯ,
ЧТО ОНИ ИНТЕРЕСНЫ И СЕГОДНЯ.
КТО ЗАХОЧЕТ ВЧИТАТЬСЯ
В НИХ ПОДРОБНЕЕ,
МОЖЕТ ОБРАТИТЬСЯ
К БОЛЕЕ ПОЛНЫМ ИЗДАНИЯМ —
ПЯТОМУ ТОМУ СОБРАНИЮ
СОЧИНЕНИЙ
АЛЕКСАНДРА ДОВЖЕНКО
(КИЕВ, «ДНІПРО»,
1966)

ЧЕЛОВЕК, ЗЕМЛЯ И ЗВЕЗДЫ

Лев ОЗЕРОВ

В 1958 году на известном брюссельском опросе кинокритиков фильм «Земля» был назван в числе двенадцати лучших фильмов всех времен и народов.

Эта статья появилась после разговора по телефону с Юлией Ипполитовной Солнцевой — известной киноактрисой и кинорежиссером, женой и сподвижницей Александра Довженко. Она спросила меня о моих давних впечатлениях от довженковского фильма «Земля», выход которого на экраны совпал с моей ранней юностью.

После моего ответа Юлия Ипполитовна сказала: «Запишите все то, что вы сейчас сказали мне». Я не пообещал, но, положив телефонную трубку, немедленно взялся за перо и не смог оторваться от стола, пока не завершил статью. Я возвращался к ней, потому что память возвращала мне все новые и новые реалии. Памяти помогали архивы.

Когда сейчас смотришь старое дозвуковое ки-

но, невольно ощущаешь земное тяготение. Весомость другого времени. Бремя бессловесности.

Люди с трудом отрывают ноги от земли. Ноги свинцовые? Вязнут в глине? Каждый шаг кажется трудным, отрывочным, отдельным, как у Чаплина, когда он с тростью удаляется в глубину кадра. Нервически четкая походка, этакое стакато, почерк раннего Сергея Прокофьева.

Герои Довженко движутся трудно, сосредоточенно, драматично. Что-то должно случиться. За углом ждет недруг. Кадр от другого кадра отделен бездной мгновения, года, века. Должно случиться — случается.

Слияние малого и большого.

У Довженко травы, звезды, тучи, люди, кони, цветы, деревья, камни ведут общий разговор. Они переключаются и открыто зависимы друг от друга.

Земля, по Довженко, кормит человека и «не только хлебом и медом, но и мыслями, и песнями, и обычаями, и не только кормит и растит, но и примет когда-то в свое материнское лоно, как приняла прадедов твоих и деда под яблоней».

Земля — основа основ бытия.

Земля — местожительство, кормилица, почва. Почва плодотворяющая и плодотворная. И почва — причина и начало всего сущего.

Зритель должен это увидеть с первых кадров.

Седой дед и малые правнуки — временная дистанция.

Довженко обнажает прием. Он рассуждает в самом сценарии об артисте, которому придется играть деда Семена: «...Никакие художественные ухищрения не помогут ему сохранить улыбку после смерти».

Улыбка после смерти... Это сильно, чисто довженковски сказано. Артист, которому достанется роль деда Семена, должен уметь разговаривать не только с людьми, но и «с конем, телатами, с солнцем на небе и с травами на земле».

Довженко верен современности. «Дым-дымок от машин» (Тычина) затмил коней. Это, казалось, спасение для крестьянина. Наивная радость, что придет машина и кони станут ненужными. «Коней поменьшает в селе раз в сто, да и нашему брату придется крепко взяться за разум. Кончили наше полуконячье бытие».

Сейчас этот марш уходящему коню звучит как реквием.

«Колхозная земля цветет, как никогда» — это в концовке сценария. Да, соловьи щебетали в молодых садах. Да, слышались далекие девичьи хоры. Но вскоре Украина будет жестоко голодать. Этот голод унесет с собой десятки и сотни тысяч жизней.

Не понаслышке знаю этот голод. Я вынужден был оставить занятия музыкой и пошел чернорабочим на киевский завод «Арсенал». Там уже работал мой дядя Михаил. Паек пшенной каши и изредка рыбы кормил всю семью. Все работали в семье, и все голодали. Чувство голода усугублялось неопишным зрелищем: падающие прямо на улицах трупы увозили штабелями в неизвестном направлении. Молодые и старые. Сельские и городские.

Тема смерти у Довженко требует особого рассмотрения. Касаюсь ее вскользь.

Довженко ненавидел смерть. Мысленно отводил от человека прикосновение костистой карги с ее косой.

Романтик, он смело и охотно продлевал жизнь человека. Живи, человек! Пули отскакивали от его героя. Довженко утверждает бессмертие Человека. Отсюда и улыбка после смерти. Спорно? Да, Довженко порождает и плодил споры. Но это его метод, и его право, и его жизнь в искусстве.

«Земля» — лента, возведшая реальность до символа, до эмблемы.

Эмблематичны стихотворения Тычины «На май-дане», «Плуг», «Ветер с Украины». Эмблематична графика Нарбута, шрифты его. Так пишет, так видит буквы Украина, и только она.

«Земля» оценивалась в десятилетиях. И национальная эмблематичность «Земли» проступала со все большей ясностью.

Нам было по 15—17 лет, «Земля» волновала. Это было веянием нового искусства. Веянием таланта в его высшем проявлении — гениальности.

Мы узнавали все новое и новое о Довженко, ждали его новые фильмы.

Самое сцепление кадров, самая мелодика фильма «Земля» не могли не задевать за живое вместе с «Броненосцем «Потемкиным» Эйзенштейна, «Хорошо!» Маяковского, «Девятьсот пятый годом» Пастернака.

«Землю» я смотрел несколько раз. В молодости я принял картину как новое слово в искусстве кино. Не только кино.

Меня удивляла и подчас травмировала критика картины. Тенденциозная, недобросовестная, грубая.

Время, назад!

Перелистываю старые подшивки, комплекты журналов.

Чувствуется, что критику И. Киселеву («Пролетарий», 7 марта 1930) фильм «Земля» нравится, он любит его им. Но он же не дает себе права на любовное, он ставит ногу «на горло собственной песне». Зачем?

Он пишет: «Фильм, трудный для массового понимания». Откуда он это знает? Почему так думает о массах и способности их понимания?

Как и следовало ожидать, участники дискуссии и критики особое внимание обратили на кадр с голой женщиной, невестой убитого Василия. Один критик бросил упрек: как это можно выпускать на экран голую женщину накануне 8 Марта? Это, оказалось, наиболее острый момент дискуссии.

А. Клочья и М. Шермет назвали свою статью «Мы за купюры». По крайней мере откровенно и осторожно. Этим авторам кажется, что в фильме нет «нашего пролетарского синтеза» («Комсомолец Украины», 12 апреля 1930). Они, правда, не дают себе труда пояснить, что это значит.

Авторы статьи всегда на страже: «Мы стоим за выдержанный пролетарский фильм». Знают ли они сами, что это такое?

«Недостатки Довженко кроются в том, что он не овладел еще пролетарским мировоззрением», — пишут о картине В. Киришон, А. Фадеев, В. Сутырин («Правда», 9 апреля 1930).

Их поддерживает Бляхин.

Бляхина поддерживают другие.

Так идет цепная реакция рапповской критики.

А. Штейн умоляет не перехваливать талантливого режиссера, просит не называть фильм «знаменем советской кинематографии». Просьбу уважили. Со значительным превышением.

Смакуя «великое, вечное», жизнь и смерть в природе и обществе, Довженко — по мнению критика — «проглядел самое главное — подлинную механику классовую борьбу в деревне; и, конечно, вступил в резкое противоречие с действительностью». Зрители (и среди них юноша, теперь умудренный годами автор этих строк) чувствовал другое: Довженко передает жизнь и поэзию в их единстве; этот фильм — надолго и его оценят в будущем.

В примечании редакции журнала «Печать и революция» выражено «несогласие с явно несправедливой и преувеличенно-резкой оценкой до-вженковского фильма, принадлежащей перу т. Демьяна Бедного».

Сейчас мне предстоит оторвать читателя от презренной прозы, всяких там статей и стено-

грамм и повернуть его к стихам Демьяна Бедного, «мужика вредного», по его же слову.

Читая фельетон Демьяна Бедного, названный им «Философы» (эпиграф — из Грибоедова), я испытал тяжелое чувство. В ту пору (30-е годы) строки, напечатанные в «Известиях» или «Правде», взывали к немедленным оргвыводам.

Не всем эта чудо-картина ясна,
Бормочут иные, с усмешкою глядя:
— А в огороде бузина,
А в Киеве дядя!

Хохоток прерывается прямым заявлением в соответствующие инстанции:

«Земля» — кулацкая кинокартина.
На ней показана нам Украина
Кулацки-румяная,
Сытая, пьяная,
Дебелая, прочная,
Нарядная, сочная...

Кто ставил картину, мастер? А какова суть его мастерства?

...Прием мастерства
Для маскировки ее существа.

Все не нравится Демьяну Бедному в фильме: содержание, образы, композиция. Все противоречит «здравому смыслу», стоящему, так сказать, на посту боевого киноискусства.

Это что же, явление здоровое?
И неужели мы эти половые гримасы
Будем гнать, «продвигать» в пролетарские массы?

Вопрос этот Демьян Бедный не оставляет без ответа:

Разгуделись киношмели,
Рекламой кричат неослабной
В честь кинокартины «Земли»
Контрреволюционно-похабной!
Вот до чего мы дошли!

Слово названо. Где автор? Подать сюда Ляпкина-Тяпкина!

Время показало, кто был прав *. Но люди есть люди, и время, отпущенное человеку, надо измерять особой мерой.

Довженко был выведен из строя, ему испортили судьбу, искорежили ее, исковеркали.

...Разговор был при Юрии Смолике. Неожиданно вспомнили Маяковского. Довженко описал день похорон. В почетном карауле у гроба Александр Петрович стоял рядом с Демьяном Бедным. Довженко сосредоточенно-напряженно молчал. Желваки его играли гневно.

— У меня об этом записано в дневнике. Надо было бы перечитать. Там точней. Искать долго...

Газеты в ту пору разглашали нечто прямо противоположное: с одной стороны, «Земля» — верх советского киноискусства, с другой же стороны, «эта картина непонятна массам, в ней много голого интеллигентского эстетизма, ее социальные установки нечетки». Любопытная диалектика!

Критика готова была сровнять Довженко с землей (невольная игра слов).

Я следил за прессой. Заметки, статьи, фельетоны ранили меня, мое юношеское воображение вложило мне в руки меч, которым мысленно я воевал против врагов Довженко и его «Земли».

Сейчас, спустя полвека с лишним, я перечитал все эти строки, поток газетно-журнальной «продукции» и пришел в ужас. В каких условиях развивалось наше искусство, как жили, творили наиболее талантливые его представители!

Писать о Довженко трудно и почетно. Я любовался его гордой статью. Мне казалось, он всегда думает о высоком. Мелочное не замечает.

У него и пыль в «Земле» золотится. И земля звенит, как кобза.

Голова его, казалось, создана природой для образца. Красивая голова. Довженко смотрит пристально. Слушает чутко. Что-то олене в напряженности и четкости всей фигуры.

Высокая шея. Гордо поднятый подбородок. Щеки, лоб, седина — божественная резьба по дереву.

...Я пришел в назначенное время.

— Простите, Александр Петрович, я не помещаю вам?

— Только поможете. Заходите. Побеседуем. Это — лучшее начало работы. В беседе разворочим весь улей наших мыслей...

Он в это мгновение показался мне пчеловодом.

Наивно спрашивали зрители, получившие пятерки по диамату: почему Земля в «Земле» выглядит такой могучей, вечной, бессмертной, держащей человека и дающей ему силу? Этим зрителям хотелось, чтобы человек был сильнее Земли. Ответ на эти недоуменные вопросы дала сама жизнь. Не сразу. Через десятилетия. Но дала.

* Надо сказать, что вскоре и сам Демьян Бедный был подвергнут несправедливой, уничтожающей критике. Еще один пример того, что, ставляя видных деятелей культуры, можно углубить лишь их разьединенность и уязвимость.

Довженковский фильм — средствами кино созданная дума и песнь.

Земля, земли, земле, землею, на земле. Как бы мы ни склоняли это слово, оно остается символом жизни.

1986

Александр ДОВЖЕНКО

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

[1942, 1943 гг.]

Основная идея — непобедимая, несокрушимая сила нашего народа, его непреклонный дух, его вера во временность оккупации и его способность к освободительной борьбе. То есть продолжение истории...

Националист предложил женщине после собрания спеть украинскую песню.

— Иди ты к чертовой матери. У меня муж в Красной Армии где-то бьется и дети пухнут от голода, а тебе песен хочется...

Разговор партизан про войну и про жизнь. Про будущее. Будем, вот биться еще годика два, а там, знать, писатели и кино показывать будут лет тридцать, тыфу.

У меня был дед, похожий на бога. И когда я молился богу, я видел в красном углу как бы портрет деда, а сам дед лежал на печи и кашлял. Он был высокий, с серыми глазами и тонким орлиным носом. У него был высокий лоб и вились волосы, а борода белая. Был он добрый и искренний. Он безумно любил добрую беседу и доброе слово. Мать считала его чернокнижником и прятала его псалтырь. Позже она начала сжигать его по листочку в печи. Он был добрый дух луга и рыбы. Он собирал грибы и ягоды лучше нас и разговаривал с лошадьми.

Вот такую неприветливую картину надо избразить, точную, и правдивую, и честную, и подать правительству, чтобы после войны начали, по-новому подошли к своему культурному хозяйству. Сколько погибло в войне? Где музеи, где картины, сколько уничтожено памятников старины?

Неуважение к старине, к своему прошлому, к истории народа есть признак ничтожности правителей, вредно и враждебно интересам народа — и все равно, сознательно или несознательно, потому что не хлебом, не сахаром, не хлопком и не углем единым будет жив человек при социализме.

Моя военная одежда мне нравится. Очевидно, это единственная возможность приравнять себя к здоровым людям.

Будут женщины Украины плакать еще лет тридцать. Кончится война. Кого же прибьет к родному берегу? Кто утонет? Разметет ураган детей моих, как чаек, и долго-долго разносит будут они печаль по всему свету. Везде они будут. Повсюду забелеют кости этих беспризорных.

Сегодня пасха. Самый поэтичный праздник людей, обрабатывающих землю, и самый старый, безусловно, дохристианский. Праздник весны, праздник тепла, праздник оживания жизни, рода — рождение, продолжение. Солнце играло, и все радовалось, и все люди в этот день были необыкновенными. На пасху никто никого не убивал и не было краж. Даже непристойнейший из хамов не бранился в этот великий старый добрый день. Праздник над праздниками. Праздников праздник. Люди целовали людей. Нет. Нет ничего. Чисто. Продолжается будень. Длиннощий. И льется кровь. Земля занемогла.

Никто не хотел учиться на историческом факультете. Посылали в принудительном порядке. Профессоров арестовывали почти ежегодно, и студенты знали, что такое история, что история — это паспорт на погибель.

А что такое история? История есть равнодействующая всех духовных сил и способностей народа...

— Вы знаете, у него фашисты убили мать, сестру, жену и ребенка. У него уже есть орден.

— Орден? Болячка у него есть. Уже на всю жизнь.

— Правда. Он даже дрожит весь, когда рассказывает.

— Здравсьте, товарищи. Как колхозная жизнь? Как трудитесь?— спросило г... собачье, горлохвот Н., въехав в село при отступлении из Киева. Он вылез из машины весь в новом.

— Ага. Да вот, поработываем помаленьку, как видите. А вот почему это вы, такой молоденький да новенький, да вроде не туда катите?

Горлохвот сразу же примолк и исчез в машине.

— Вы знаете, я нарвался на бандитское село,— говорил он вечером где-то в штабе.— Они все ожидают немцев. Все остались там, ждут. Ну, ничего. Мы еще вернемся.

Так-то.

Самый сильный зверь в лесу не тигр, а хорек. Он воняет.

Двое глядят вниз. Один видит лужу, другой звезды. Что кому.

Чем больше приглядываюсь я к Н, тем более убеждаюсь, до чего же неподходяща, мелка эта фигура сравнительно с большим ответственным постом в ответственную великую эпоху. Он закончил высшую школу, учился, значит, слушал, читал что-то, и ничего, впрочем, ему не помогло и не поможет. Мал он габаритом. И потому, что он не соответствует своему посту, он никогда не будет на нем хорошим человеком, он будет плохим и несчастливым, вернее, злым, и сделает он несчастливыми, сам того не ведая, много хороших подчиненных ему людей.

...Населения в Киеве фактически нет. Есть небольшая кучка убогих, несчастных и нищих людей. Нет детей, нет девушек, нет юношества. Только бабы да калеки. Картина потрясающая. Такого наш мир в течение нескольких столетий, многих столетий не знает. Ведь Киев был миллионным городом. Сейчас на развалинах тысяч пятьдесят.

Мы въезжали в Киев днем 6-го числа ноября 1943 года. Сие было в день освобождения. Киев был очищен от немцев пятого ноября ночью.

ИЗ ДНЕВНИКА

26.XI.1943

Сегодня я снова в Москве. Привез из Киева старенькую свою мать. Сегодня же узнал от Большакова и тяжкую новость: моя повесть «Украина в огне» не понравилась Сталину, и он запретил ее для печати и для постановки.

Что делать, еще не знаю. Тяжко на душе и тоскливо. И не потому тяжело, что пропало впустую больше года работы, и не потому, что возмущаются враги и мелкие чиновники испугаются меня и станут презирать. Мне тяжело от сознания, что «Украина в огне» — это правда. Прикрытая и запечатая моя правда про народ и его беду.

Значит, никому, выходит, она не нужна, и ничто, видимо, не надобно, кроме панегирика.

5.XII.1943

Начну я лучше писать новый сценарий о народе. И не буду я его писать ни о дважды героях, ни о трижды предателях, ни о вождях, которые самим присутствием своим уже украшают произведение и надежды постановщиков на безапелляционные путеводные сентенции, а напишу я сценарий о людях простых, обычных, тех самых, что зовутся у нас широкими массами, которые понесли самые тяжелые потери на войне, не имея ни чинов, ни орденов. Напишу, как им жить и что делать и как и что думать, чтобы легче жилось после войны по закону божескому и человеческому. Действие начинается возвращением на развалины семьи.

25.I.1944

Я никогда не был шустрым. В дни диспутов, которыми столь обильна была моя жизнь, я нахожу нужные слова не сразу, а уже после боя, где-то в уединении, вонзив голову в подушку. Тогда-то я нахожу для своего противника сильнейшие аргументы, я одариваю его острейшим словесным оружием, я подставляю под них свои слабые места терпеливо, зато тотчас громлю его

наголову такими совершенными, яркими попаданиями, что все дрожит вокруг от восторга, все радуется, да уже поздно, напрасно. Нет уже ни боя, ни победы. Одна досада и несчастье реальности.

21.II.1944

Единственное, что меня успокаивает,— моя чистая совесть. Не буржуазный я и не националист. И ничего, кроме добра, счастья и победы, не желал и русскому народу, и партии, и Сталину, и братство народов считал и считая своим идеалом. Любовь же к своему народу и страдание его страданиями не может унижить моих взглядов.

Прощаю всех, кто сотворил мне зло. Не хочу носить в душе зла.

1.III.1944

Писатель, когда он что-то пишет, должен чувствовать себя наравне, на высоте самого высокого политического деятеля, а не ученика или приказчика.

1.III.1944

Вчера Н привез мне из Киева известие о снятии меня с должности художественного руководителя студии. Таким образом, я возвращаюсь в Киев на студию хоть и еще более поседевшим, но убогим, побитым и раненым...

Довольно бы мне уже мучиться и искупать свой грех перед Сталиным. Надо приниматься за работу и трудом доказать ему, что я советский художник..., а не одиозная талантливая фигура с «ограниченным мировоззрением».

9.IV.1944

Америка отказалась глядеть мой фильм «Битва за нашу Советскую Украину». Она, подлая, и перекупщица, и спекулянтка, не захотела даже взглянуть на ту кровь, которую покупает она за свой свиный бекон в консервных банках. Будьте же вы прокляты, господа... американцы, со всем вашим благосостоянием и добродушными улыбками.

Проклинает вас мой отец, мать и я со всем народом украинским.

29.IV.1944

Вчера звонил мне мой главковерх кино. Он сообщил мне, что мой сценарий (литературный) «Жизнь в цвету» он принимает. Что сценарий «нищего себе, только надо его сократить, особенно в первой части, в первой половине, менее удавшейся (как раз наоборот). Потом я предлагаю вам выбросить начало — царей. Не трогайте их. Ну их, бог с ними. Знаете, сейчас царей лучше не трогать. Выбросьте их».

19.VI.1944

Ужасные вещи происходят во мне.

Я не могу писать статей. У меня в голове будто оборвались все абсолютно провода, и ни единой мысли не может вылететь из нее, не может парить, не может устремиться на крыльях к читателю. Что случилось со мной? Мне кажется, что читатель не читает меня, ненавидит и не доверяет мне в великие времена Отечественной войны. Руководство внушило ему мысль, что я враг народа, опасный и вредный человек, националист, контрреволюционер, сообщник Гитлера и дьявола. Я душевно занемог. Того, что со мной сотворили, не надо было делать...

9.VII.1944

Говорит мне сегодня мать:

— Ты знаешь, Сашко. Вот, как хочешь, а наш выиграет. Только что ворожила, выиграет.

— Кто?

— Сталин. Вот увидишь. А на того ворожила, так будет убитый. На немецкого, как его?

— Гитлера?

— Ага. Все, что набрал, заберут и, значит... и убьют, вот увидишь, чтоб я так жила.

Я засмеялся, глядя на старую-старую свою мать с ее международной ворожкой на картах. Она следит за всеми самолетами, сколько пушек кого ударили, какой город забрали, украинский или белорусский, хочется и ей выгнать немецких врагов с нашей ограбленной несчастной и несчастливой земли.

13. IX. 1944. Москва

Сегодня мне исполнилось пятьдесят лет. Если б я верил в бога, я попросил, помолился бы ему, чтобы послал он мне ясного ума на десять лет, чтобы сделать что-то доброе для своего народа, и больше ничего б не просил...

14.IV.1945

Сегодня пятнадцатая годовщина смерти величайшего поэта нашего времени Владимира Маяковского. Как грустно вспоминать, что величайший поэт нашей эпохи покинул нашу эпоху.

Вспоминаю, накануне самоубийства мы сидели с ним в садике Дома Герцена оба в тяжелом душевном состоянии, я — из-за мучительств, учиненных по отношению к моей «Земле», он — обессиленный рапповско-спекулянтско-людоедскими бездарностями и пронырами. «Заходите ко мне завтра днем, давайте посоветуемся, может, нам удастся создать хоть небольшую группу творцов в защиту искусства, потому что то, что творится вокруг,— это нестерпимо, невыносимо». Я обещал прийти и пожал в последний раз его огромную руку. На завтра, в воскресенье, собираясь к нему с Юлей, я услышал страшную новость, которая так повадилась в нашу культуру смертников-художников.

Прошло пятнадцать лет. Недавно в кремлевской больнице престарелый... Демьян Бедный встретил меня и говорит: «Не знаю, забыл уже, за что я тогда обругал вашу «Землю». Но скажу вам — ни до, ни после я такой картины уже не видел. Что это было за произведение подлинного великого искусства!»

Я промолчал.

5.VI.1945

Народ может быть велик в каждый данный момент только в одной области. Нет поэтов — есть генералы, маршалы. Бывают эпохи художников, бывают и другие эпохи, которые порождают людей умных и сильных, чрезвычайно мужественных. Но все же, чтобы быть художником, надо обладать железным мужеством...

27.VII.1945

...Товарищ мой Сталин, когда б вы были даже богом, я и тогда не поверил бы вам, что я националист, которого надо клеймить и держать в черном теле. Когда нет ненависти принципиальной, и пренебрежения нет, и недоброжелательности ни к одному народу на свете, ни к его судьбе, ни к его счастью, ни к достоинству или благополучию,— неужели любовь к своему народу является национализмом? Или национализм в непереносимости к глупости людей чиновных, холодных деяг, или в неумении художника сдерживать слезы, когда народу больно? Зачем превратили вы мою жизнь в муку? Для чего отняли у меня радость? Растворили сапогом мое имя?

Впрочем, я прощаю вас. Потому что я часть народа. Я все-таки больше, чем вы. Бывая весьма мал, прощаю вам малость вашу и зло, потому что и вы несовершенны, как бы ни молились вам люди. Бог есть. Но имя ему — случай.

15.VIII.1945

Окончилась мировая война. Народы начнут зализывать свои раны и ставить памятники полководцам и их лошадям. Мир...

В крови и трупном смраде завершило человечество свою трагедию изобретением атомной бомбы. Атом разорван, всемирный грех учинен. Бомбу сбросили. Рухнуло гигантское государственное сооружение японского божественного империализма людоедов.

Что есть атомная бомба? — спрашивают сегодня тысячи людей. Сколько несчастья принесет она? Сколько зла сотворит? Могучее средство энергии коммунизма — в руках у капиталистов, возглавляемых мелким лавочником. А что, когда и мы обречем сию бомбу? А обречем непременно. Не можем не обрести. Тогда: чьи атомы сильнее? А что, если фашистские бандиты и подпольные маньяки-людоеды, вооруженные огромными капиталами, украдут у Трумэновых молодцов или купят тайком полдесятка бомб и уничтожат Москву? Какие страшные возможности индивидуального террора может нести в себе это недоброе изобретение. Исчезли с неба смертоносные самолеты, но не прояснилось небо. Где-то в далекой безграничной голубизне видится двуногий преступник, предвестник финального акта трагедии человечества. Господи, хоть бы я ошибся. Да не будет так.

3.IX.1945

...По натуре своей я не могу, не умею быть доволен. Я с несчастными, с бедными, с неустроенными. Я замечал это за собой всегда. Очевидно, сие от моего неудержимого воображения и от каких-то житейских старинных травм.

...Мировая война закончилась атомной бомбой. Я хочу работать. И хочу верить до смерти, что не нужны уже будут человечеству глупые генералы, полковники, идиотские танки и пушки, и весь этот мусорник атактистических глупостей, все эти памятники великим убийцам и их лошадям и

готтентотские почести снайперам, маршалам... Что будет мир. Что не нужны будут герои-мученики.

6.XI.1945

Как мне жаль, что у меня грипп. Так бы хотелось сегодня вечером пройти по центру столицы среди народа, проникнуться настроением торжественного великого праздника. Ожить, помолодеть.

За два года остракизма во мне так обеднела и истощилась душа. Как страшно жить мне среди своих людей, которые должны глядеть на меня, как на мертвеца или как на врага народа. Как трудно быть одному, когда хотелось бы быть с людьми, хочется делиться мыслями, опытом, знаниями... Пожелаю и великому моему советскому народу-великану счастья и славы. Потому что его счастье — мое счастье! И жизнь моя — служение ему. А себе пожелаю пяти картин.

10.XI.1945

Мой политический уровень невысокий. И некоторых вещей я и доселе не понимаю еще.

Вот только не знаю, почему сейчас люди так не любят трудиться? Почему их надо подгонять газетами! И для чего, скажите мне, труд рассматривается уже как нечто исключительное? Почему его провозгласили делом чести, доблести и геройства, когда он сам по себе есть простое дело.

Как вам угодно, но, по-моему, не надобно быть героем, чтобы трудиться. И доблести особой не надо. Не следует так запугивать людей трудом. Труд — штука приятная, радостная...

25.XI.1945

Начальнику и председателю кинематографии. Пользуясь подготовкой к съемкам фильма «Жизнь в цвету», почтительно уведомляю вас, что с сего дня я прекращаю получение заработной платы. Я прошу Вас, не обнаруживайте в сием моем поступке ничего такого, что могло бы вас раздражать, к примеру, или еще чего. Я делаю это не с целью демонстрации или непослушания. Напротив, я желаю сием особенно подчеркнуть мою лояльность насчет моей оплаты. Но вместе с тем я не могу и не думать о качестве картины, которую я начинаю снимать. До сего времени я воспринимал себя как одного из лучших режиссеров кинематографии. Я привык к сией мысли, и она, возможно, помогала мне держаться на высоком моральном уровне в производстве. Сейчас же назначенная мне месячная плата по третьему разряду ежемесячно дважды угнетает мое сознание и поселяет во мне печаль и неверие в собственные способности. Посему я для того, чтобы охранить свою душу от ненужных и вредных для моего состояния намеков на свою творческую неполноценность, прошу удовлетворить мою просьбу, дабы я мог спокойно предаваться власти моих мечтаний и не нарушать привычных представлений о своем достоинстве. Плату за труд, будьте добры, определите мне в какой-то иной форме по окончании фильма, соответственно его качеству.

С уважением,
заслуж., лауреат и проч.
Ал. ДОВЖЕНКО

9.XII.1945

Мы единственная на свете страна построенного социализма, в которой слово «интеллигент» звучало (когда-то) как пренебрежительное слово. У нас было заведено понятие «гнилой интеллигент». А между тем интеллигент никогда не был у нас гнилым. Напротив, он был пламенным, чистым, передовым. Гнилой у нас была не интеллигентия, а мешанство. Оно осталось гнилым и нестерпимо смрадным и сейчас, невзирая на высокие государственные посты, которые оно позанимало...

Люби слово сие, да будет оно твоим символом — человек-интеллигент, ибо не может быть радости жизни сегодня в стране, где тебя нет, где ты неухожен, третьеразряден, фальшив или подделан, какие бы высокие слова ни написала на каменных скрижалях рука великих интеллигентов Маркса, Энгельса и Ленина.

20.I.1946

Начинает греметь «Молодая гвардия» А. Фадеева. Читают по радио, в школах, печатают. Автора избирают в Верховный Совет Союза ССР.

И я рад его успеху, будто мой это собственный успех. Рад и доволен, что хватило сил и настойчивости у Саши поднять такой великий труд. Рад, что утихомируются литературные парвеню, которые уже пытались сдавать его в архив покойников и пьяниц.

Фадеев крупный талант, и Фадеев настоящий коммунист, и за это я всегда уважал его, при

всех его неудачах, долгих простоях. Начинается его второе рождение — зрелый возраст...

2.IV.1946

Двадцать девятого марта читал в Союзе писателей «Жизнь в цвету». Читал целых три часа. Народ слушал, как завороченный. И только после чтения я заметил, как все были возбуждены и взволнованы.

Все встали и долго приветствовали меня аплодисментами. Я поклонился им, благодарный за внимание и уважение. Но было мне очень грустно. Было в этом приветствии, во всем этом что-то немного сходное с демонстрацией. Я видел перед собой людей, которые радовались моему произведению и радовались моей трудоспособности. Радовались, что не погиб я от удара грубого и жестокого кулака, не стал духовным калекой, хамом и лакеем, не впал в отчаяние и не проклял мир...

5.III.1948

В обращении с вышестоящими надо всегда быть скромным и не терять почтительности, во всяком случае, надо делать все, дабы видимость вышеуказанного была замечена начальником.

Если начальник, понуждаемый неведомыми вам домашними или служебными драмами, получит где-нибудь от еще более высокого начальства нахлобучку, начнет кричать на вас, не падайте духом, не бегите вешаться, не проклиная жизнь. Вы можете сказать очень ласково, более того, сочувствуя ему, сказать вежливо:

— Не утруждайте себя криком. Поверьте, что даже обычный разговор с вами доставляет мне истинное страдание всегда.

Начальник тотчас же присмирееет. Он не сразу поймет истинную сущность вашей вежливости, и тогда, прежде чем приступ ничтожности и злости вспыхнет в нем с новой силой, вы постарайтесь уйти домой... Дома вы поплачете, поскрежете зубами и садитесь писать нечто бодрое, героическое.

7.II.1949

Что со мной произошло? Я вроде разучился писать. Пишу статью для «Литгазеты» о суде над «Летр франсез» и за два дня не могу собрать мыслей, не могу пером повести. Еще не написал и одной страницы, а уже устал так, будто камни ворочал на тяжелом пути, и сердце болит и печаль обнимает душу. Нет, не редакция принадлежит я, а, наверное, врачам. И тормоз в писании — это травма моя, что никогда уже меня не покинет. Ловлю себя на мысли: будто стоит мой грозный критик за плечами и разглядывает бессердечным глазом каждую букву мою и каждую запятую, нет ли в них предательства и подкола. И я, вместо того чтобы писать, страдаю. Я сломлен.

Я воспринимаю уже мир, как страдание. Я постиг: измеряется оно глубиной потрясения внутреннего, всей души, а не только гнетом внешних обстоятельств. Я мог бы долго жить и творить много лишь на основе добра, на основе положительных стимуляторов.

10.III.1952

Все направлено в завтра. Эта направленность в недалекое будущее составляет душу нашего времени.

Это молодость, реальность, оптимизм.

Это не мечты о далеком счастье. Мы уже подошли к счастью очень близко.

Сделано так много, что, кажется, от смерти Ленина до наших дней прошли столетия, так много вместилось великих событий в двадцать восемь лет.

10.VIII.1953

Потрясающей и зловещей гримасой нашего времени является, несомненно, злодейство Берии...

Вспоминаю дьявольскую рожу, которую скорчил Берия, когда привезли меня к Сталину на суровый страшный суд по поводу неудачных ошибочных фраз, вкрапившихся, по словам самого Сталина, в мой сценарий «Украина в огне».

Вытаращив на меня глаза, как фальшивый плохой актер, он (Берия) грубо гаркнул на меня на заседании Политбюро (в начале сорок четвертого года):

— Будем вправлять мозги!

Кто лишь не вправлял мне мозги, боже мой...

— О, я знаю тебя! — грозно тыча пальцем и так же злобно, вытаращив глаза, поучал меня друг Берии Н. — Ты вождю пожалел десять метров пленочки. Ты ни одного эпизода ему не сделал. Пожалел! Не хотел изобразить вождя! Гордость тебя заела, вот и погибай теперь... Ты-ы!

Как надо работать в кино?! И что твой талант? Тыфу — вот что твой талант... Ничего не значит, если ты не умеешь работать... Ты работай, как я: думай, что хочешь, а когда делаешь фильм, разбросай по нему то, что любишь: тут серпачек, тут молоточек; тут серпачек, там молоточек, там звездочку...

«Первый маэстро» начал даже показывать мне, как именно надо разбрасывать серпачки и молоточки, от чего я едва не провалился в землю от возмущения, отчаяния и отвращения.

Разбросав воображаемые серпачки, маэстро гордо встал передо мной и поднял голову и указательный перст:

— Вот и был бы ты человеком. А теперь мой совет тебе: исчезай, вроде бы нет и не было тебя...

Но самое грустное... случилось со мной накануне ареста Берии.

Как впоследствии выяснилось, он уже был арестован, но никто из нас, простых смертных, про сие не знал. Знал, очевидно, «друг» Н.

В министерстве... просматриваю вместе с Иваном Козловским фильм «Джунгли». Открывается дверь: Н. Какая-то дамочка, которая всегда за ним тащится, села в кресло, сам же «друг» устремился ко мне сразу. Зная явно, что я здесь сижу.

Отводит меня в угол.

— Слушай, Сашко, я хочу сказать тебе (шепотом), сказать тебе очень приятное известие для тебя. Если тебе надо... слушай меня внимательно... если тебе надо устроиться творчески и вообще устроиться достойно своего значения здесь, в Москве, или на Украине, в Киеве, напиши коротенькое письмо Лаврентию Павловичу. И не откладывай... Напиши: «Дорогой Л. П., я и проч., очень прошу вас помочь мне творить...» и проч. Понял? Он тебе все сделает. Понял? Можешь мне верить. Это я тебе, запомни, говорю. Да будет тебе известно, он лучше к тебе относится, чем относился. Я уезжаю... Здесь я ничего не могу заслужить.

Я промолчал. Я был подавлен этим разговором. Маэстро исчез немедленно. Я до сих пор не могу понять, что это? Провокация? Покупка?

12.IX.1954

Сегодня мне шестьдесят лет минуло...

Вчера и сегодня я получил много приветственных телеграмм. Из Москвы, конечно, не из убогого Киева.

Национальную форму и содержание я чувствую всегда, и сегодня особенно. Горько мне? Гробит меня отчаяние или печаль? Нет. Небо такое ясное, и воздух прозрачен...

Люблю народ свой пылкой любовью. Утихло много бурь в моем сердце и страстей утихло много, только одна из них осталась во мне навсегда: страсть этическая, и за это я благословляю свою судьбу и свое время...

25.IX.1954

Сегодня я почему-то вспомнил о выступлении Чарли Чаплина в прессе или в речи со слов Андрея Малышко.

Чаплин заявил, что славянство пока что дало миру в кинематографии одного художника — мыслителя и поэта. Он назвал мое имя, отчего, очевидно, украинская часть нашей советской делегации деятелей культуры застенчиво опустила глаза, не зная, как реагировать...

26.X.1954

Чудо со мной. Мне стало легче. И настроение изменилось. Немного снизилось давление. Начал писать, ходил в глазную больницу, аптеку. И хоть ходить трудно, болит за грудиной, я стал весел и бодр. Наверное, потому, что Юля позвонила. И день снова сказочный. Днепр, и небо, и осоки, и Козацкий остров — все меня очаровывает. Тепло и тихо. Благословенная осень...

23.XII.1954

Художественное произведение является всегда в определенной степени протестом в пользу или против кого-то или чего-то.

Не следует хитрить с читателем. Когда вы пишете, представляйте себе, что вы завтра умрете и что вы пишете завещание для любимых своих детей.

Не бойтесь увлечения. Бойтесь лжи и утрировки.

Ничто, никакой ряд живых и ловких сцен не заслонит отсутствие основной идеи.

А идея является сама, если в романе есть две живые неодинаковые, разные личности.

По закону природы: достаточно соприкосновения двух пластинок металла — холодной и горячей, чтобы уже потекло электричество.

Культ личности — это не личность. Это огромный сложный административный аппарат, не один миллион функционеров. Это психологический стереотип и у тех, кто «сверху», и у тех, кто «снизу». Поэтому наивно предполагать, что за какие-то тридцать лет и три года он исчез и улетучился. Личность — только верхушка такого айсберга. Сталин направлял репрессии, но их осуществляли люди. Одни заблуждались, другие верили, третьи действовали сознательно, движимые жаждой власти, наживы, мести, зависти и еще бог знает чем. И ведь большая часть этих людей жива, многие при должностях. Они не молчат, а сеют семена своей идеологии. Нельзя не видеть этого, не придавать значения наличию подобных сил в структуре нашего общества. Сопротивление перестройке — не просто досадные помехи, не отдельные случаи, не только психология и инерция, но и сознательное сопротивление.

Нас будоражит то, что было пятьдесят лет назад, а то, что реально происходит сейчас, не замечаем. Как дети, рады, что нет культа Сталина... Помню, как мы, биологи, радовались, что покончено с лысенковщиной. И только позже, через десять, двадцать лет, стали понимать, что болячку просто загнали внутрь. Увы, «свардия» держится и, если открыто не нападает, то уж не уступает и пяди. И прошедшее время для нее не срок.

Сейчас идет не только перестройка личности, но и перестройка общества, не намного меньшая, чем на заре нашей истории.

В. ФИЛИППЕНКО
Одесса

Мне 28 лет, замужем, воспитываем с мужем пятерых детей, считаю многодетной матерью. У нас ни бабушек, ни дедушек. Рассчитываем с мужем только на свои силы, все начинали с нуля, помощи ждать не от кого. И мы довольны, не потеряли надежду на лучшее, не огрубели, не ожесточились. Сама я из большой семьи, у матери моей было десять детей. Она одна нас воспитывала, имеет трудовые награды, орден «Мать-героиня». Почему же сейчас, когда ни голода, ни войны, никаких вроде особых трудностей, люди не хотят иметь много детей, считают, что это очень хлопотно, и на многодетных смотрят свысока: мол, делать им нечего, только что детей рожать? Как же это несправедливо, иногда до слез обидно, думаю, почему люди такие жестокие стали? Иной раз стыдно признаться, что я многодетная мать. Государство о нас заботится, а люди, что живут рядом, стараются не замечать. «Раз многодетные, значит, нищета», — не раз я слышала подобные высказывания. Да, может быть, мы не имеем всего того, что имеют в семьях с одним ребенком, где бабушки готовы прийти на помощь в любую секунду. Но наши дети никогда не станут черствыми, грубыми, равнодушными.

Муж мой — водолаз, постоянно в командировках. Зарботок у него 250 рублей в месяц. Я не работаю. Спросите, почему? А какому производству нужен человек, который больше сидит на больничном? Дали нам два года назад квартиру — хорошую, четырехкомнатную, пошла я устраиваться в ДЭЗ уборщицей, чтоб дома побольше с детьми быть. Две недели проработала и слегла с воспалением легких, к тому же была беременна. Прихожу после больничного, а мне заявляют: «Таких работников нам не надо. Если бы знали, что вы многодетная, вообще бы не взяли».

А ведь я и паспорт и книжку трудовую принесла. Вы скажете, есть закон, организация не имеет права увольнять женщин беременных и имеющих на иждивении малолетних детей. Да, закон есть, но это, наверно, не для нас, очень мы для производства не выгодны. Сколько ни ходила в Бюро по трудоустройству, чтоб подходящее место найти, все попусту, предлагали работу надомную — шить, а я не умею, дали адреса заводов, но куда я только не обращалась, везде лучше возьмут пенсионеров, инвалидов, многодетные же никому не нужны. Вот и живем семеро на 250 рублей в месяц. Хотела детей в детский сад устроить. Ну, думаю, многодетной сразу места дадут. В райздраве посмотрели мои документы и выдали листок с номером очереди... 1136. Вы, говорят, у нас такая не одна. Ждем садик уже больше двух лет. Многие советуют: ходи, добивайся. Но почему я должна ходить, унижаться, просить, когда мне положено по закону? Да и некогда. Бывает, в магазин надо сбегать, да не на кого оставить детей. Когда муж дома, разрываюсь между семьей и бумажными делами. Вот последней, пятой дочке, исполнился год, пошла в райотдел соцобеспечения оформлять документы на пособие, но там потребовали характеристику с места работы, а поскольку я не работаю, то из ДЭЗа, но ДЭЗу нужен запрос РОСО, так и бегаю туда-сюда. Скажите, не издевательство ли все это, и вообще, что может написать ДЭЗ в характеристике, когда там меня совсем не знают. Я не жалуюсь, мне просто обидно за свою семью, за всеобщее равнодушие. А вообще я счастлива, что у меня любящий муж, дети — наша радость и горе, наше будущее, и я не представляю жизни без детей!

В. ШЕМЕТОВА
Москва

С негодованием и возмущением прочитал в № 36 письмо Л. Г. Подгорной из Харькова о том, что новенькие ордена Отечественной войны выданы бывшим фронтовикам только за то, что они выжили!

Это мы-то выжили! Как могла подняться рука написать такое? Что это — зависть или невежество? По-моему, и то и другое. Автора не смутило даже то, что сейчас самым молодым участникам войны давно перевалило за шестьдесят.

Президиум Верховного Совета СССР в Указе «О награждении орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» в марте 1985 года четко установил, за что награждать — за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с не-

мецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы — и кого награждать: Героев Советского Союза — участников Великой Отечественной войны, лиц, имеющих ордена Славы трех степеней, других воинов, принимавших непосредственное участие в сражениях в составе действующей армии и партизанских формирований и получивших ранения в боях, а также тех, кто был отмечен в период Отечественной войны орденами СССР либо медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и т. д.

Этим же Указом было четко установлено, кого наградить орденом Отечественной войны I степени, а кого — II степени.

Представления, как известно, готовились военкоматами и кадровыми органами персонально по каждому участнику войны. Проведена огромная работа по всей стране по уточнению и приведению в порядок соответствующих данных.

Никто из нас, фронтовиков, не прятался в кусты, чтобы выжить. Мы смело смотрели смерти в глаза, многие наши товарищи по оружию остались на поле боя. Ну, а мы, живые свидетели и творцы долгожданной Победы, спустя сорок лет отмечены орденами Отечественной войны. Мы сердечно признательны Советскому правительству и с гордостью носим эти почетные и заслуженные награды.

И. УХВАРОНОК,
сержант-фронтвик,
ныне старший инспектор
Министерства культуры
РСФСР

Старший лейтенант А. Берлизов возмутил меня своим письмом (№ 37) до глубины души. Можно согласиться с ним, что сегодняшнему подростку с идеалами не повезло. Но нельзя принять и понять издевательского тона, с которым лейтенант пишет о дедах и отцах этих подростков. Разве можно писать о прошлом своего народа в таких выражениях: «дед рыдал в день смерти И. В. Сталина», «потом с приятелями мусолил «клубничку о культе», «аплодировал тем, кто выбросил И. В. Сталина из Мавзолея». Вот уж истинное отсутствие идеалов и неприкрытый цинизм.

Совершенно очевидно, что Берлизов не понимает главного. Культ личности Сталина — трагедия советского народа. Люди действительно плакали над его гробом, потому что верили ему. Плакали и те, кто уже тогда знал, если не всю, то хоть часть правды о своем времени. Но разоблачение культа было не меньшим потрясением, чем сам культ.

Стойкость и мужество советского народа, который так безжалостно, грубо, издевательски представил в своем письме Берлизов, определяется безграничной верой в Отечество, в идеалы социалистического строя. Эту веру не сломили ни беды коллективизации, ни культ Сталина, ни застойные времена. Эту веру народ сохранил вопреки всему. Поколение отцов, выигравших Великую Отечественную, верило в победу и умирало за нее не благодаря общеобразовательной школе эпохи Сталина, а благодаря воспитанию своих отцов и матерей, совершивших революцию. В школе тех времен (я ее выпускница) нас учили фальсификации исто-

рии. В букварях воспроизводилась фотография, где Ленин и Сталин сидели рядом, но даже нам было известно, что она смонтирована.

Не знаю, как рос автор письма, но знаю, что это человек без сердца. Так он себя воспитал сам. Он угрожает педагогу М. Щетинину «органами государственной безопасности», называет его и людей, «овладевших средствами массовой информации», «врагами Советской власти и провокаторами». Те, кто пережил культ личности, хорошо помнят эти слова, но не допустят повторения пережитой трагедии.

В нашей стране идет борьба между сторонниками перестройки и ее противниками. И у тех, и у других в руках одно оружие — гласность и демократия. Необходимость учиться демократии очевидна, но также очевидна и необходимость учиться умению слушать и возражать, учиться равенству в споре. Именно письмо Берлизова заставляет меня говорить об этом, ибо «обличения» старшего лейтенанта смахивают на грубый окрик, более того, на политический донос, провозглашенный безапелляционно, как истина в последней инстанции.

Со своей стороны считаю своим долгом заявить, что старший лейтенант Берлизов не имеет морального права «иметь дело с педагогическим браком — лицами, совершившими преступления». Ничего хорошего «преподать» он им не может.

М. САЛЪЕ,
доктор
геолого-минералогических наук
Ленинград

Иной раз слышишь, что льготы, которыми пользуются фронтовики, — роскошь для них. При этом логика рассуждений такова: в первые десятилетия после войны никаких льгот не было. Больше того, попав из огня в полымя, фронтовики восстанавливали разрушенное, терпели и голод и холод. Оказавшиеся же в колхозах работали за пустопорожние, как писал поэт, трудовни. За что же им сейчас предусмотрены льготы? Порой дело доходит до скандалов, оскорбления стариков. Многих молодых кумушек и вовсе бесят заказы, которые получают участники войны. Но ведь это помощь заслужившим ее людям в материальном и социальном плане — с учетом того, что они, эти люди, уже в преклонном возрасте. Солдаты же Великой Отечественной, вернувшись с войны не к изобилию, ни о каких льготах не мечтали.

И еще одно: наш город Лениногорск, отстоявший от фронта за тысячи километров, по праву называют городом-фронтовиком. Не случайно его полиметаллический комбинат награжден орденом Отечественной войны I степени. Многие металлурги свинцового завода рвались на фронт, но им говорили: для вас фронт — это плавильные печи, агломашины. Люди порой сутками не покидали завод. Некоторые из них еще живы. Но в магазин, который обслуживает фронтовиков, путь для них заказан. И покоятся в шкапулах потускневшие медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

М. МУСИН,
журналист
Лениногорск,
Восточно-Казахстанской обл.

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ
МУЗА
XX
ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

**Михаил
ГОЛОДНЫЙ**
1903—1949

Михаил Голодный — псевдоним Михаила Эпштейна. Судьба Голодного и его стилистические особенности близки Михаилу Светлову. Но по сравнению со Светловым он написал мало произведений, врезавшихся в сознание читателей. Голодный не был значительным поэтом, он был автором ряда значительных стихов, песен и замечательной, на мой взгляд, поэмы «Верка Вольная».

ВЕРКА ВОЛЬНАЯ

Верка Вольная —
коммунальная женка, —
Так звал меня
командир полка.
Я в ответ
хохотала звонко,
Упираясь руками в бока.

Я недаром
на Украине
В семье кузнеца
родилась.
Кто полюбит меня —
не кинет,
Я бросала —
и много раз!

Гоцай, мама,
да бер-би-цюци!
Жизнь прошла
на всех парусах.
Было детство,
и я была куцей
С красным бантиком в волосах.

Я отцу
меха раздувала.
Пил отец,
буянила мать.

Белый фартучек я надевала,
с гимназистом ходила гулять.

Помню я
Рыбаковую балку,
Вой заводских сирен с утра,
Над потемкинским парком —
галки,
Тихий плеск воды у Днепра.

Гоцай, мама,
да веселее!
Горечь детства
мне не забыть.
Никому
в любви не жалея,
Рано я научилась любить.

Год Семнадцатый
грянул железом
По сердцам,
по головам.
Мне Октябрь
волос подрезал,
Папироску поднес к губам.

Куртка желтая
бараньей кожи,
Парабеллум
за кушаком.
В подворотню бросался прохожий,
увидав меня за углом.

И смешно было, и неловко,
И до жара в спине горячо —
Неожиданно вскинув винтовку,
Перекинуть ее за плечо.

Гоцай, мама,
орел или решка!
Умирать, побеждать — все к чертям!
Вся страна
как в стогу головешка,
Жизнь пошла
по железным путям.

Ой, Синельниково,
Лозовая,
Ларионово,
Павлоград.
Поезда летели.
Кривая
Выносила их наугад!

Гоцай, мама,
да бер-би-цюци!
Жизнь включалась
на полный ход.
Барабаны двух революций
Перепутали
нечет и чет.

Мат.
Проклятье.
Проклятье
и слезы.
На вокзалах
толпа матерей,
Их сшибали с пути
паровозы,
Подымал
поцелуй дочерей.

«Верочка моя...
Вера...»
Лозовая.
Павлоград.
Подхватили меня кавалеры
Из отчаянных наших ребят.

Гуляйполевцы,
петриковцы
Напевали мне
про любовь.
Молодой дурошлеп
из свердловцев
Набрехал мне пять коробов!

Я любила —
не уставая —
Все неистовей
день ото дня.
Член компартии из Уругвая
Плакал:
«Верко, люби меня...»

Я запомнила его улыбку,
Лягушачьи объятья во сне,
Неуютный,
болезненный,
липкий,

Он от слабости
дрыхнул на мне.

Я хотела на нем задержаться,
Я могла бы себя укротить,
Но не мог он —
подумаешь, цаца! —
Мне любви моей прошлой простить.

Шел, как
баба, он к автомобилю,
По рукам было видно —
не наш.
Через год мы его пристрелили
За предательство и шпионаж.

Гоцай, мама,
да бер-би-цюци!
Жизнь катилась,
как Днепр-река.
Я узнала товарища Луца,
Ваську Луца,
большевика.

Васька Луц!
Где о нем не слыхали?
Был он ясен и чист,
как стекло.
Мои губы
его отыскивали,
Мое сердце
на нем отошло.

— Мы не в этом ищем свободу, —
Говорил он.
— Нам путь твой негод.
Ты из нашей
Рабочей породы,
Но не видишь, куда идешь...

Гоцай, мама,
его подкосили!
Под Орлом его пуля взяла.
Встань из гроба,
Луц Василий,
Твоя Верка
до ручки дошла.

Твои сверстники вышли в наркомы,
Твои братья правят страной,
Твои сестры в Советах, как дома, —
Я одна
прохожу стороной.

Завезла меня в яму кривая,
Ты не умер,
Василий, — ты жив.
Меня бьет
твоя правда живая,
Всюду
делом твоим окружив.

Гоцай, мама,
да бер-би-цюци!
Я сама себе
прокурор.
Без шумихи,
без резолюций
Подпишу я себе приговор.

Будь же твердой,
Верка, в расплате,
Он прощал —
ты не можешь простить.
Ты свободу искала
в кровати.
Ты одно понимала —
любить.

Кто же ты?
Вспомни путь твой сначала.
С кем ты шла?
Чем ты лучше любой?
Ты не шла —
тебя время бросало,

Темный сброд ты вела за собой.
Ты кидалась вслепую упрямо.
Ты свой долг
забывала легко.
Прямо в грязь
опрокинуто зная,
В подреберья
засело древко.

Посмотри:
ни орел и ни решка,
От стыда
ты свернулась ежом,
Рот усталый
искрилен усмешкой,
Сердце, точно петух под ножом...

Вижу день мой от пороха серый,
Мне уж знамя над ним не поднять,
Мир трясет большевистская вера,
Я ее не могла отстоять.

Без почета,
без салютов
Схороните Верку,
друзья.
Родилась в девятьсотом
(как будто),
В двадцать пятом расходуюсь я.

Месяц июль.
День Конституции,
Облака бегут не спеша.
Гоцай, мама,
да бер-би-цюци!
Верка платит по счету. Ша!
1933.

**Николай
НЕЗЛОБИН**
1891—1951

Родом из Рязанской губернии. Из пятого класса училища был исключен и арестован полицией за стихи, прочитанные на проводах политического ссыльного. Во время революции был избран секретарем шахтерского Совета рабочих депутатов. Явно недооцененный при жизни поэт.

**ИЗ ПОЭМЫ
«ЕРЕМИН КЛАД»**

Ко мне рассвет на красных лапках,
как бабкин белогрудый гусь,
а я в тайгу, где в рысых шапках
таилась каторжная Русь.
Я — целиком, по бурелому,
в лохматый сумрак моховой,
где черти рыбака-Ерему
совали в прорубь головой;
где в сенцах у седых колдуний
шершавый леший, царь лесной,
тягался с кузнецом-Якуней
природной силой земляной;
где взятый ведьмой в постояльцы
вылазил из подземных нор
покрытый сажеей на два пальца
зачинщик всех бунтов — шахтер.
Я свистнул им, и мы помчались:
рыбак, шахтер, кузнец и я.
Навстречу в сумерках качались
зубцы старинного кремля.
Под колпаками снеговыми
чернели башенные лбы,
и дым барахтался за ними,
приподымаясь на дыбы.
Он прыгал в каменные окна,
и от боков его пушных
налипли черные волокна
на белых варежках моих.
Мне их на спицах в ночь глухую
вязала бабка, друг печной, —
и не забыл ее, седую,
распутала ль она, колдуня,
ту пряжу белую родную,
что спутал ветер боровой?!

Ю. И. ПИМЕНОВ. 1903—1977.
ДАЕШЬ ТЯЖЕЛУЮ ИНДУСТРИЮ!
 1927.

Государственная Третьяковская галерея

ПАЛИТРА
 ЭРЫ
 ОКТЯБРЯ

Народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, в 20-е годы Пименов учился во Вхутемасе у В. А. Фаворского. Это был период столкновения взглядов и мировоззрений. В борьбе за сохранение станковой картины как вида искусства в стенах Вхутемаса зародилась одна из наиболее интересных художественных группировок того времени — Общество художников-станковистов (ОСТ), членами которого стали А. А. Дейнека, С. А. Лучишкин, Ю. И. Пименов и другие. Их общим идейным стержнем было создание новой, обращенной к современности картины, желание создавать нужные народу произведения, не только содержание, но и язык которых выражали бы революционные преобразования в стране.

Картина Пименова «Даешь тяжелую индустрию!» — программное произведение. Энергия нового, революционного общества выражена в ней языком агитационного плаката, монументально-лаконичным и точным, живописью яркой и пуритански суровой.

М. В. НЕСТЕРОВ. 1862—1942.
ПОРТРЕТ А. В. ЩУСЕВА.
1941.

Государственная Третьяковская галерея

Творческая судьба художника долгая и незаурядная. Он прошел многие этапы в развитии отечественного искусства — был членом Товарищества передвижников, сближался с творчеством «Мира искусства», но всегда оставался верен своим принципам, верен самому себе.

Нестерову было свойственно мудрое и проницательное понимание главного в человеке. Он создал замечательную галерею портретов людей науки и культуры, утверждая красоту духа и силу разума творческой личности. Среди них — портреты И. П. Павлова, В. И. Мухомовой и других. Последним в творчестве Нестерова стал портрет А. В. Щусева. Практик, теоретик и историк архитектуры, начавший свою творческую жизнь еще в 1900 годах, Щусев принимал участие в разработке Генерального плана реконструкции Москвы. По его проекту был сооружен Мавзолей В. И. Ленина, построено здание гостиницы «Москва». Нестеров начал писать портрет 22 июня 1941 года у Щусева, в Гагаринском переулке. Едва принялись за работу, как пришло известие о войне. Однако Нестеров не бросил портрета и писал его больше месяца. В отличие от других портретов Щусева получился беспойным, контрастным по цвету. Несвойственное нестеровским портретам состояние глубокой задумчивости, скрытой тревоги передавало внутреннее душевное смятение самого автора, его героя. В это тяжелое, напряженное время Нестеров не покинул Москвы.

**ТРУДЯЩИЕСЯ
СТРАНЫ СОВЕТОВ!
БУДЬТЕ ПОДЛИН-
НЫМИ ХОЗЯЕВА-
МИ НА СВОЕМ РА-
БОЧЕМ МЕСТЕ, В
ТРУДОВОМ КОЛ-
ЛЕКТИВЕ И В ОБ-
ЩЕСТВЕ В ЦЕЛОМ!**

**ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС
К 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ!**

**XXVII СЪЕЗД ПАРТИИ
ПОСТАВИЛ ЗАДАЧУ
ОБЕСПЕЧИТЬ
К 2000 ГОДУ
КАЖДУЮ СОВЕТСКУЮ
СЕМЬЮ
ОТДЕЛЬНОЙ КВАРТИРОЙ
ИЛИ ИНДИВИДУАЛЬНЫМ
ДОМОМ.**

**КТО ПОСТРОИТ
И РАСПРЕДЕЛИТ
СОТНИ МИЛЛИОНОВ
КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ
ЖИЛЬЯ!**

**ЭТОТ ВОПРОС
ВОЛНУЕТ МНОГИХ:
И ТЕХ, ДЛЯ КОГО ЭТА
ПРОБЛЕМА СТОИТ
ОСТРО УЖЕ СЕЙЧАС,
И ТЕХ, КОГО
ОНА ОБЕСПОКОИТ
В ПЕРСПЕКТИВЕ,—**

**ВЕДЬ В СЕМЬЯХ
ПОДРАСТАЮТ ДЕТИ...**

**НА ИЮньСКОМ
(1987 ГОДА)**

**ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС
БЫЛ ОБСУЖДЕН ВОПРОС
О РАСШИРЕНИИ ПРАВ
ПРЕДПРИЯТИЙ,
ПОСЛЕДОВАВШАЯ ЗАТЕМ**

**СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

**УТВЕРДИЛА ЗАКОН
О ГОСУДАРСТВЕННОМ
ПРЕДПРИЯТИИ**

(ОБЪЕДИНЕНИИ).

**КАК В НОВЫХ
УСЛОВИЯХ БУДЕТ
РЕШАТЬСЯ ОДНА**

**ИЗ САМЫХ ОСТРЫХ
ПРОБЛЕМ!**

**ВЕДЬ МНОГИЕ
ЛЮДИ СВЯЗЫВАЮТ**

**СВОИ НАДЕЖДЫ
НА ПОЛУЧЕНИЕ ЖИЛЬЯ**

**С ПРЕДПРИЯТИЯМИ,
НА КОТОРЫХ**

ТРУДЯТСЯ.

**ДЛЯ ТОГО
ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ**

**ОТВЕТЫ
НА ИНТЕРЕСУЮЩИЕ**

**ЧИТАТЕЛЕЙ ВОПРОСЫ,
КОРРЕСПОНДЕНТЫ**

**«ОГОНЬКА»
ОБРАТИЛИСЬ К**

**УЧЕНОМУ-ЭКОНОМИСТУ
И ЭКОНОМИСТУ-ПРАКТИКУ.**

В о Владимирской области много промышленных предприятий, они инициативно относятся к решению проблем с жильем, и в то же время типичное положение для страны здесь проявляется достаточно объемно.

И вот встреча с заместителем председателя Владимирского облисполкома Ю. А. Дмитриевым. Юрий Алексеевич — кандидат экономических наук, председатель областной плановой комиссии.

— Юрий Алексеевич, много строится во Владимирской области жилья?

— Давайте говорить конкретно. Какой период интересует вас?

— Возьмем прошедшую, единнадцатую пятилетку...

— Построено три миллиона восьмьсот тысяч квадратных метров жилья, это значит, что в новые квар-

сованы в решении жилищной проблемы. Каково нам, работникам облплана, жить с таким вот грузом: у нас в области семьсот пятьдесят две семьи живут в домах, которые числятся в аварийном фонде, четырнадцать с половиной тысяч семей — в ветхом фонде, в основном это дома индивидуальной застройки; и уже больше пятнадцати лет ждут улучшения жилищных условий семь тысяч семей...

— А чего не хватает: стройматериалов, денежных средств, мощностей строительных организаций?

— Причины вы все назвали сами. Я мог бы сюда еще кое-что добавить. Но при формировании нынешнего пятилетнего плана мы постарались исходить не из того, какие объективные трудности у нас имеются, а мыслили вопреки им. Нам необходимо построить в этой пятилетке шесть миллионов квадратных метров жилой площади — приблизительно сто пятьдесят тысяч новых квартир.

ХОТЯ СЛОВО НЕ ОЧЕНЬ УЮТНОЕ...

тиры переехали 76 тысяч семей, то есть 300 тысяч жителей области.

— Получается, 20 процентов населения справили новоселья? Означает ли это, что через три пятилетки, то есть к 2000 году, у вас в области вообще не будет никаких проблем с жильем? Одним словом, вы решите задачу без особого напряжения?

— Ну почему же без напряжения? Те же три миллиона восьмьсот тысяч квадратных метров, построенных за пятилетку, получены во многом благодаря тому, что на жилищное строительство было отпущено денег на двадцать пять процентов больше, чем в десятой. Деньги ведь тоже нужно где-то изыскивать...

При формировании плана на нынешнюю пятилетку первоначально предполагалось ввести на четыреста тысяч квадратных метров жилья больше, чем в одиннадцатой. Как видите, темпы планировалось ускорить, но все же не намного. Дело в том, что в прошлой пятилетке остались неосвоенными больше тридцати двух миллионов рублей. Этот факт нельзя замалчивать, потому что в результате жители области недополучили больше трех тысяч квартир. И первая причина — организационные недостатки подрядных организаций, вина строителей и заказчиков.

Вторая причина — слабое влияние на строителей местных Советов.

— А какие рычаги воздействия на подрядчиков у вас имеются?

— Мы можем, как говорится, пока только «висеть у них над душой»: уговаривать, требовать...

Исполкомы Советов народных депутатов, как никто другой, заинтере-

исходили вот из каких условий: на 1 января 1985 года у нас зарегистрировано сто двадцать одна тысяча очередников. Мы решили всех обеспечить квартирами до 1 января 1991 года.

— Откуда это все, Юрий Алексеевич, возьмется?

— В области уже проводится реконструкция выпускающих строительных материалов предприятий. Сдан в эксплуатацию завод крупнопанельного домостроения в Коврове, строится цех по выпуску деталей панельных домов в Кольчугине. Возводится Мастерский кирпичный завод, а мощность Ковровского завода силикатного кирпича возрастет до 200 миллионов штук...

— Юрий Алексеевич, меня интересует вопрос, волнующий, вероятно, многих людей, которые ждут улучшения жилищных условий. Особенно тех, кто на свои предприятия, где они работают, сильно не рассчитывает. Скажем, работники сферы услуг. У них единственная надежда — местные Советы. Известно, что эта очередь весьма медленно продвигается.

— Самая большая, пожалуй, сторона жилищного вопроса. Возьмем плановую комиссию облисполкома. Мы зажаты, как в тисках. С одной стороны, Госплан СССР ограничивает строительство жилья по подряду, специализированными строительными организациями. Правда, строительство хозспособом сейчас открыта «зеленая улица». Об этом скажу чуть позже. Основные застройщики на всей территории области — министерства в лице тех предприятий, которые расположены на территории об-

ласти. Подрядные организации работают практически только на них. При этом фонды на развитие соцкультбыта выделяются по остаточному принципу. Что он означает? А то, что на объекты непроизводственной сферы, в том числе и на строительство жилья, выделяются лишь те деньги, что остались после финансирования производственной программы. И каждое предприятие на эти деньги строит жилье себе. Нам здесь, разумеется, разжиться нечем.

— Какова доля отраслевого строительства жилья в вашей области?

— Очень велика. Семьдесят четыре процента. Но и оставшаяся часть не вся построена местными Советами. Здесь еще и жилье, возведенное совхозами, колхозами, индивидуальными застройщиками.

— С вступлением в силу Закона СССР о государственном предприятии (объединении) министерский диктат будет потеснен, предприятие само станет распоряжаться фондами социального развития...

— Конечно, трудно оспорить справедливость того, что большое предприятие самолично распоряжается фондами социального развития: строит пионерские лагеря, пансионаты, профилактории, жилье — словом, улучшает социальную базу для своих работников.

Но ведь работники того самого предприятия живут не на отдельной планете: другие люди обеспечивают их, скажем, водой, обслуживают в магазинах, стригут в парикмахерских, лечат в районных поликлиниках, содержат для них в порядке парки, скверы, улицы и дворы. И эти «другие» работают на небольших предприятиях: в пекарнях, столовых, на обувных фабриках, швейных, в ремонтных мастерских... Вот их-то работники и стоят в очереди на жилье в исполкомах Советов, самой, кстати, длинной. И хотя на своем рабочем месте эти люди работают так же хорошо, как и очередники строящих свое жилье предприятий, поводов для оптимизма у них гораздо меньше. К тому же в условиях самофинансирования отчисление жилой площади, построенной предприятиями, уменьшается до восьми процентов.

— Выходит, ведомственный принцип непобедим?

— Как вы знаете, в постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС» подчеркнута необходимость совершенствования управления и планирования деятельности отраслей, непосредственно связанных с удовлетворением нужд населения.

Опираясь на это постановление, мы подготовили предложения, по сути целую программу нового порядка планирования и финансирования строительства всех объектов непроизводственной сферы, в том числе, естественно, и жилья. Мы хотим перейти к целевому методу планирования, то есть исходить из реальных потребностей всей области. Такой порядок необходимо создать, чтобы централизовать управление социальным развитием территории, и тогда местные органы власти — Советы — будут ее подлинными хозяевами. Деньги должны отчислять предприятия, расположенные в области, а передача капитальных вложений и лимитов строительно-монтажных и подрядных работ осуществляться Госпланом РСФСР на основании разработанных нами планов пятилетних и годовых работ.

Наши предложения были встречены с пониманием, но до сих пор нет

соответствующего постановления Совета Министров СССР. В порядке эксперимента Владимирская и Куйбышевская области должны были приступить к работе по новым условиям с 1 января 1987 года...

— А не будут ли ущемлены права предприятий?

— Людей мы не будем ущемлять, не в этом наша цель, а в справедливом распределении социальных благ. И то, что самые большие суммы поступят от самых больших предприятий, разве это не справедливо? Ведь область им и продукты питания предоставляет, и городским транспортом обеспечивает, и природные ресурсы предоставляет практически бесплатно. Кроме того, у предприятий есть дополнительный ресурс строительства жилья —хозспособ. Кстати, на хозспособ ограничений практически нет, и облизполком ни на один квадратный метр не претендует. Большой завод может создать собственное строительное подразделение, а может и предоставить своим работникам беспроцентную ссуду для индивидуальной застройки, помочь материалами, транспортом.

Здесь масса вариантов. У нас два производственных объединения и завод решили создать загородные заводские поселки-спутники с застройкой их домами усадебного типа со всеми удобствами. Им уже отведены участки, предприятия помогут деньгами из фонда материального поощрения.

...По дороге в Москву, обдумывая беседу, я вдруг вспомнил, другую, двухлетней давности командировку. В первых числах 1985 года я был на Ивановском станкостроительном производственном объединении, которым руководит Владимир Павлович Кабаидзе. И объединение, и его генеральный директор сейчас хорошо всем известны, представлять их не нужно.

— На мой взгляд,— говорил тогда Владимир Павлович,— не нужно возводить новых станкостроительных и вообще машиностроительных заводов, да и расширять существующие ни к чему. А на имеющихся площадях (у нас их предостаточно) выпускать современную наукоемкую технику. Нужно перевооружать, модернизировать производство. А мощностистроителей лучше обратиться к решению социальных проблем. Жилья в первую очередь.

После беседы с Юрием Алексеевичем Дмитриевым та давняя встреча в Иванове вспомнилась, и сложилась такая картина-вывод.

Отраслевой метод строительства жилья позволял (хочется писать в прошедшем времени, хотя, наверное, рановато) министерствам существовать и по-своему процветать в условиях экстенсивного метода хозяйствования. Каким образом? На многие заводы соглашались идти работать только те, кто нуждался в жилье. Получали, уходили с завода, на их место приходили другие «очередники». Сменялись люди, а технологии оставались прежними, рутинными. Темпы роста выпуска продукции увеличивались за счет строительства новых корпусов, начинались морально устаревшим станочным оборудованием, потому что заводы, изготавливающие его, жили по тем же принципам. В результате и жилищная проблема не решалась эффективно, и треть станочного парка страны некому обслуживать.

Таким образом, только перестройка каждого предприятия по самому последнему слову техники высвобождает силы и средства для строительства жилья и всего остального, что мы называем не очень уютным словом «соцкультбыт».

Юрий СУРХАЙХАНОВ

НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ
БЕСЕДУЕТ
С ИЗВЕСТНЫМ
СОВЕТСКИМ ЭКОНОМИСТОМ,
ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ
АН СССР
С. С. ШАТАЛИНЫМ.
— СТАНИСЛАВ СЕРГЕЕВИЧ,
ХОТЕЛОСЬ БЫ
ПОБЕСЕДОВАТЬ О ТЕХ
ПЕРЕКОСАХ,
КОТОРЫЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ
В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ
БЛАГОДАРЯ ВЕДОМСТВЕННОСТИ.
ОНА ПОРОЖДАЕТ ЯВСТВЕННОЕ
НЕРАВЕНСТВО В ПОЛЬЗОВАНИИ
ОБЩЕЗНАЧИМЫМИ БЛАГАМИ:
В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЖИЛЬЯ,
ПУТЕВОК В САНАТОРИИ
И ДОМА ОТДЫХА,
В ПОЛЬЗОВАНИИ УСЛУГАМИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ,
ПРОСВЕЩЕНИЯ.
ОДНО ПРЕДПРИЯТИЕ КРУПНОЕ,
ОНО МОЖЕТ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ
СТРОИТЬ ДЕСЯТКИ
ЖИЛЫХ ДОМОВ,
А ДРУГОЕ — ХОРОШО,
ЕСЛИ ОДИН ДОМ ОСИЛИТ
ЗА МНОГО ЛЕТ...

Возьмем предельный вариант: хорошее предприятие, очень плохой рабочий. Формально он там имеет больше шансов получить такие блага, как жилье, культурно-бытовые и медицинские услуги, чем очень хороший рабочий очень плохого предприятия.

Ну кто виноват, что я работаю, скажем, в хлебопекарне, а не на ЗИЛе или другом гиганте? Я, что ли? И почему меня надо наказывать за то, что маленькой фабрике трудно сделать крупные капиталовложения на строительство жилья или собственной поликлиники?

— Так что же делать?

— В идеале нужно было бы все капиталовложения на жилье, соцкультбыт — словом, на всю социальную сферу передавать местным Советам. Вопрос, правда, потянут ли они это сегодня? Похоже, при тех возможностях и кадрах, которые у них есть, не смогут. Дело хлопотное. Но для того, чтобы действительно добиться более-менее справедливого распределения благ, мы должны идти подобным путем. Решить проблемы социально-культурного, жилищного строительства города, района, области, используя в основном фонды предприятий, вряд ли возможно. Это приводит к нарушению социальной справедливости. Куда здесь ни посмотри, ситуация туловищная: и если говорить об интересах завода, и если об интересах территории. Можно было бы с меньшими шероховатостями идти вперед, отдавая все выделенные ресурсы местным территориальным, региональным органам, установив какие-то доли для отдельных предприятий. А фонды на социальные нужды надо формировать, на мой взгляд, преимущественно за счет местного бюджета, который в значительной степени должен быть связан с результатами деятельности предприятий, работающих в районе. И доли для предприятий из местного бюджета выделялись бы в зависимости от того, кто как работает. Показавшие себя хорошо заводы и фабрики смогут дополнительно стимулировать своих работников, скажем, в решении проблем жилья, детских садов, услуг, здравоохранения.

— Но, видимо, это должна быть именно дополнительная мера вроде премии.

— А основным источник благ, безусловно, должен быть в руках местных Советов. Ведь как получается: Советы в том же Горьком, как кажется, не могут решить задачи жилищного строительства, не перекидывая основную часть груза на плечи предприятий. Дело здесь и в том типе со-

СКОЛЬКО СТОИТ ДОМ ПОСТРОИТЬ

ветского работника, который сложился к настоящему времени, но еще больше — в теперешнем хозяйственном механизме, который этот тип тиражировал.

Среди хозяйственных руководителей распространен стереотип: если на предприятии иметь все свое — жилье, детский сад, поликлинику и т. д., то коллектив будет лучше работать. Сегодня этот стереотип под очень большим сомнением...

— Возникает вопрос: а может ли вообще жилье быть стимулом для лучшей работы?

— Моя позиция в следующем: я в свое время предложил ввести социально гарантируемый минимум бесплатно предоставляемого жилья. Общество гарантирует всем его членам бесплатно выделяемый минимум площади, скажем, девять или десять метров на душу. А дополнительное улучшение жилищных условий должно осуществляться за счет самого гражданина, за плату. И вот тут-то предприятие и могло бы стимулировать действительно лучших, предоставляя дотацию, ссуду, кредит на дополнительное жилье. Здесь можно подходить действительно дифференцированно, отмечая хороших производственников или тех, кого надо заинтересовать, удержать или, наоборот, пригласить на работу.

Социально-культурные фонды предприятий уже не являются, строго говоря, общественными фондами потребления. Потому что принцип равнодоступности в данном случае пропадает. Этими фондами пользуются только работники конкретного предприятия, учреждения. Сейчас ведомственные фонды ГАЗа или, к примеру, какого-то министерства — целевой натуральный дополнительный доход, выраженный в лучшем обслуживании или пансионате, санатории или перспективе быстрого получения жилья, места в детском саду без очереди. Некоторым кажется, что лучше идти по этому пути.

Но если усиленно стимулировать натурой, получится, что благодаря активной деятельности в таком направлении отдельных мощных предприятий социальное неравенство будет только увеличиваться. Стимулировать следует, используя разные формы денежного вознаграждения. Но это возможно лишь при обеспечении довольно свободного предложения пока дефицитных благ.

— Станислав Сергеевич, не кажется ли вам, что психология с перекосом в ведомственность — пережиток «военного коммунизма», а точнее, существовавшей в те годы натуроплаты? А может быть, корни — в живучести административного управления, в нынешнем своем виде, рожденном еще в 30-е годы, когда появились отрасли приоритетные и неприоритетные?

— «Пайковое», ведомственное распределение — механизм сохранения дефицита в экономике. Если, к примеру, был бы свободный рынок жилья: индивидуального, кооперативного, обеспеченный государством бесплатным минимумом, то заводу и думать не надо было бы, где жить его работникам. Станет ли заботиться процветающая фирма о квартире для своего сотрудника или о месте в детском саду для его ребенка? Она ему заплатит, а уж как и на что он потратит заработанное, это его дело. Услуги предоставляют другие фирмы и учреждения. Полагаю, что по такому пути нужно бы и нам идти.

Сложившийся порядок строительства жилья имеет еще одну негативную сторону. Представьте себе старый завод со сложившейся инфраструктурой — жилфонд, детсады, санатории и т. д. Ему легче удерживать рабочих, закреплять кадры, хотя он уже по своим характеристикам должен бы быть вытеснен из хозяйственной жизни, так как его оборудование безнадежно устарело. А новое предприятие еще не обзавелось необходимой инфраструктурой, и прежде всего социальной. Поэтому на него, особенно в неприоритетных отраслях, рабочие идут неохотно, предпочитают старые заводы. Так происходит консервация существующих недостатков в экономике.

— Какие элементы нынешней экономической структуры являются ключевыми для того, чтобы улучшить ситуацию в жилищном строительстве?

— Их несколько. Первый — введение социально гарантируемого минимума обеспеченности жильем. Второе — развитие индивидуального строительства. Третье — кооперативы. Это даст возможность реального потребительского выбора. Купил кооперативную квартиру, потом по желанию ушел в государственную (имеешь право на тот самый минимум) и получил свои деньги... Хотел бы обратить внимание: нужно коренным образом изменить положение с кооперативным жильем. Сейчас фактически человек за крупную сумму денег покупает такую же квартиру, которую его товарищ, имеющий чуть меньше метров на человека в семье, получает от государства бесплатно. Ни качество квартир, ни качество строительства, ни нормы предоставляемой площади существенно ничем не отличаются. Даже по времени, за исключением тех кооперативов, что строятся на валюту, ощутимого выигрыша нет. А в ряде городов кооперативные очереди движутся даже медленнее, чем очереди на государственное жилье. Права кооперативов урезаны, они по рукам и ногам связаны постановлениями местных советских органов. Невозможно заказать нетиповой, улучшенный проект дома, сделать пристройку или, скажем, занять первый этаж под общий спортзал, клубное помещение, детский садик, сауну. Таких ограничений, между прочим, в других странах социалистического содружества нет. Я считаю, что если человек покупает жилье, то он должен иметь и возможность выбора, и большие права, чем тот, кто получает квартиру бесплатно.

Крайне важно всерьез заняться базой строительной индустрии. Если говорить о выполнении программы жилищного строительства, вопрос один из самых сложных. По некоторым расчетам, для того чтобы реализовать формулу «каждой семье — отдельное жилье» к 2000 году, нужно увеличить вводы жилья в 1,5—2 раза по сравнению с уже достигнутым уровнем. А ведь он последние 15—20 лет практически не менялся: 100—115 миллионов квадратных метров ежегодно. Начиная с 13-й пятилетки, мы считаем, надо строить как минимум миллионов по 160. И здесь главный ограничитель — мощности строительных организаций.

— А как вы относитесь к хозяйству?

— Положительно. Он имеет право на существование, но в разумных пределах. Нельзя, естественно, занимаясь жильем, ослаблять основное производство. Хозспособ — это, надо сказать четко и ясно, форма дополнительной. В противном случае получается какая-то натурализация жилищного строительства. Трудно и хорошо строить жилье, и выпускать автомобили мирового уровня. Обязательно в чем-то проиграешь.

— Главная проблема — строить больше жилья. Но еще, думается, важен и вопрос, как его распределять...

— Пока не наведен порядок в оплате жилья, у нас не будет его рынка. Из-за этого нет и необходимой жилищной мобильности населения.

— А как здесь обеспечить социальную справедливость?

— Если я живу один в трехкомнатной квартире и квартплата не покрывает издержек на ее содержание (государство ежегодно дотирует на это около 8 миллиардов рублей), а другие живут в двухкомнатной квартире втройне, справедливо ли это? Высокая квартплата при гарантированном государством бесплатном минимуме является средством достижения более справедливого распределения жилья. Но это при условии, если удастся создать такое движение в жилищной сфере, чтобы люди, когда большая квартира им не по карману, могли бы переходить в меньшие и наоборот.

Что происходит сейчас? Максимальную дотацию на жилье в квартплате получают наиболее обеспеченные группы населения. Как правило, люди, имеющие высокий заработок, хорошо обеспечены жильем. Вот я, например, отношусь к такому типу жилищного потребителя. Имею четырехкомнатную квартиру вкупе с высокой зарплатой. Квартплата — около двадцати рублей в месяц. Мне, значит, государство дотирует значительно больше средств, чем тем, кто относится к «среднему слою».

— А эти средние, как вы говорите, слои не пострадают?

— Существуют два типа наиболее наглядных дотаций: в жилье и в продовольствии. Можно снизить расходы государства, повысив квартплату и розничные цены. Итак, вы решаете: повысить квартплату и цены на продовольствие, а то, что раньше шло на дотации, перебросить на компенсацию в виде повышения доходов. Как? Кому? Низкооплачиваемым можно дать даже больше того, что они «теряют», среднедоходным ровно столько же, людям с высокими доходами — меньше. Социальные выгоды очевидны. Но, кроме этого, мы создаем иной рынок потребительских благ. Нынешние гипертрофированные потребности по жилью и продовольствию несколько умеряем. Часть потребностей переключается на товары длительного пользования, одежду, обувь, те группы товаров и услуг, цены на которые надо снижать. Начинается переориентация потребительского спроса. Некоторые говорят: «Что вы — лишние метры получите?!» Да, получим, спрос с жилья в какой-то мере переключится на другие блага. Немалая часть обладателей больших квартир переедет в меньшие.

— Можем ли мы опереться на опыт решения жилищного вопроса, который был у нас накоплен в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов?

— Тогда мы резко повысили долю ресурсов, направленных в жилищное строительство. И народное хозяйство выстояло. Оно смогло приспособиться к такому повороту. Учитывая нынешние масштабы нашей экономики, можно считать, что сейчас мы тем более способны на подобный рывок.

Беседовал Евгений ЛЬВОВ.

ПОДБОРКУ СТАРОГО, ЗА 1917 ГОД, ФРАНЦУЗСКОГО ЖУРНАЛА «ЛЕ МИРУАР» (ЧТО В ПЕРЕВОДЕ ОЗНАЧАЕТ «ЗЕРКАЛО») Я ПРИОБРЕЛ У БУКИНИСТА НА НАБЕРЕЖНОЙ СЕНЫ В ПАРИЖЕ. ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ЭТА ЛЮБОПЫТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПОКОИЛАСЬ В АРХИВЕ, ДОЖИДАЯСЬ СВОЕГО ЧАСА. ДУМАЕТСЯ, ЧТО В КАНУН 70-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ НЕБЕЗЫНТЕРЕСНО БУДЕТ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ, КАКУЮ ИНФОРМАЦИЮ ПОЛУЧАЛИ ФРАНЦУЗЫ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ БУРЕ В РОССИИ, ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ПАРИЖСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ. НАСКОЛЬКО ПРАВДИВО ОТРАЖАЛО ЭТО «ЗЕРКАЛО» ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, ПОТЯСШИЕ, ГОВОРЯ СЛОВАМИ ДЖОНА РИДА, ВЕСЬ МИР?

КАК ПАРИЖСКОЕ «ЗЕРКАЛО» ОТРАЖАЛО СОБЫТИЯ 1917 ГОДА

На обложке первого номера журнала за 1917 год читатели смогли лицезреть царевича Алексея, изучающего под руководством своего наставника-генерала карту фронта. Подпись под фотографией: «Сын царя, который в будущем должен командовать самой большой армией мира, получает полное военное образование. Он несколько раз ездил на фронт».

Напомним, что к тому времени во Францию все настойчивей пробивались вести о революционном брожении в России, о растущем стремлении русских солдат, трудовых людей, по горло сытых войной и царизмом, немедленно положить конец преступному кровопролитию. Недовольство росло и во Франции. Удивительно точным отражением антивоенных настроений стал опубликованный в конце 1916 года в Париже роман писателя-фронтовика Анри Барбюса «Огонь».

Что же в таких условиях пытался внушить своим читателям парижский еженедельник? Прежде всего одну позарез нужную тогдашним властям Франции мысль: русский царь и его наследник (или наследники) обязательно продолжат войну «до победного конца».

Но вот в марте 1917 года ошарашенные читатели того же журнала снова увидели на обложке фотографию царевича Алексея, но уже вместе со своим незадачливым папашей и прочитали такое поразительное сообщение: «В результате революционного движения царь Николай II вынужден отречься от престола. Он назначил в качестве преемника своего брата, великого князя Михаила Александровича».

Затем, после вынужденного отказа великого князя от такого рискованного «наследия», из номера в номер замелькали фотографии членов буржуазного Временного правительства с очень лестными комментариями в адрес этих «революционеров», которые решили продолжить империалистическую войну.

Западный журнал поначалу не скупился на похвалы и в отношении простого русского солдата. Теперь, после свержения ненавистной монархии, он будет, мол, воевать с особым рвением. Мы воспроизводим здесь обложку еженедельника от 13 мая 1917 года. Подпись под снимком: «Эмблема революции на императорском вензеле в Царском Селе. Царь и его семья по-прежнему находятся в заключении во дворце в Царском Селе. Вы видите часового, поднимающего на своем штыке красное знамя,

которое на воротах дворца закрывает императорский вензель».

Символично, не правда ли? Красный стяг революции вместо двуглавого орла. Французских «республиканцев» такая метаморфоза вполне устраивала. Почему? Да потому, что, по правде говоря, их несколько шокировало «сердечное согласие» с русским монархом, с именем которого были связаны «кровавое воскресенье» 1905 года, Ленский расстрел и другие преступления царизма. Куда приличнее в глазах многих французов должно было выглядеть такое «согласие» с Временным правительством и весьма покладистыми «социалистами» вроде Керенского.

«Временным» нужна моральная поддержка против большевиков во главе с Лениным, что призывают народные массы к миру? Ну что же, западные апологеты войны «до победного конца» готовы оказать ее. В номере журнала от 9 июля 1917 года под фотографиями французского министра вооружений Альберта Тома французы прочитали такой комментарий: «На русском фронте г-н Альбер Тома смог удостовериться в той работе по моральному обновлению, которую провели среди солдат г-н Керенский и его сотрудники. Министр вооружений несколько раз брал слово, объясняя русским солдатам, чего ждут от них их французские товарищи. Вы видите его на фоне лесистых Карпат. На втором плане — генерал Корнилов. Внизу г-н Альбер Тома вместе с сопровождавшими его членами военной миссии во время скромного завтрака».

Итак, французский министр пожаловал в Россию, чтобы поощрить и подбодрить Керенского и его клику, стремившихся принудить русских сол-

L'AGITATEUR LENINE, A CHEVAL, CONDUIT UNE MANIFESTATION PACIFISTE DEVANT LE PALAIS D'HIVER

« Cette photographie unique de Lénine nous a été envoyée par un de nos correspondants quelques jours avant le coup d'Etat du 7 novembre »

« Lénine et ses partisans sont arrivés à développer leur action au sein du conseil de Petrograd, contre Kerenski et le gouvernement provisoire. Le 7 novembre, les maximalistes se rendent maîtres de la capitale et s'emparent du pouvoir sans qu'il y ait eu, semble-t-il, effusion de sang. Une proclamation était adressée pour succéder au gouvernement de Kerenski et que le Comité des ouvriers et soldats de Petrograd inscrivait dans le programme de l'Assemblée nationale constituante. Il est difficile de dire si le succès des maximalistes était un triomphe et si les ouvriers et soldats russes subissent longtemps contre eux l'impact que vous leur attribuez. Le document d'un de nos correspondants nous montre les maximalistes, devant le Palais d'Hiver, une manifestation contre la guerre. Jusqu'à la photographie de Lénine et avant elle, les maximalistes étaient considérés comme des pacifistes. »

LE MIROIR

UN DOCUMENT UNIQUE SUR LES ÉMEUTES MAXIMALISTES QUI SE SONT PRODUITES A PETROGRAD EN JUILLET

« Cette photographie, une des plus saisissantes qui aient jamais été publiées, montre la foule fuyant devant le feu des mitrailleuses des léninistes, dans la Perspective Newsky »

« Les recherches effectuées et les lettres des correspondants de Petrograd nous ont permis de découvrir que les maximalistes étaient, même à Petrograd, et sur la route de la capitale, des pacifistes. Ils ont été surpris par les léninistes, qui ont ouvert le feu sur eux. La photographie ci-dessus montre la foule fuyant devant le feu des mitrailleuses des léninistes. La photographie ci-dessous montre la foule fuyant devant le feu des mitrailleuses des léninistes. La photographie ci-dessous montre la foule fuyant devant le feu des mitrailleuses des léninistes. »

dat prolonger опостылевшую бойню. Характерная деталь: рядом с западным эмиссаром мы видим генерала Корнилова, того самого, что вскоре двинул свои полки на Петроград, пытаясь задушить революцию.

Но это произойдет два месяца спустя. Пока же правительство временщиков, выполняя волю империалистов, бросило в начале июля русские войска в новое наступление на фронте. В результате огромные бессмысленные жертвы и провал наступления, что привело к очередному (июльскому) кризису Временного

правительства. 17 июля более полумиллиона рабочих и солдат вышли на демонстрацию в Петрограде, требуя передачи власти Советам и прекращения войны. Большевики возглавили движение масс, стремясь придать ему мирный и организованный характер. Ответ Временного правительства известен. По его приказу офицеры и юнкера зверски расстреляли из пулеметов мирную демонстрацию: 56 человек было убито, 650 ранено. Начались повальные аресты большевиков, разоружение рабочих. Влади-

миру Ильичу Ленину, как и при царе, вновь пришлось перейти на нелегальное положение. 6 августа было сформировано второе коалиционное (и контрреволюционное) — Временное правительство из кадетов, меньшевиков и эсеров во главе с Керенским, полностью захватившее власть. Период двоевластия закончился.

Что же узнали об этих событиях читатели парижского «Зеркала»? 16 сентября 1917 года журнал поместил на развороте ставший впоследствии хрестоматийным фотодокумент о расстреле мирной демонстрации в Пет-

рограде. Но вот какой комментарий сопровождал эту фотографию: «Уникальный документ о мятеже максималистов, происшедшем в Петрограде в июле («максималистами» и «экстремистами» журнал называл большевиков. — В. С.). На этой одной из самых потрясающих из когда-либо опубликованных фотографий изображена толпа, спасающаяся бегством на Невском проспекте от пулеметного огня ленинцев. Официальные сообщения и статьи корреспондентов газет рассказали нам о том, какой необузданной свирепостью сопровождалась схватка между русскими экстремистами, подстрекаемыми немецкими агентами, и революционерами — сторонниками войны до победного конца. Был момент, когда максималисты даже овладели улицей в Петрограде и открыли по толпе и казакам огонь из пулеметов, установленных вплоть до самого Невского проспекта... Мы видим, как они расстреливают посреди улицы пулеметными очередями несчастных прохожих, которые в ужасе спасаются бегством. Потрясающая деталь: мать, которая остановилась с единственной целью — защитить своего ребенка».

Эта фальшивка, кстати сказать, получила 1-ю премию по итогам объявленного еженедельником конкурса на лучший фотодокумент месяца.

Вот так, шиворот-навыворот, западный буржуазный журнал изображал революционные события в России. Нетрудно представить себе после этого настроения доверчивых читателей еженедельника, когда они узнали о том, что 7 ноября 1917 года «максималисты», то есть большевики, возглавившие революционные массы, взяли власть в свои руки.

Об этом величайшем в истории событии парижский журнал сообщил опять-таки весьма своеобразно. 18 ноября 1917 года на развороте этого издания была опубликована курьезная фотография вместе с сопроводившим снимок комментарием: «Агитатор Ленин, верхом на коне, возглавляет пацифистскую демонстрацию перед Зимним дворцом. Этот уникальный фотоснимок Ленина был прислан нам одним из наших корреспондентов за несколько дней до государственного переворота, совершенного 7 ноября. Ленину и его сторонникам удалось развернуть в Петроградском Совете борьбу против Керенского и Временного правительства. 7 ноября максималисты стали хозяевами столицы и захватили власть, кажется, без кровопролития... Трудно сказать, закрепится ли в будущем успех максималистов и долго ли русские рабочие и крестьяне выдержат в качестве вождя Ленина, которого на снимке одного из наших корреспондентов мы видим перед Зимним дворцом верхом на коне во главе демонстрации против войны. До сих пор не было опубликовано ни одной фотографии Ленина».

Курьезна тут не только и не столько попытка французского журнала изобразить вождя Великого Октября верхом на коне. Это может показаться наивным, и только. Однако далеко не столь наивным выглядит упрямое стремление реакционной пропаганды подтасовать и преподнести факты таким образом, чтобы посеять на Западе недоверие и неприязнь к большевикам, дерзнувшим повести народные массы России на штурм буржуазно-помещичьей «бастилии», против империалистической войны.

...В одной известной сказке повествуется о «кривых зеркалах», в которых все события и люди отражались в искаженном виде. Не уподобляются ли подобным зеркалам многие западные средства массовой информации, что вот уже семь десятилетий пытаются вкряк и вкось отражать жизнь и политику Страны Советов?

МЕТРЪИ МЕГРЪЕГО МЕРТВЕЦ

Какой-то неизвестный несколько раз звонил Мегрэ и сообщал, что его преследуют убийцы. Вскоре его находят мертвым в центре Парижа. Показания свидетелей приводят Мегрэ в кафе «У маленького Альберта», которое оказалось оставленным хозяевами. Мегрэ решил открыть кафе, поставив для обслуживания своих людей. От завсегдатаев они узнали о хозяевах заведения. Во второй половине дня в кафе вошел странный посетитель, который вел себя настороженно.

Вскрикнув, он указал на бутылку, опорожнил налитый стакан и быстро вышел. Мегрэ с сотрудником бросились преследовать незнакомца. По его поведению комиссар понял, что это, очевидно, иностранец, знающий лишь один район Парижа. В конце дня кто-то выстрелом из пистолета убивает незнакомца в вечерней толпе. Мегрэ предполагает, что неизвестного убивают свои же, боясь, что он может навести полицию на их след.

Так положено по инструкции. Один из детективов, которому поручено отыскать желтый автомобиль, опрашивал владельцев гаражей, механиков, почтовых, торговцев и консьержей.

Так положено по инструкции. Шеврье со своей женой изображали из себя рестораторов. Затворив ставни, они сядут возле очага и станут мирно беседовать, а потом со спокойной душой лягут в постель, принадлежавшую маленькому Альберту и косоглазой Нине.

Еще одно лицо, которое следует отыскать. В полиции нравов о Нине ничего не знали. Что же с ней могло случиться? Известно ли ей о смерти мужа? Если да, то почему она не пришла опознать его труп после того, как газеты поместили фотографию убитого? Его могли не узнать чужие, но только не жена.

Не убрали ли ее убийцы? Когда труп вытащили

из желтого автомобиля и положили на площади Согласия, Нины в машине не было.

— Готов побиться об заклад,— произнес Мегрэ, доверяя своей интуиции,— в один прекрасный день мы найдем ее где-нибудь в провинции. Удивительная штука. Когда дела идут из рук вон плохо, у многих возникает потребность подышать деревенским воздухом, поселиться в какой-нибудь тихой гостинице, где хорошая еда и легкое вино.

— Возьмем такси?

Выходит, снова предстоит неприятный разговор с кассиром, которому свойственна неприятная привычка внимательно разглядывать счета, зачистую восклицая при этом:

— Разве я раскатываю на такси?

Чтобы не ждать автобуса на остановке за Новым мостом, остановили таксомотор.

— «Циферблат», улица Мобаж.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—42.

Это была уютная, во вкусе Мегрэ, пивная. Никаких нововведений, зеркальные стены, стулья, обитые темной американской тканью, белые мраморные столики, кое-где никелированные подносы для использованных салфеток. Приятный запах пива и квашеной капусты. Правда, народу тут было многовато. Обремененные багажом люди суетились, чересчур торопливо ели и пили, нетерпеливо подзывали кельнеров, то и дело поглядывая на большие станционные часы со светящимся циферблатом.

Владелец, со степенным видом стоявший возле кассы, внимательно наблюдал за происходящим, тоже был традиционного типа — приземистый, плотный, лысый, в свободного покроя костюме и тонкой кожи туфлях, начищенных, как зеркало.

— Две порции капусты, два пива и владельца, будите любезны.

— Хотите поговорить с мсье Жаном?

— Да.

Уж не метрдотель ли это, который наконец-то завел собственное дело?

— Я к вашим услугам.

— Мне хотелось бы получить некоторые сведения, мсье Жан. Когда-то у вас работал официантом некто Альберт Рошен, известный, как мне помнится, по прозвищу маленький Альберт.

— Я слышал о нем.

— А лично не знали?

— Я всего три года владельцем. Его знала женщина, которая была тогда кассиршей.

— Вы хотите сказать: ее здесь больше нет?

— Умерла в прошлом году. Она тут лет сорок проработала. — Он ткнул пальцем в сторону полированного столика, за которым восседала блондинка лет тридцати.

— А кельнеры?

— Был тут и один старый официант Эрнест. Но он уехал к себе на родину. Куда-то в Дордонь, если не ошибаюсь.

Стоявший перед детективами, которые уписывали свою капусту, владелец кафе успевал заметить все, что происходит в зале.

— Жюль!.. Подойди к двадцать четвертому столу, — произнес он, улыбаясь уходящему посетителю. — Франсуа! Поддай даме багаж...

— А прежний владелец жив?

— Да он нас с вами здоровее.

— Не знаете, где его можно найти?

— Ясное дело, у себя дома. Иногда он ко мне навещается. Скучает без дела, говорит, что хочет вернуться к прежней работе.

— Не дадите мне его адрес?

— Полиция?

— Я комиссар Мегрэ.

— Прошу прощения! Я не знаю номер дома, но могу объяснить, как его найти. Раз два-три у него обед. Жуэвиль знаете? Помните Остров любви, он сразу за мостом? Так вот, он живет не на самом острове, а в вилле напротив мыса. Наискосок катерная стоянка. Отыщете легко.

В половине девятого такси остановилось перед виллой. На белой мраморной табличке печатными буквами было выведено «Гнездо» и изображение чайки или что-то вроде того.

— Видно, долго ломал голову, пока додумался! — заметил Мегрэ, звоня в колокольчик.

Бывшего хозяина «Циферблата» действительно звали Луазо, Дезире Луазо — Птица.

— Он родом с севера и предложит нам по стаканчику старого джина, вот посмотришь.

Так оно и получилось. Сначала их встретила низенькая полная женщина — румяная и белая. Лишь присмотревшись, под толстым слоем пудры можно было увидеть на ее лице мелкие морщины.

— Господин Луазо! — воскликнула она. — К вам пришли!

Однако выяснилось, что это сама хозяйка. Мадам Луазо провела посетителей в пахнущую лавком гостиную.

Луазо был тоже дороден, но высокого роста и плечист. Крупнее и выше Мегрэ, тем не менее передвигался он с легкостью танцовщика.

— Садитесь, господин комиссар. И вы, мсье?..

— Сержант Люка.

— Вот как! Я знал одного Люка в школе. Вы часом не бельгиец, сержант? Я лично бельгиец. Можно по акценту определить, верно? И знаете, я не стыжусь своего происхождения. Ничего в этом нет зазорного! Дорогуша, принеси-ка нам чего-нибудь.

И он угостил пришедших джином.

— Альберта? Конечно, помню. Северянин. Кажется, его мать тоже родом из Бельгии. Мне было жаль, что он ушел. Знаете, в нашем деле главное — это приветливый нрав. Клиентам нравится, когда их встречают улыбкой. Помню одного кельнера. Очень порядочный парень, детей куча. Так у него была такая привычка. Если кто

из посетителей закажет содовую или «Виши», он нагнется и сочувственно спросит: «У вас тоже язва?» Одна только язва и была у него на уме. Пришлось уволить беднягу: клиенты от него шаркались, как от чумы.

Альберт — совсем другое дело. Веселый малый. Все время что-то мурлыкал. Даже шляпу он носил будто играючи. А когда он говорил: «Что за славный денек!» — у него это получалось как-то особенно задумчиво.

— Он ушел и завел собственное дело?

— Да, где-то возле Шарантона.

— Получил наследство?

— Вряд ли. Не было разговору. Наверно, у него было приданое.

— Он женился, когда ушел от вас?

— Да. Вернее, незадолго до этого.

— На свадьбу вас не приглашали?

— Меня бы непременно пригласили, если бы свадьба состоялась в Париже. Ведь мои работники были для меня точно члены семьи. Но молодые уехали куда-то в провинцию. Куда точно, не знаю.

— Не смогли бы припомнить?

— Нет. По правде говоря, все, что находится по ту сторону Луары, для меня Южная Франция.

— Вы когда-нибудь видели его жену?

— Однажды он приводил ее. Темноволосая, простоватая...

— Косоглазая?

— Она действительно немного косит. Но это ее не портит. Одних людей этот недостаток делает безобразными, других — нет.

— Ее девичью фамилию не знаете?

— Нет. Кажется, она приходится ему какой-то дальней родственницей. Кузина или что-то вроде того. Они давно знали друг друга. Альберт, бывало, говорил: «Если уж придется в конце концов жениться, то уж лучше на такой женщине, которую знаешь». Любил пошутить. А как пел шуточные песни! Клиенты меня уверяли: он мог бы зарабатывать большие деньги в каком-нибудь мюзик-холле.

Еще по стаканчику? Понимаете, здесь очень спокойно, даже слишком спокойно. Пожалуй, скоро я снова займусь своим прежним ремеслом. Только кельнеров вроде Альберта нынче не так-то легко найти. Вы его знаете? Хорошо ли идут у него дела?

Мегрэ не стал сообщать о смерти Альберта, чтобы не слышать сетований и вздохов.

— Нет ли у него близких друзей?

— Друзья у него повсюду.

— Ну, а, к примеру, не приезжал кто-нибудь за ним?

— Нет. Он на скачках любил бывать. Довольно часто выкраивал для этого время и днем. Но в азарт не входил. Никогда не пытался у меня одалживать. Играл в пределах своих возможностей. Увидите его — скажите, что я...

Мадам Луазо, так и не открывшая рта, по-прежнему улыбалась, похожая на восковую фигуру в витрине парикмахерской.

Еще стаканчик? Спасибо. Тем более что джин хорош. А теперь за дело, надо участвовать в рейде. Наверняка на той улице улыбками их не встретят.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На перекрестке улицы Риволи и Церковной остановились две полицейские машины. При свете фар блеснули серебристые пуговицы мундиров. Приехавшие оцепили несколько улиц, где уже давно занимали свои посты переодетые детективы.

Следом появились тюремные кареты. Стоявший на углу улицы Сицилийского короля офицер неотрывно глядел на циферблат своих часов.

Прохожие, шедшие по улице святого Антония, пугливо оборачивались и убыстряли шаг. В домах, которые предстояло прочесать, кое-где еще горел свет; тускло мерцали лампочки в подъездах дешевой гостиницы и над входом в дом свиданий, расположенный на улице Роз.

Полицейский офицер, по-прежнему смотревший на часы, отсчитывал оставшиеся секунды. Рядом с ним стоял комиссар Мегрэ. Засунув руки в карманы пальто, он с безучастным видом глядел по сторонам.

Сорок... Пятьдесят... Шестьдесят... В ответ на два пронзительных свистка тотчас раздались другие. По улице цепью двинулись полицейские в форме, люди в штатском устремились в неказистого вида здания.

Как всегда, там и сям стали распахиваться окна, в их темных проемах забелели фигуры встревоженных или раздраженных обитателей. Вскоре послышались голоса. Прошел полицейский, ведя обнаруженную в углу проститутку, которая непристойно бранила его.

Застучали каблук: какие-то мужчины пытались скрыться в темных переулках. Но там их встретил кордон полицейских.

— Документы!

Вспыхнувшие фонари осветили подозрительно-го вида лица, замызганные паспорта и удостоверения. Возле окон сгрудились любопытные: по опыту зная, что им теперь долго не удастся уснуть, они принялись наблюдать за происходящим, словно это было какое-нибудь представление.

Самую крупную дичь уже доставили в полицейский участок. Люди эти не стали дожидаться облавы. Узнав об убийстве, они поняли, что за этим последует. С наступлением темноты, прижимаясь к стенам домов, двинулись какие-то темные фигуры с потрепанными чемоданами и подозрительными свертками в руках, но тотчас угодили в объятия детективов комиссара Мегрэ.

Публика тут была самая разношерстная: бывший заключенный, которому запрещено проживание в городской черте; шпана с фальшивыми бумагами; поляки и итальянцы, у которых не в порядке документы.

Всем задавали один и тот же вопрос:

— Куда идешь?

— Переезжаю.

— Почему?

Тревогой или злобой вспыхивали в темноте глаза.

— Работу нашел.

— Где?

Иные отвечали, будто едут к сестре на север или в район Тулузы.

— А ну полезай!

«Черная Мария». Ночь в полицейском участке до установления личности. Задержанные в большинстве своем были обыкновенные бродяги, но мало у кого из них совесть была чиста.

— Богемцев пока нет, господин комиссар! — докладывали Мегрэ.

Угрюмо попыхивая трубкой, комиссар видел, как мелькают тени, слышал вопли, торопливые шаги, порой глухой удар кулака.

Больше всего суматохи было в гостиницах. Торопливо натянув штаны, владельцы с хмурым видом стояли в своих конторах; большинство из них там и спали на раскладных кроватях. Пока люди в штатском поднимались вверх, кое-кто пытался подпоить дежурных полицейских.

Словно потревоженный муравейник, вскоре пробуждался весь дом. Слышался стук в первую дверь.

— Полиция!

Полусонные мужчины и женщины в одних рубашках, серые лица, беспокойные, а то и ввалившиеся глаза.

— Ваши документы!

Люди босиком подходили к постелям, рылись под подушкой или в ящике комода, порой лезли в потрепанный старомодный чемодан, привезенный откуда-нибудь с другого конца Европы.

В одном из номеров гостиницы «Золотой лев» на постели, свесив ноги, сидел раздетый донага мужчина. Подруга его протягивала свою регистрационную карточку.

— А где твои документы?

Мужчина недоуменно глядел на детектива.

— Твой паспорт?

Мужчина не пошевелился. Черные длинные волосы оттеняли бледность его кожи. Стоявшие на площадке соседи со смехом наблюдали эту сцену.

— Кто такой? — спросил у женщины детектив.

— Не знаю.

— Разве он с тобой не разговаривал?

— Он ни бельмеса по-французски.

— Где его встретила?

— На улице.

В участок! Иностранцу сунули его одежду и знаками велели одеваться. Долгое время он ничего не соображал. Только протестовал, повернувшись к своей спутнице, по-видимому, чего-то от нее требуя. Очевидно, денег. Возможно, он только что появился во Франции, и остаток первой же ночи ему предстояло провести в полицейском участке на набережной Часовщиков.

— Документы...

Сквозь приоткрытые двери видны были облупленные стены комнат, откуда доносился запах барака.

Возле полицейского фургона сгрудилось десятка полтора-два задержанных. Их по одному заталкивали туда. Кое-кто из проституток — им было не впервой — шутил с полицейскими, делая порой непристойные жесты.

Кто-то рыдал, кто-то сжимал кулаки. В числе последних был бритоголовый, совсем мальчишка. У него нашли пистолет.

В гостиницах и на улице шла лишь предварительная проверка. Настоящая работа начнется в

полицейском участке. Займет она остаток ночи и утро.

— Документы...

Больше всех нервничали владельцы гостиниц: с полицией шутки плохи. Ни у одного из них документы не были в порядке. В каждом доме обнаружены незарегистрированные постояльцы.

— Знаете, господин офицер, я всегда соблюдаю закон. Но когда к тебе вваливаются среди ночи, а ты еще и проснуться-то как следует не успел...

В «Золотом льве» — эта гостиница была к Мегрэ ближе остальных — распахнулось окно. Раздался свисток. Подойдя, комиссар вскинул глаза.

— В чем дело?

— Мне кажется, вам следовало бы подняться, шеф, — робко отозвался молодой детектив, словно нарочно очутившийся именно здесь.

В сопровождении сержанта Мегрэ поднялся по скрипучей лестнице, настолько узкой, что можно было одновременно коснуться перил и стены. Дома эти, кишасшие насекомыми, привезенными со всего света, следовало снести, а еще лучше сжечь дотла много лет, если не столетий назад.

Дверь на третьем этаже открыта. Под потолком тускло светится лампочка без абажура. Комната пуста. Две железные кровати, на одной из них постель не прибрана. На полу матрас, одеяла сваленной серой шерсти. На спинке стула пиджак, на столе спиртовка, остатки пищи, пустые бутылки.

— Сюда, шеф...

Дверь в соседнюю комнату была распахнута, и Мегрэ увидел уткнувшуюся лицом в подушку женщину, лежащую на кровати. Изумительной красоты жгучие глаза впились в вошедших.

— В чем дело? — спросил комиссар.

Ему редко приводилось видеть столь выразительное лицо, а столь необузданное — никогда.

— Вы только взгляните на нее, — пробормотал сержант. — Я пытался заставить ее подняться. Говорил, но она даже не удостоила меня ответом. Тогда подошел к постели, попробовал встряхнуть за плечи. Посмотрите на руку. До крови укусила.

Увидев, что детектив показывает раненый палец, женщина даже не улыбнулась. Слово от нестерпимой боли, черты ее внезапно исказились.

И Мегрэ, внимательно глядевший на постель, нахмурился.

— Да у нее роды начались! Вызови «Скорую помощь», — обратился он к Люка. — Отвези в родильное отделение. Скажи хозяину, пусть явится немедленно.

Юный сержант покраснел до корней волос, не смея повернуть голову. Скрипели половицы: на остальных этажах обыск еще продолжался.

— Говорить не собираешься? — спросил у женщины Мегрэ. — Ты что, не понимаешь французского языка?

Женщина продолжала смотреть на полицейского. О чем она думала, понять было невозможно. Лицо ее отражало лишь одно чувство — дикую, непримиримую ненависть.

Она была молода — не больше двадцати пяти. Полные щеки ее обрамляли длинные шелковистые волосы, черные как вороново крыло. Владелец гостиницы неуверенно остановился в дверях.

— Кто такая?

— Ее зовут Мария.

— Мария, а фамилия?

— По-моему, у нее есть только имя.

Внезапно Мегрэ охватила ярость, хотя он тотчас же ее устыдился. Подняв мужской ботинок, стоявший возле кровати, он швырнул его владельцу под ноги.

— А это что? — закричал он. — Тоже не имеет имени? А это? А это?..

Он схватил пиджак, извлек из шкафа грязную рубашку, второй ботинок, кепку.

— А вот это? — пройдя в соседнюю комнату, он показал на два чемодана, стоящие в углу.

— А это?

Кусок сыра, завернутый в грязную бумагу, четыре стакана, тарелки с остатками холодного мяса.

— Все эти люди были внесены в домовую книгу? А? Отвечай! И прежде всего, сколько их тут жило?

— Понятия не имею.

— Эта женщина говорит по-французски?

— Не знаю... Нет!.. Несколько слов она знает...

— Давно она здесь?

— Не могу сказать.

На шее у домохозяйки виднелся синеватый фурункул, вид был помятый, волосы редкие. Подтяжки он не застегнул, брюки сваливались, то и дело приходилось поддерживать обеими руками.

— Когда это началось? — Мегрэ показал в сторону женщины.

— Мне никто не говорил...

— Врешь!.. А остальные? Где они?

— Ушли, наверно.

— Когда? — не унимался Мегрэ. Он готов был прибить этого старикашку. — Смыслись, как только на улице убили того человека? Признавайся! Оказались умнее остальных. Не стали дожидаться, пока полиция перекроет улицы.

Хозяин не отвечал.

— Посмотри, ты его знаешь! Признавайся! — Мегрэ сунул ему под нос фотографию Виктора Поленского.

— Знаешь?

— Да.

— Он жил в этой комнате?

— В соседней.

— С остальными?.. А кто спал с этой женщиной?

— Клянусь, я ничего об этом не знаю. Наверно, несколько человек...

Люка вновь поднялся по лестнице. Почти одновременно взвыла сирена кареты «Скорой помощи». У женщины вырвался крик боли, но она тотчас прикусила губы, вызываясь посмотреть на мужчин.

— Послушай, Люка. Мне придется тут задержаться. Отправляйся вместе с ней. Не оставляй без присмотра. Ты должен находиться в коридоре больницы. Попробую сейчас же найти переводчика.

Спускаясь по лестнице, стучали башмаками другие задержанные. Навстречу им шли с носилками санитары. В полумраке картина выглядела зловещей, кошмарной. Но от кошмара этого пахло грязью и потом.

Мегрэ вошел в соседнюю комнату, где санитары хлопотали вокруг роженицы.

— Куда ее повезешь? — спросил он у Люка.

— К Леннеку. Обзвонил три больницы, прежде чем нашлась свободная койка.

Владелец гостиницы, не смея пошевелинуться, стоял, уставясь на дверь.

— Стой тут. Закрой дверь! — скомандовал Мегрэ, когда они остались вдвоем. — А теперь выкладывай.

— Я мало что знаю, правду говорю.

— Вечером к тебе приходил сержант, показывал фотографию. Так?

— Так.

— Ты заявил, будто не знаешь этого человека. — Прошу прощения! Я ответил, что он тут не прописан.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Он не внесен в список жильцов. Как и эта женщина. Обе комнаты числятся за другим человеком.

— С какого времени?

— Вот уже месяцев пять.

— Как звать этого человека?

— Серж Мадок.

— Он главарь?

— Главарь чего?

— Хочу дать тебе совет. Не прикидывайся дурачком! Иначе поговорим в другом месте, и твоя вонючая дыра завтра же будет прикрыта. Уразумел?

— Закон я всегда уважал.

— Этой ночью было иначе. Расскажи мне об этом Серже Мадок. Он австриец?

— Так написано у него в документе. Они все разговаривают на одном языке. Это не польский, поляков я немного понимаю.

— Возраст?

— Лет тридцать. Он сначала сказал, что работает на заводе.

— Он действительно там работал?

— Нет.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что он тут целыми днями околачивался.

— А остальные?

— И остальные тоже. Больше чем по одному они отсюда не выходили. Чаще всего это была женщина. Покупки она делала на улице святого Антония.

— Чем же они занимались с утра до вечера?

— Ничем. Спали, ели, пили да в карты резались. Вели они себя довольно тихо. Иногда принимались петь, но никогда не пели ночью, так что жаловаться на них было нельзя.

— Сколько тут всего было человек?

— Четверо мужчин и Мария.

— Что же происходило между этими четырьмя и Марией?

— Не знаю.

— Врешь! Говори.

— Что-то происходило, но что точно, не знаю. Иногда ссорились. Насколько понимаю, из-за нее. Я несколько раз заходил в заднюю комнату, и не всегда оттуда выходил один и тот же человек.

— А тот, что на фото, Виктор Поленский?

— Кажется, и он. Иногда. Во всяком случае, он в нее был влюблен.

— Кто из них был самым главным?

— По-моему, тот, которого звали Карл. Я слышал и фамилию, но она такая трудная, что не выговоришь. Я ее не помню.

— Одну минуту. — Мегрэ достал из кармана блокнот и, точно школьник, помусолил карандаш. — Сначала женщина, которую ты называешь Марией. Потом Карл. Потом Серж Мадок, кто официально считается съемщиком. Виктор Поленский, тот самый, которого убили. Это все?

— Еще пацан.

— Что за пацан?

— Наверно, брат Марии. Во всяком случае, похож на нее. Его все называли Петр. Лет шестнадцати-семнадцати.

— Он тоже не работает?

Содержатель гостиницы покачал головой. Без пиджака ему было холодно: чтобы проветрить помещение, Мегрэ открыл окно. Правда, воздух на улице был немногим чище.

— Никто из них не работает.

— Однако они тратят уйму денег. — Мегрэ показал на груды пустых бутылок в углу, среди них и из-под шампанского.

— Для здешнего квартала тратят много. Но случалось по-всякому. Бывали и такие времена, когда им приходилось затягивать пояса. Узнать это было просто. Если пацан сдавал посуду, было ясно, что они на мели.

— Никто к ним не приходил?

— Может, и приходил.

— Захотел продолжить разговор в полицейском участке?

— Нет. Я расскажу вам все, что знаю. Кто-то приходил раза два или три.

— Кто именно?

— Приличный господин. Этаким франт.

— В комнату он заглядывал? Что он говорил, когда заходил к тебе в кабинет?

— Он ни о чем не спрашивал. Должно быть, знал, на каком они живут этаже. Направлялся прямо к ним в номер.

— Это все?

Возбуждение постепенно улеглось. Погасли в окнах огни. Слышны были шаги полицейских, заканчивавших обход.

— Жду ваших распоряжений, господин комиссар, — отрапортовал поднявшийся по лестнице полицейский офицер. — Мы закончили. Оба фургона набиты битком.

— Могут ехать. Позовите, пожалуйста, ко мне пару моих детективов.

— Я озаб, — начал жаловаться домовладелец. — Мне холодно.

— Зато мне жарко.

Однако пальто комиссару снимать не хотелось: кругом грязь и несуетная.

— Человека, который приходил, ты еще где-нибудь видел? Не было ли в газетах его фотографии? Это не он? — спросил Мегрэ, доставая фотографию маленького Альберта, которую постоянно носил при себе.

— Тот совсем другой. Красивый, нарядный, с черными усиками.

— Какого возраста?

— Лет тридцати пяти. Я заметил у него на руке крупный золотой перстень с печаткой.

— Француз или иностранец?

— Только не француз. Разговаривал на их языке.

— Ты подслушивал?

— Иногда. Хочется знать, что у тебя в доме происходит, сами понимаете.

— Тем более что ты сам скоро смекнул.

— Что я смекнул?

— Не считай меня дураком. Чем же они занимаются, эти парни, которые забились в нору и не пытаются подыскать себе работу? На что живут? Выкладывай!

— Меня это не касается.

— Сколько раз они уходили вместе?

Старик покраснел, не решаясь ответить, но гневный взор Мегрэ заставил его стать несколько откровеннее.

— Раза четыре или пять.

— Надолго? На всю ночь?

— Откуда вы знаете, что дело было ночью? Обычно на всю ночь. Правда, раз они отсутствовали два дня и две ночи. Я даже решил: они больше не вернутся.

— Подумал, что их поймали?

— Пожалуй.

— Сколько они тебе подбрасывали, когда возвращались?

— Платили за постой.

— За одного человека? Ведь номер числился за одним лицом.

— Платили немного больше.

— Сколько? Не вздумай меня провести, прия-

тель. Я могу отдать тебя под суд за пособничество и укрывательство преступников. Заруби себе на носу.

— Раз дали мне пятьсот франков. Другой — две тысячи.

— А потом начинали кутить?

— Да. Шли в магазин, много всякой еды покупали.

— Кто на стреме оставался?

Выражение лица домохозяйина стало еще тревожнее, он невольно взглянул на дверь.

— Из твоего клоповника есть два выхода, так ведь?

— Да, если пройти задними дворами и перелезть через две стены, попадешь на Старую Церковную.

— Так кто сторожил?

— На улице?

— Да, на улице. И, наверное, всегда кто-нибудь находился у окна? Когда Мадок нанимал номера, он, вероятно, потребовал, чтобы окна выходили на улицу?

— Верно. Верно, один из них всегда слонялся по улице. Они менялись.

— И еще один вопрос. Кто из них грозил тебе прикончить, если расколешься?

— Карл.

— Когда?

— В первый же раз, как они уходили на всю ночь.

— Как ты узнал, что они не шутят, что это убийцы?

— Я зашел в спальню. Я часто обхожу номера. Будто бы электропроводку проверяю или хочу убедиться, что сменили постельное белье.

— Часто его меняешь?

— Раз в месяц. Я застал женщину за стиркой и сразу заметил на рубашке кровь.

— Чья была рубашка?

— Кого-то из мужчин. А кого именно, не знаю. Два детектива в штатском, стоявшие на лестничной площадке, терпеливо ждали распоряжений Мегрэ.

— Пусть один из вас позвонит Мерсу. Он, должно быть, спит, разве только задержался на работе. Если его нет в управлении, позвони ему домой. Пусть едет сюда со своими пробирками.

Не обращая внимания на домохозяйина, Мегрэ ходил из комнаты в комнату, то открывая буфет, то выдвигая ящик комода, то пиная ногой кучу грязного белья. Вылинявшие обои кое-где отстали. Черные железные кровати застелены казарменного вида серыми одеялами. Все вверх дном перевернуто. Во время бегства постояльцы, должно быть, забрали все самые ценные вещи, но, чтобы не привлечь к себе внимания, не посмели взять ничего громоздкого.

— Ушли они сразу после выстрела? — поинтересовался Мегрэ.

— Сразу.

— Через парадный подъезд?

— Дворами.

— Кого тогда не было?

— Виктора, конечно. И еще Сержа Мадок.

— Кто из них пошел звонить?

— Откуда вам известно про звонок?

— Отвечай!

— Верно. Примерно в полпятого их кто-то вызвал к телефону. Голос я не узнал, но человек

тот говорил на их языке. Он только назвал имя — Карл. Я позвал Карла. Тот спустился. Как сейчас помню: сидит у меня в конторе, сам словно взбесился. Вспит что-то в трубку. Поднялся наверх и опять орать, ругаться. Почти сразу после этого вниз спустился Мадок.

— Выходит, это Мадок пристрелил своего друга.

— Скорее всего так.

— Они не пытались взять с собой женщину?

— Я им говорил, когда они шли по коридору. Так и подумал: хлопот теперь не оберешься. Хотелось от всех разом избавиться. Она лежала и только глядела на меня. Знаете, она понимает больше, только виду не показывает. Она ничего не ответила, но не вытерпела боль, и тут я смекнул, в чем дело...

— Дружище, — обратился Мегрэ ко второму детективу. — Ты должен дожидаться Мерса. Не пускай в эти комнаты никого, особенно эту крысу. «Пушка» у тебя есть?

Детектив похлопал по оттопырившемуся карману.

— Прежде всего Мерсу надо заняться отпечатками. Потом пусть прихватит с собой что-нибудь для зацепки. Никаких документов они, конечно, не оставили. Я проверил.

Поношенные носки, брюки, губная гармоника, коробка с иглами и штопкой, предметы верхней одежды и несколько колод карт, вырезанные ножом фигурки...

Следом за домохозяйином Мегрэ спустился вниз. Контора представляла душную, плохо освещенную каморку, в которой стояли раскладушка да стол с керосинкой и остатками пищи.

— Не помнишь числа, когда банда отсутствовала?

Старик ответил отрицательно.

— Я так и думал. Но это неважно. До завтрашнего утра у тебя есть время подумать, слышишь? Завтра я сюда приеду сам или же пришлю кого-нибудь. И тогда мне понадобятся даты, точные даты, заруби себе на носу. Иначе придется тебя арестовать.

Хозяин, видно, хотел добавить что-то еще, но не решился.

— Если они вдруг появятся... вы мне... вы позволите мне применить оружие?

— Слишком много знаешь и опасаться, как бы не расправились с тобой, как с Поленским? Верно?

— Я боюсь.

— Мы оставим на улице полицейского.

— Они могут прийти с черного хода.

— Я об этом подумал. Оставлю еще одного — на Старой Церковной.

Улицы были пустынные, после нескольких шумных часов внезапно наступила тишина. Облавы словно и не было. Огни в окнах погасли. Все улеглось снова спать. Кроме тех, кого доставили в полицейский участок, и еще Марии. Пока Люка ходил взад-вперед по коридору, та, должно быть, рожала.

Выставив, как и обещал, двух полицейских, Мегрэ подробно проинструктировал их. На улице Риво пришлось ждать, пока появится такси. Ночь выдалась ясная и холодная.

Сев в такси, комиссар передумал ехать домой.

В конце концов он же выспался накануне. И до этого, во время своей «болезни», отдыхал трое суток! А удалось ли выспаться Мерсу?

— Где еще открыто какое-нибудь кафе? — спросил он, внезапно почувствовав голод. Голод и жажду. При мысли о бокале холодного пива с серебристой шапкой пены у него потекли слюнки.

— Кроме ночных клубов, открыто лишь «Под куполом» да еще маленькие бистро возле Центрального рынка.

Он и сам это знал. А зачем же спрашивал?

— Отвезите в «Купол».

Большой обеденный зал был закрыт, но в баре сидело несколько сонных посетителей. Не отпуская такси, Мегрэ заказал пару отменных бутербродов с ветчиной и выпил кряду три кружки пива. Было четыре утра.

— На набережную Орфевр, — распорядился он, но по пути передумал. — Отвезите меня лучше на набережную Часовщиков.

Весь улов был на месте, и стоявший тут запах напоминал ему ночлежку на улице Сицилийского короля. Мужчин разместили по одну сторону, женщин — по другую. Тут же находились бродяги, пьянчужки и проститутки, подобранные в эту ночь в разных кварталах Парижа.

Некоторые из них спали на полу. Завсегдатаи, сняв обувь, растирали натруженные ноги. Некоторые женщины шутили с охранниками, порой иная вызывающе задирала юбку.

Возле печки, на которой варился кофе, полицейские играли в карты. Тут же находились агенты в штатском, ожидавшие распоряжений Мегрэ.

Лишь часам к восьми у всех задержанных проверяют документы. Потом отправят наверх и разденут донага для оперативной отработки и медосмотра.

— Можете начинать, ребята. Бумаги проверит инспектор, который дежурит днем. Потрясите-ка хорошенько тех, кого доставили с улицы Сицилийского короля. В особенности женщин. Как следует поработайте с обитателями гостиницы «Золотой лев», если такие окажутся...

— Есть тут одна женщина и двое мужчин.

— Отлично. Пусть расскажут все, что им известно об этих иностранцах и о Марии.

Он дал краткие сведения о каждом из членов шайки, и детективы уселись за стол. Начался допрос, который продлится до утра. На ощупь отыскивая выключатели в темных коридорах Дворца правосудия, комиссар между тем пробирался к себе в кабинет.

Дежуривший в эту ночь Жозеф поздоровался с вошедшим. Мегрэ обрадовался, увидев приветливое лицо посыльного. В дежурке, где горел свет, раздался телефонный звонок. Мегрэ открыл дверь.

— Передаю трубку... — отвечал Бодэн. — Он только что вошел...

Говорил Люка. Мария родила мальчика весом в четыре с половиной килограмма. Когда сиделка вышла, чтобы вымыть младенца, она попыталась скрыться.

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Продолжение следует.

ТОВАР —
ПРИЛАВОК —
ПОКУПАТЕЛЬ

ТЕЛЕВИЗОР ВНЕ ЗАКОНА?

ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР О ТОВАРАХ ЛУЧШИХ («ОГОНЕК» № 38, 1987), ОБОИДЕШЬ ЛИ ПЛОХИЕ? РЕДАКЦИИ ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗНАТЬ, РАЗДЕЛЯЮТ ЛИ ЧИТАТЕЛИ МНЕНИЕ АВТОРА ПУБЛИКУЕМОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, КОТОРЫЙ СЧИТАЕТ, ЧТО ПОТРЕБИТЕЛЬ МОЖЕТ И ДОЛЖЕН УЧАСТВОВАТЬ В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ТОЙ ИЛИ ИНОЙ ВЕЩИ? НА КОНВЕРТЕ НЕ ЗАБУДЬТЕ НАПИСАТЬ: «ТОВАР-ФАВОРИТ».

Телевизор бился в истерику. По экрану металась разноцветная полоса. Опытный механик подтвердил: брак.

И тогда я позвонил в магазин: «Хочу сдать телевизор». Мой телефонный собеседник строго спросил: «Справка есть?» Справки не было. Было желание. Была и статья 41 Основ гражданского законодательства СССР. Статья закона! Но почему я не могу реализовать права, данные законом? В приказе Минторга СССР № 21 (пункт 26) говорится: «Обмен товаров в период гарантийного пользования производится в порядке, установленном правилами обмена промышленными товарами». Обратите внимание: не статья законодательства, а правила.

Когда появились первые корректирующие законодательство документы, юристы вынесли свой протест. Тогда-то и был создан приказ Минторга СССР № 50 — документ, отвечающий духу и букве законодательства. И стоящий на стороне покупателя. Но несколько ведомств дружно взялись за руни и, развернув боевые знамена, ринулись в атаку. Министерство промышленности средств связи СССР, Министерство бытового обслуживания на-

селения РСФСР, заполучив в союзники Госплан СССР, сказали: ни в какую!

— Обмен по требованию покупателя? А знаете, чем это обернется? — напористо, напроказ забыв об аргументации, объясняли мне в Минбыте РСФСР. — Чуть забарахлит стиральная машина, холодильник, тот же телевизор — его на возврат? В магазин? Это же нелепость...

Предлагала промышленность и свои варианты. Мне удалось посмотреть проект Министерства промышленности средств связи, одного из поставщиков телевизоров. В министерстве вроде бы не возражают, чтобы никому дышло их детище было возвращено покупателем или обменено, но выдвигают условия: «...если предприятие, осуществляющее гарантийный ремонт, в течение 10 календарных дней после обращения покупателя не устранит недостатков в аппарате; если телевизор черно-белого изображения после одного, а телевизор цветного изображения, видеоминифон, видеопроигрыватель, радиокomплекс, а также звукозаписывающий и звукопроизводящий аппараты высшего класса после трех ремонтов вновь требуют ремонта».

Это не только беззаконие, это еще

и признание нижайшего уровня своей продукции — три ремонта! В течение гарантийного срока.

Такой вариант не прошел. Тогда появились еще один. Но и в нем спорили о количестве ремонтов, о том, надо ли привозить аппарат в мастерскую самому владельцу или это забота ремонтной службы, утонули в деталях и частностях...

Минторг СССР дрогнул, не выдержав напора. И появился приказ № 51, в одном из параграфов которого сообщается: «Признать утратившим силу приказ Министерства торговли СССР от 25 февраля 1985 года № 50 «Об утверждении Правил обмена телевизоров черно-белого и цветного изображения, купленных в розничной сети государственной и кооперативной торговли, и Порядок реализации телевизоров, не выдержавших гарантийного срока службы и восстановленных до работоспособности». Причастным ко всем этим делам министерствам было поручено разработать правила, «максимально удовлетворяющие требованиям покупателей». Но они, как и прежде, стоят на своем: ремонты, ремонты, ремонты...

Константин БАРИКИН

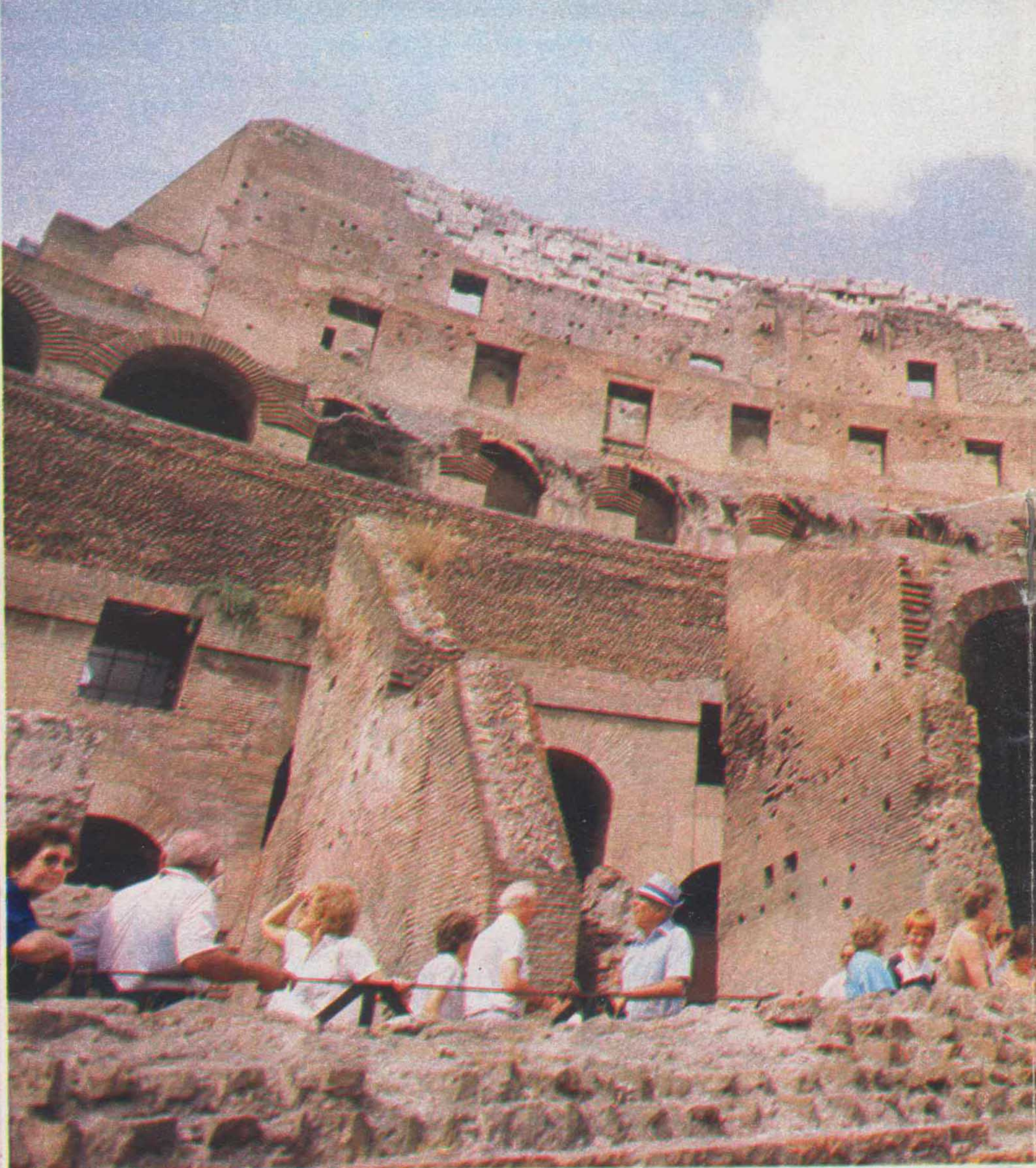
CUI PRODEST?

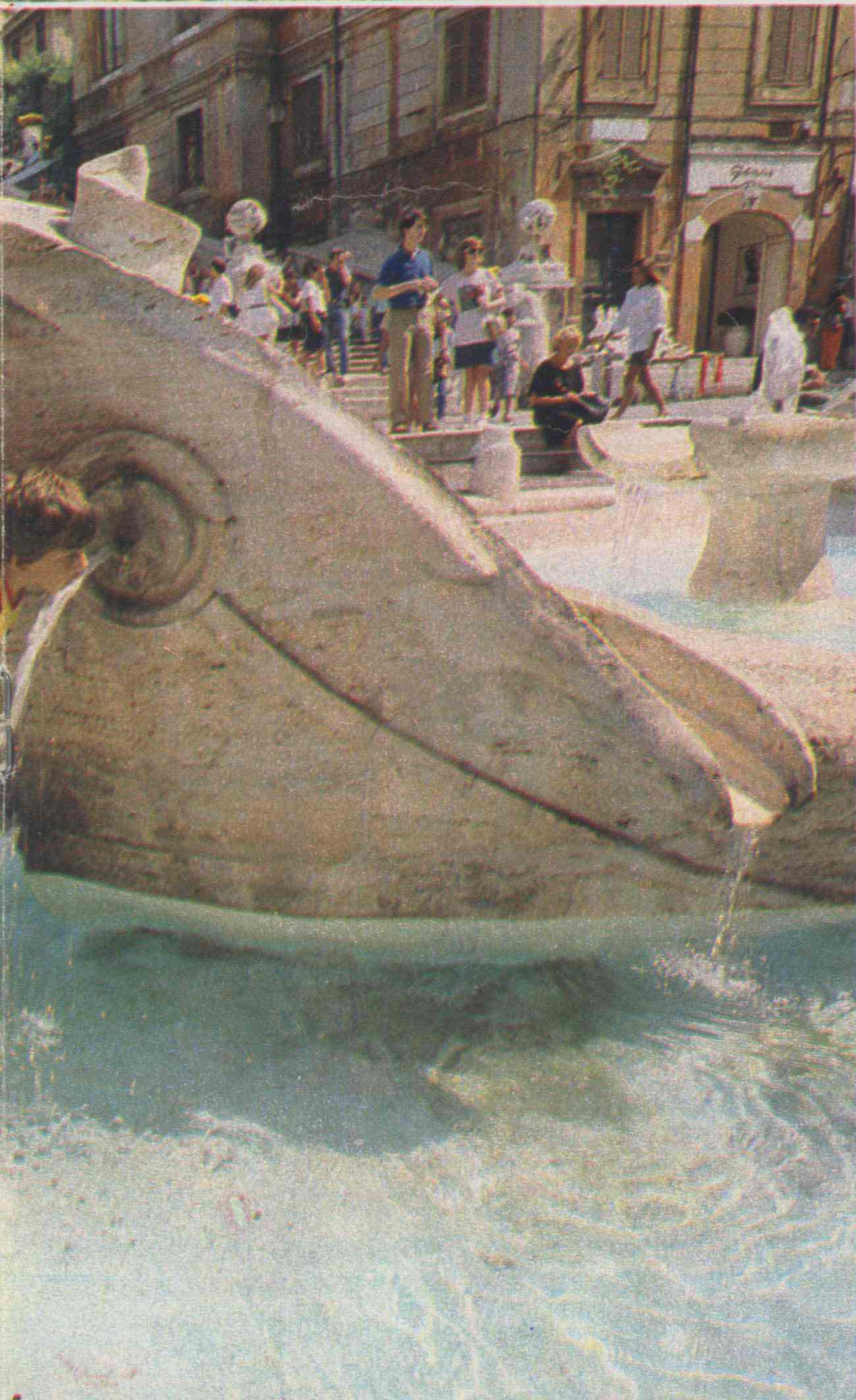
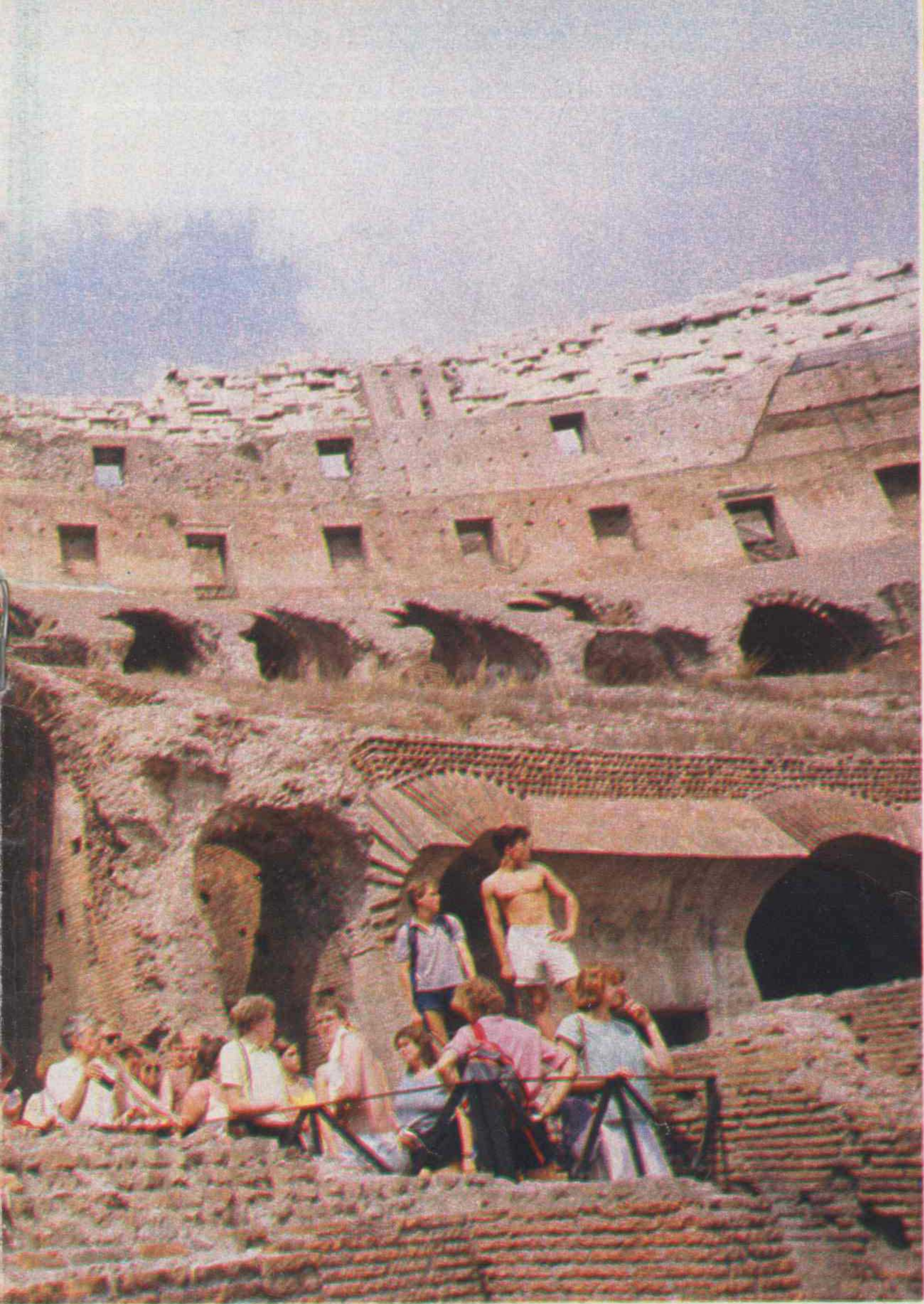
НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ
ИГОРЬ ГАВРИЛОВ
НЕДАВНО ВЕРНУЛСЯ
ИЗ ПОЕЗДКИ ПО ИТАЛИИ,
ГДЕ РАНЬШЕ ЕМУ БЫВАТЬ
НЕ ПРИХОДИЛОСЬ.
БЫТЬ МОЖЕТ, ИМЕННО
В НЕПРЕДВЗЯТОСТИ,
ОТКРЫТОСТИ ЕГО ВЗГЛЯДА
НА СТРАНУ И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
ГЛАВНОЕ ДОСТОИНСТВО
ПРЕДЛАГАЕМЫХ ЧИТАТЕЛЮ
СНИМКОВ.
ЧТО КАСАЕТСЯ ОЧЕРКА ОБ ИТАЛИИ
ЕВГЕНИЯ БАБЕНКО,
ПРОВЕДШЕГО ТАМ НЕ ОДИН ГОД
В КАЧЕСТВЕ ЗАВЕДУЮЩЕГО
ОТДЕЛЕНИЕМ ТАСС, ТО ОН
НАПИСАН ЧЕЛОВЕКОМ,
КОТОРЫЙ НЕ ТОЛЬКО
ВИДЕЛ ВИТРИННЫЙ ФАСАД ИТАЛИИ,
ПОЛЮБИЛ ОТЗЫВЧИВЫЙ, ДОБРЫЙ
И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ НАРОД
ДРЕВНЕЙ, ПРЕКРАСНОЙ СТРАНЫ,
НО И УЗНАЛ ЖИЗНЬ ИТАЛИИ,
ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ, «ИЗНУТРИ».

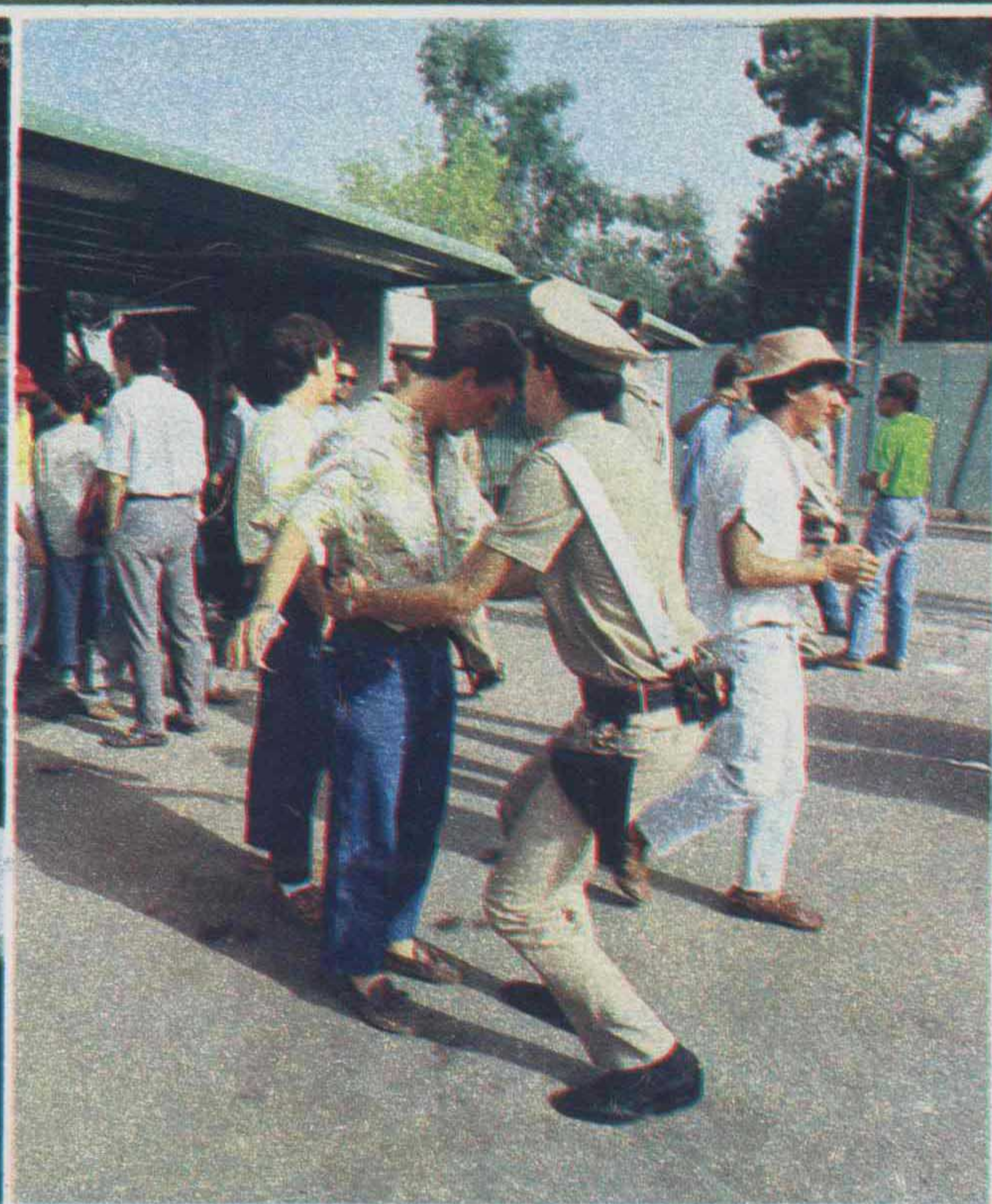
ПОРНОЗВЕЗДА ВО ДВОРЦЕ МОНТЕЧИТОРИО

Евгений БАБЕНКО

Наши клише, применяемые к Италии, достаточно хорошо известны и отработаны на публике. На то они и клише. Италия — это прежде всего гондолы в венецианской лагуне, пицца на каждом углу, белье «флаги» над узкими неаполитанскими улочками, многоликий кинематограф, где уживаются чисто коммерческие вестерны «а-ля итальяна» и раздумья Висконти и Пазолини над быстротечной жизнью, веселая тарантелла, фестиваль в СанРемо, проблемы «Вечного города» и вековой отсталости юга, автомобили концернов «Фиат» и «Альфа-Ромео», оружие марки «Беретта»... Италия — это вошедшая в поговорку коррупция среди дельцов от высокой политики, что есть одна из наиболее заметных сторон все той же мафии. Говорят: о том, какое правительство на очереди в Риме, надо спрашивать в Турине у владельца «Фиата» Джанни Аньелли и других членов его семьи. Прямой связи нет, а косвенная несомненна. Как несомненно и то, что «Фиат» — это вовсе не одни только автомо-

CUI PRODEST?

били, но и танки, и двигатели для мощных военных кораблей и другой техники.

А Неаполь бесконечной сушкой белья в неисправимо грязных кварталах, понятное дело, не исчерпывается. Город безработных, чудовищно битых автомобилей, уличный хаос, сравнимый, пожалуй, только с ситуацией на турецких дорогах, но и университет, поиски минувшей древней культуры и попытки ее обретения сегодня.

Отсталость юга? Нищета, бедность, нехватка школ. Но одновременно и многое другое. В любом городке на действительно отставших от материального индустриального севера Сицилии и Сардинии, в каждом универсальном «Упиме» или «Станде» тот же выбор продуктов и промтоваров, что в Генуе и Милане. Может, объем меньше, но ведь и жителей куда меньше.

Повсеместно идет разрушение стереотипов. Рушатся и наши итальянские клише. За семь с лишним лет работы в Италии я ни разу не видел ни на одном массовом сборе итальянцев тарантеллы, которую даже краткий энциклопедический словарь наш до сих пор представляет как самый характерный народный танец страны.

На гондолах в Венеции могут покатаются лишь очень состоятельные гости, никакой это не массовый вид туризма. Символом сказочного города на воде скорее можно назвать голубей на площади Св. Марка. Их кормят все.

Хочется развеять еще один миф об Италии, как о католической стране. В церковь здесь ходят меньше, чем, скажем, в Польшу или в соседней Франции. Хотя на воскресную мессу собираются многие. Но это скорее на других посмотреть и себя показать. Потому-то даже в душном средиземноморском мае на местных дамах тяжелые шубы, на мужчинах черные пасхальные тройки, руки в золотых перстнях с камнями, на ногах лаковые штиблеты. А трости, а сигары!

В Италии сравнительно недавно появился феномен, который еще немножко — и станет, пожалуй, очередным итальянским клише. Сейчас без преувеличения можно говорить о самом настоящем разгуле порнографии на Апеннинах. Да, да, в одной из главных колыбелей человеческой цивилизации пышно распустились стойкие махровые цветы похабщины и блуда. Во всех их проявлениях: кино-, фото-, книжно-журнальном, устном, письменном, сценическом. В каком хотите.

Один из ведущих буржуазных публицистов современной Италии, Джорджо Бокка, так охарактеризовал этот феномен: «Наблюдается шизофрения в сфере сексуальной морали, когда на обложках иллюстрированных еженедельников для семейного чтения молодые женщины в нагом виде занимаются мастурбацией, а на внутренних полосах этих же номеров журналов помещаются «серьезные» исследования по поводу декаданса общественной нравственности». Главным правилом, пишет Бокка, остается: каждый со своего островка мо-

жет кричать все, что угодно, лишь бы не называл никаких имен и не нарушал общего состояния шизофрении. Вот такой простой рецепт.

Билет на свежий фильм в римских кинозалах стоит сейчас восемь-девять тысяч итальянских лир. А за четыре тысячи на улице Вольтурно, рядом с центральным столичным вокзалом Термини, любой начиная с восемнадцатилетнего возраста может в течение одного сеанса посмотреть и порноролик, и стриптиз наяву.

Спросят: а Ватикан? Что Ватикан! Достаточно туристу выйти из собора Св. Петра, пересечь границу с Италией, которая всего лишь естественный предел площади, совершить пятиминутное путешествие по прямому, как линейка, проспекту Примирения, повернуть налево, и вы уже перед входом в один из многочисленных кинотеатров «при красном свете». Фильмы «только для взрослых».

Никакой рекламы, нет афиш с «маленькими» эпизодами. Маленькая уступка «святым отцам». Рядом с пыльными портьерами, из-за которых слышатся коллективные потужные вздохи, полувыцветшее объявление: «Учитывая откровенный характер зрелища, мы не выставляем ни одной фотографии». И еще одно обращение к зрителю: «Вы сами пришли в этот кинотеатр, значит, вы знаете, что делаете». Мораль владельцев кинотеатра, а также авторов «ленты», таким образом, спасена. Мол, пеняйте только на самих себя, вас сюда не затаскивали.

Откровенный характер зрелища начинается с названия — «Похождения девиственницы, или Юстиния из женского колледжа». В зале преимущественно компактная мужская компания, но есть и женщины, даже девушки, наверное, сверстницы целлюлоидной Юстинии. Несколько туристов, обязательные японцы. И здесь они с фотоаппаратами. Но снимать в зале нельзя. Рассматривается как нарушение авторских прав.

Для тех, кто никогда не видел порнофильмов, а только слышал о них в вольном пересказе, без всякого ханжества скажу: вы мало потеряли. Завидую вашему незнанию и вере кое-кого в то, что это захватывает. Нет, не захватывает, а, наоборот, отвращает. Вся пленка — это какое-то море пошлости. А нужно ли? Если только это не попытка сделать посетителя каким-то асексуальным, изверившимся в добрых, чистых чувствах типом. Нормальному человеку, честное слово, достаточно один раз посмотреть на «порнуху», чтобы навсегда отбить самому у себя охоту к подобным ненужным тратам денег и времени.

Один из первых обязательных вопросов, которым встречают после возвращения из «оттуда», непременно бывает: «Порно видел? Как, здорово?» Никак и нездорово, с ударением на третьем слоге. А зачем сам ходил? Как сказал бы на моем месте Жванецкий, чтобы рассказать о своих ощущениях вам.

Но если серьезно, то об этом следует говорить. Никакая это не запретная, а нужная, пусть и деликатная тема. Потому что порой становится просто страшно.

...В ста километрах к югу от Рима, чуть в стороне от ведущей к Неаполю древней консульской дороги Аппии, расположен небольшой городок Фонди. Семьдесят тысяч жителей. Считается одним из самых зажиточных на полуострове, если судить по статистике. Это видно и по тому, как люди одеваются. В городе лишь один кинотеатр, и тот «при красном свете». Обычных, нормальных кинокартин не показывают. Две дискотеки, один ночной клуб. Все. Городская «культура» на этом заканчивается. Чтобы посмотреть приличный фильм,

надо ехать в соседнюю Террачину, а это за тридцать километров.

«Порнография для нас не проблема, а тяжелая ежедневная драма», — это говорит мой хороший приятель, вежливый, интеллигентный Антонио Этторе, секретарь местной секции общества «Италия — СССР», к которому по делам я и приехал.

Из шести тысяч кинозалов, насчитывающихся сейчас в Италии, под порнографию полностью отведены свыше тысячи. В одном Милане, городе деловых людей и деловых командировок, их двадцать пять. И все в центре, рядом с гостиницами и вокзалами. Если в Риме кинотеатры открываются в четыре пополудни, то в Милане «жанровые» ленты крутят с десяти утра. Вдруг у командировочного найдется свободная «минутка»?

Жизнь у операторов, действующих в сфере порнографического кинорынка в Италии, не такая уж легкая. Постоянный поиск репертуара, боязнь «надоест». Лучшим спросом пользуются зарубежные ленты, меньшим — местные, национального производства. Нет пророка в своем отечестве, вернее, пророчиц в данном случае.

Начиная с конца 1985 года, как показывают данные Римского института политических, экономических и социальных исследований, количество посетителей «кино только для взрослых» ежегодно стало сокращаться на шесть процентов. «Спецкинозалы» никогда не бывают переполненными. Доходным это дело остается лишь благодаря низкой стоимости самой кинопродукции. В среднем одна порнографическая лента обходится в 40—70 миллионов итальянских лир (считайте: один доллар обменивается сейчас примерно на 1250 лир).

Полнометражная лента снимается, как правило, за четыре дня, максимум — за семь. Режиссер берет по пять миллионов за картину. Исполнители главных ролей получают двести тысяч в день. (Мужчины меньше.) Чистая прибыль — 80—85 процентов от общих кассовых сборов. И все же порнофильмы в зрительных залах пошли на убыль.

Причина — порновидео. Эта волна буквально захлестнула Италию. Порнография ушла в семью, в быт. Звучит парадоксом, но факт. Благодаря чемпионату мира по футболу 1986 года количество видеомagnetофонов, проданных итальянцам, увеличилось с двухсот тысяч до миллиона четырехсот тысяч штук. Профессионалы по части видео не сразу, но поняли, какие огромные материальные выгоды может принести им домашний порновидеограф. Теперь кассету определенного содержания за шестьдесят тысяч лир (три штуки за сто пятьдесят тысяч) можно приобрести в любом магазине, торгующем радиотоварами...

Впрочем, чувство общественного стыда здесь еще утрачено не окончательно. Подойти к прилавку и небрежно бросить: «Дайте мне кассету номер сто один» — значит преодолеть какой-то барьер. Назовем его нравственным.

Но можно и не преодолевать. Существуют этого своеобразные «товары — почтой», центры по рассылке порнокассет на дом. Из номера в номер любого порнографического журнальчика, имя которым легион (вот несколько названий: «оре» (часы), подразумевается время, проводимое за просмотром содержания), «мэн» (это чтобы звучало по-американски, а суть та же, «оргазм»), «малолетки»), переходят объявления с адресами центров, с подробным перечнем видеокассет и отрывным талончиком, который остается только заполнить и положить в конверт.

Через десять дней почтальон принесет заказчику анонимную, как обещано в рекламном проспекте, без

всяких этикеток бандероль, за которую почтальон и получит полную сумму плюс почтовые расходы. И почтальон знает, что это такое, и получатель тем более знает. Однако все-таки (хотя бы внешне) «тайна» пересылки и благопристойность клиента соблюдены.

Можно заказать кассеты в ФРГ у фирм «Блу-муви» и «Рибувидео» (Гамбург), «Майк Хантер» (Кельн), можно в США или во Франции. Опять же дешевле обойдется собственная продукция. Например, последняя работа национальной «порно-стар» Илоны Сталлер под названием «Бурлящая плоть». Илона снялась вместе с самым известным актером американских порнолент 44-летним Джоном Холмсом, который ныне доживает последние дни: СПИД!

Илону Сталлер в Италии знают все. По популярности она, как гласят опросы общественного мнения, может сравниться лишь с бывшим председателем совета министров, лидером соцпартии Беттино Кракси. В иллюстрированном журнале «Джентле мезе» («Люди месяца») среди созвездия самых известных людей страны неизменно изображение раздетой белокурой девицы.

Кто она такая?

Илона щедро отдается всем сразу со страниц порножурналов, со стереослайдов, с видеокассет. И в живом виде — со сцены. Во время спектаклей Илона показывает все и делает все. Но в отличие от рядовой проститутки-одиночки она засовывает деньги не за лифчик (которого у нее, кстати, нет), а переводит за вычетом аренды зала на чекovou книжку. Туда же поступает и ежемесячное жалование, которое она получает... в качестве депутата итальянского парламента по списку радикальной партии.

Сталлер избрана на всеобщих выборах 14 июня сего года. Ее девизом было: «Против всякой цензуры!» Перед избирателями в ходе предвыборной кампании Илона представала в полуобнаженном виде (оголенный верх, слегка прикрыт низ) и активно призывала всех пойти за кандидатом номер сорок девять, то есть за ней самой. И победила своего ближайшего политического конкурента.

Надеюсь, теперь те, кто проявлял обеспокоенность и недоумение по поводу выбранной автором темы, успокоились. Как было журналисту пройти мимо того факта, что порнозвезда, с анатомией которой миллионы итальянских мужчин знакомы лучше, чем с телосложением своих собственных половин, восседает сейчас на депутатской скамье в старинном римском дворце Монтечitorio и, улыбаясь в ответ на приветствия допущенной на балкон зала заседаний публики, показывает ей два растопыренных в виде латинской буквы «V» на маникюрных пальчиках! «Виктория»! Победа! Наша взяла!

Двадцать лет назад безвестная щупленькая девочка в облегающем костюме из дешевой белой ткани голосовала у обочин среднеевропейских дорог, пробираясь все дальше на запад, пока не осела в Италии. Торгуя направо и налево своим телом, которое, честно говоря, больше напоминает стиральную доску, она добила многого. В деловой сметке Илоне не откажешь. От прежней крошки неизменным остался лишь белый наряд.

Недавно Сталлер выкупила два обанкротившихся французских издательства, запустила на полную мощность порнопродукцию такого «качества», что ей удалось к настоящему моменту с успехом проникнуть даже на самый престижный и сложный в этом плане шведский порнорынок.

А теперь она еще и депутат.

Журнал «Панорама» провел опрос среди итальянских парламентариев — мужчин. Никому из них Чиччо-

лина, как она сама себя называет, не понравилась, здороваются с ней, сталкиваясь на заседаниях, единицы. Но Илона не собирается ни оставлять прежнее любимое дело, ни манкировать своими депутатскими обязанностями. Она уже проголосовала за тринадцать законопроектов — от охраны окружающей среды во всем мире до запрета курить в парламентских кулуарах. «Хочу, чтобы все итальянцы были счастливы», — сказала она в одном из своих многочисленных интервью.

Кто еще года два назад в политическом Риме мог бы предположить, что одно из депутатских мест в высшем законодательном органе итальянской республики займет официальная представительница самой древней в мире профессий?

В парламенте Илона уже развернула и свою «прямую» деятельность. Центральным гвоздем августовского номера журнала «Пентхауз» (итальянское издание) стал материал «Сталлер ведет опрос среди парламентариев». «Наконец-то, — удовлетворенно пишет «Пентхауз» в жирном заголовке, — депутаты расстегивают пуговицы». Похоже, с появлением Илоны в палате депутатов наступила горячая пора.

Правда, у Илоны есть и проблемы. Многие найтклабы столицы и провинции закрывают перед ней свои двери. Как-то неудобно: депутат, и в таком виде... Илона уповаает на гастроль в Голландии, где устроителям пока еще все равно, парламентарий она или «звезда» стриптиза. А из Аргентины предложили Илоне миллион итальянских лир, если она позволит, чтобы ее именем была названа сеть фешенебельных отелей в этой далекой, но прислушивающейся к новым западноевропейским веяниям стране.

У предприимчивой Сталлер есть уже свои ученицы. В один прекрасный день полицейский, мирно отбывавший свою вахту в Риме у подножия знаменитой лестницы на площади Испании, вдруг не поверил своим глазам: из такси, подрулившего к лестнице, как ни в чем не бывало вышла эффектная молодая брюнетка с игрушечным автоматом в руках. Единственной одеждой на ней была патронташная лента вокруг бедер. Да еще высокие сапоги.

— Меня зовут Малу, — представилась она. — Я подруга Илоны Сталлер. Это мой протест против людской несправедливости, против войны!

«Куи продэст?» в переводе с латыни означает «кому выгодно?». Можно было бы долго рассуждать на эту тему, но читать мораль обществу, которое, помимо обычного парламентского жалования, подрядилось ежеквартально выплачивать Илоне Сталлер как депутату женского пола дополнительно четыреста пятьдесят тысяч лир «для ухода за волосами и телом», бесполезно.

ПРОШУ СЛОВА!

НАША ОБЩАЯ БОЛЬ И БЕДА

Валерий КАДЖАЯ

Из грузинской деревни В. Цветов переносит японца в деревню сибирскую. Там заморский гость, прежде чем сесть за стол, накрытый в его честь в доме Степановых, потребовал расчетные книжки семьи, осмотрел приусадебный участок, выдернул куст картофеля, пересчитал клубни, проинвентаризировал грядки с огурцами, помидорами и капустой. Только после того, как убедился японец, что все у Степановых заработано своим трудом, сел за стол и произнес тост «за то, чтобы все виделось нам в своих истинных масштабах».

Автор нигде не называет точных адресов, и, судя по всему, семья Степановых — художественный образ. Ну подумайте сами, разве не гипотетична советская семья, ведущая расчетные книжки? Ладно, шла бы речь о немцах, а то русский человек, который дотошно заносит в «хаусбух», сколько он в течение дня потратил денег: на хлеб, курицу, пиво, на билеты в кино и прочее...

Мой коллега из грузинской республиканской газеты «Комунисти» Таммаз Цивцивадзе, выступивший со статьей-ответом «Огоньку», обратил внимание на фактические неточности в статье В. Цветова. Во-первых, средняя урожайность мандаринов в Грузии составляет в колхозах и совхозах 200—240 центнеров с гектара, а на приусадебных участках — 300—330, тогда как в коммерческих садах Японии — 300—350 центнеров. Однако следует знать, что Черноморское побережье Грузии, где выращивают 99 процентов всех отечественных мандаринов, является самыми северными в мире субтропиками. В Японии на той же широте цитрусоводством практически вообще не занимаются, слишком накладно и трудоемко. Во-первых, созревают в Грузии мандарины

«Теперь об этом можно рассказать» — так назвал Владимир Цветов свою «совсем не детективную историю», которую «Огонек» опубликовал в № 31 за этот год. Что же поведает известный публицист? А то, что в некоем грузинском колхозе, где выращивают мандарины, устроили гостю из Японии банкет, да такой, что стол лохмился от яств и вино лилось рекой. А вот когда дошло до знакомства

с плантацией, выяснилось, что хозяева — большие мастаки говорить тосты, а мандарины выращивают мелкие, как горох, собирают их зелеными, зато сдают первым сортом. Урожайность же, по словам агронома колхоза, всего 12 центнеров с гектара, хотя еще в аэропорту разбитной встречающий уверял японца, что в Грузии собирают по 100 центнеров, после того как японец сообщил ему, что в Японии выращивают по 50

в ноябре—декабре, значит, и гость попал в Сибирь, когда там уже лежал снег, и найти картошку, а тем паче помидоры на огороде он не смог бы даже с помощью богатого воображения.

Владимир Цветов противопоставил две деревни — грузинскую и сибирскую. Обвинять В. Цветова в злонамеренности у меня не поднимается рука, потому что, думаю, он стал жертвой некоего расхожего стереотипа бытового сознания.

Мне довелось работать в Сибири собственным корреспондентом одной из центральных газет. Там я обзавелся друзьями, и такое было у меня ощущение, словно в Сибири родился и вырос. Одно омрачало: когда заходил разговор о грузинах. Их вспоминали, обсуждая цены на рыночные фрукты или делясь впечатлениями об отдыхе на Черноморском побережье. В разговорах грузины выглядели или спекулянтами, или липучими пляжными жуирами.

Поскольку и у того, и у другого мнения почва имелась, я только мрачнел, но в споры не вступал. Я знал, как дерут грузины-перекупщики три шкуры за яблоки и груши, которые привозили они в сибирские города. Помню, на рынке в Томске женщина надрывно стыдила небритого, обрюзгшего, хотя еще и совсем не старого грузина, торговавшего мандаринами по совершенно несусветной цене. «Совести у тебя нет!» — кричала женщина. И вряд ли бы утешило ее объяснение, что зло не только в перекупщике, а в том, что торговля наша порою нечто до такой степени не поддающееся нормальной логике, что и обсуждению не подлежит.

Международные отношения мы, журналисты, слишком часто описывали лишь в розовых тонах, делая вид, что вещей, подобных тем, о которых я сейчас рассказываю, не существует. Но оттого, что мы «делали вид», они вовсе не переставали существовать. Более того, накапливаясь в общественном организме, стереотипы бытового сознания медленно, но исподволь отравляли его, разрушая то величайшее достижение нашей революции, которое называется «интернационализм» и «дружба народов».

Никогда не забуду страду 1972 года. В тот год урожай в Западной Сибири выдался неслыханный, а в европейской части, наоборот, все спалила засуха, поэтому взять сибирский хлеб — весь, без потерь — стало вдвойне необходимо. А тут как на зло полили дожди, наступила ранняя осень. Со всей страны шла в эти края техника — спасать урожай. Я мотался из области в область то один, то с рейдовыми бригадами. Репортажи шли в номер, как с передовой. Особенно сложным было положение в Омской области. Задыхались элеваторы, на токах «горело» волглое зерно. Омский обком партии напоминал фронтовой штаб. Там я и узнал о том,

что в Полтавском районе всех победила в соревновании автоколосна из Грузии. Я отправился в Полтавку. Земли мои действительно всех обошли, показав в работе, как говорится, высший класс. Гордый и счастливый, я написал очерк специально для «Коммуниста». В очерке я рассказал не только о том, как водители из Грузии помогают убирать хлеб, но и про ночной свой разговор с директором совхоза. Он тогда откровенно признался: «Ты, брат, не обижайся, но я думал, что все ваши грузины — одни спекулянты. А сейчас смотрю, даже не верится, как классно работают».

Далеко за полночь засиделись мы тогда с директором. И хоть уставший он был смертельно и вставать ему предстояло спозаранку, но не уходил, слушал, что я рассказывал про грузин, про Грузию, про то, как нелегко, потом и кровавыми мозолями, достаются грузинскому крестьянину и виноград, и чай, и те же мандарины. Вот тогда впервые и услышал я фразу, запавшую мне в душу: «Плохо, однако, мы знаем друг друга».

Мне понятно неприятие В. Цветовым показушности в любых ее проявлениях. Но разве показуха — национальная грузинская черта? В Омске, помню, встречали высокого гостя. Не такого, чтобы очень уж высокого, но на банкет вытягивающего. И был вечер, и было застолье, по сравнению с которым хваленое грузинское — детский сад. Стол лохмился от яств, а водки с коньяком — хоть залейся, и тосты — один другого велеречивее. В другой раз, уже в Тюменской области, проехал я по трассе строящегося газопровода с Большим Начальником. По всему пути следования банкет сменялся банкетом, поили-кормили начальника со всей свитой, и как! Первый и пока что единственный раз за всю жизнь черпал я икру — не баклажанную, а черную и красную — столовой ложкой!

Ездить мне приходилось по всему Союзу — и везде наталкивался я на показуху. Председатель колхоза на Украине жаловался мне: «Доведут до тюрьмы. Сколько можно?! Делегация за делегацией. Три иностранца, а с ними десяток наших. На дурницу всем охота. Откуда брать деньги? Всей моей зарплатой на весь год на один такой банкет не хватит, какой мы канадцам закатали. Из обкома велели — встретить на самом высоком уровне. Сорок шесть человек! Да чего уж, колхозная касса крепкая, все знают».

Да, все знают. И говорю об этом не в прошедшем времени. Одно время угомонились, правда, особенно в первый год после Указа. Но слаб человек, а начальство есть начальство. Его надо встретить и проводить, так уж повелось. Поскольку сегодня мы — вам, завтра — вы нам.

Корни показушности не в грузинский краснозем уходят, так же как и не в украинский чернозем и не в си-

бирские суглинки. Показуха произросла на почве деформации нравов. Ее породили падение престижа производственного и качественного труда, разрыв слова и дела, смешение понятий «мое» и «наше». Психология временщика, рвача, демагога сложилась не в результате изъянов того или иного национального характера, сколько заданными условиями социальной и экономической жизни.

В. Цветов пишет, что в колхозе собирали мелкие, как горох, мандарины, а сдавали их первым сортом. Но разве грузинские колхозники в том повинны? Восемнадцать лет я прожил в Москве. Восемнадцать лет назад в московских магазинах продавали мандарины только спелые, сладкие, янтарного цвета бананы, сочные, красные помидоры. Постепенно мы превратились, по остроумному выражению Жванецкого, в «страну вечнозеленых помидоров», а также «вечнозеленых», то есть безобразных в смысле качества, домов, обуви, одежды и так далее, и тому подобное. Вот об этом действительно теперь можно говорить — во весь голос. Чтобы бороться. Но бороться надо против причины, а не следствия, против явления, а не его зеркальных отражений.

Немало проблем, связанных с нравственной атмосферой в обществе, наслонилось в области межнациональных отношений. Это тема для отдельной статьи, я коснусь лишь одного нюанса, навеянного статьей В. Цветова: о такте, деликатности и предельной чуткости во всем, что относится к национальным особенностям.

В. Цветов пишет иронически: «За обедом японцы видели только мужчин. Снимали мандарины с деревьев сплошь женщины». Да, за грузинским столом в деревне женщину не увидишь — так складывалось испокон веков, но это вовсе не говорит о ее угнетенном положении. В грузинском доме женщина — полновластная хозяйка, и никогда мужчина не вмешивается в ее дела. Нет для грузина худшей характеристики, чем если говорят о нем: «Лезет в женские дела». Зато таким же нонсенсом считается женщина с лопатой или мотыгой в руках. Нигде в Грузии вы не встретите женщину на полевых работах. Это тоже идет испокон веков. В старину в селах существовал даже красивый и благородный обычай, он сохранился кое-где еще — в глухих, отдаленных деревнях. Называют его в Западной Грузии «нады», а в Восточной — «мамитады», что означает следующее. Если какая-то семья оставалась без мужчины-работника, то мир брал на себя заботу о ней: обрабатывали землю, косили, заготавливали дрова для семьи мужчины всей деревни.

И только на сбор винограда, «ртвели», выходили все жители от мала до велика, а теперь и на сбор мандаринов. Есть еще, правда, чай. Его действительно собирают только женщины. Когда-то чья-то умная голова решила, что срывать листочки с кустиков не работа, а развлечение. Когда поняли, что это тяжкий труд, было уже поздно: сложился психологический барьер, переступить который мужчины не в силах («не лезть в женские дела»), а в результате в чайных районах Грузии — самый высокий процент «женских» заболеваний.

Нельзя мерить привычки и обычаи других народов своей национальной меркой. Если азербайджанец или узбек отказывается есть за вашим столом жаркое из свинины, это вовсе не основание считать его «отсталым». Можно не верить в Магомета, но полторы тысячи лет мусульманского воспитания даром не проходят. Отвращение к свинине — черта национальная. Точно так же, как не станут русский или грузин есть излюбленных французами лягушек. Будем же вза-

имно уважительны к нашим привычкам.

Интеллигент (истинный, а не «по диплому») никогда не станет с пренебрежительным высокомерием относиться к иным, даже странным, на его взгляд, привычкам и обычаям. Пренебрежительное высокомерие свойственно людям, духовно и нравственно неразвитым. И оно одинаково противно и в русских, и в грузинах, и в представителях любой другой национальности. Поскольку есть первый признак мещанина и обывателя.

Обыватель всегда воинственно правоучителен. Свое он всегда считает лучшим. Именно он и порождает рознь. Деликатность между тем единственно возможный путь в общении и сосуществовании людей.

Этот вывод я сделал из постоянных наблюдений, которые волею судьбы пришлось мне вести с ранних лет. В моей семье тесно сплелись и срослись украинская, грузинская, русская, еврейская и армянская ветви, как мы в домашнем кругу часто шутим, — настоящий интернационал. Смешение кровей шло отнюдь не гладко и безболезненно. Я помню, как встретила появление моей матери, кубанской казачки, одна из родственниц. После этого отец несколько лет не пускал ее на порог. Но с годами страсти улеглись. Брат отца, добрейший дядя Саша, и его жена тетя Шура, чуткая и отзывчивая женщина, с самого начала отнеслись к невестке с родительской любовью — они были много старше. Мама рассказывала, как в голодном 42-м, когда я родился, а отец был на фронте, кормила нас младшая отцова сестра тетя Гугула. Я ее помню смутно, вернее, ее добрую улыбку и исходящее от этой улыбки тепло. Все они давно ушли в мир иной. Да будет им земля пухом...

Бабушка моя не раз повторяла: «Мир не без добрых людей». С годами я понял, что мир вообще невозможен без добрых людей, только на них он и держится. Что касается моей матери, то она, со своей стороны, старалась отвечать на добро добром. Почитала старших, уважала грузинские обычаи и традиции. Научилась говорить по-грузински, готовить грузинские блюда, а главное — вести себя так, как принято грузинским женщинам. Хорошо это или плохо — не мне судить, но вся грузинская родня приняла ее. И сестра моей матери тоже вышла замуж за грузина и тоже вела себя в духе «мирного сосуществования». Обе они рано овдовели, но родственники мужей не только не вычеркнули их из своего круга, но постоянно оказывают внимание и заботу, как это принято в Грузии среди близких людей. Когда умерла моя бабушка, Варвара Ивановна Сердюк, с Кубани на похороны смогли приехать только племянник и племянница, и они были поражены: в последний путь провожать бабушку вышло несколько сот человек, вся ее грузинская родня, — вдумайтесь: грузинская родня кубанской казачки. Похороны в Грузии, между прочим, своего рода показатель «кто есть кто», и этого тоже зачастую не понимают заезжие ревнители европейских стандартов.

Я бы покривил душой, если бы не сказал о том, что даже и такого благородного обычая, как последний долг усопшему, коснулась проклятая язва показухи. Впрочем, так же и свадьбы, дней рождения, приема гостей... Но разве от той же язвы и в такой же степени не страдают и в России, и на Украине, и в Средней Азии — повсюду по стране? Все мы оказались поражены этим недугом, и это наша общая боль и беда. Труден и мучителен сейчас путь нашего коллективного возвращения к правде. Но другого пути не дано.

Владимир ЦВЕТОВ

ПИСЬМО КОЛЛЕГЕ- ЖУРНАЛИСТУ

Прочитав заметки Валерия Каджая, я вспомнил крылатую фразу Талейрана: «Это больше, чем преступление, это — ошибка». Непростительная, хотя и объяснимая оплошность с цифрами урожайности мандаринов в Грузии и в Японии и послужила одним из побудительных мотивов для В. Каджая выступить с ответом на мой очерк «Теперь об этом можно рассказать», опубликованный в № 31 журнала «Огонек». В качестве меры веса в Японии применяют тонны, а не центнеры. Поэтому, приводя в очерке данные об урожайности, я правильно назвал цифры, но ошибся (по прошествии двадцати лет) в мере веса и вместо тонн по привычке написал центнеры. Ошибка, повторяю, непростительная, и я приношу свои искренние извинения читателям журнала «Огонек».

Теперь о существе дела. Японцы, герой очерка, — а все, о чем в очерке говорится, происходило на самом деле — живет в «мандариновом» районе Японии. Он выращивал тогда на пятигектарном участке по 50 тонн плодов с гектара. Хвастунами оказались не труженики грузинского колхоза, где я с японцем побывал. Бахвалом выступил встретивший нас в аэропорту сотрудник Тбилисского телевидения, который, вероятно, так же, как и я, не имел никакого представления о выращивании мандаринов. В колхозе действительно собирали — мы попали туда в начале уборки — по 12 тонн с гектара. В другом мандариновом хозяйстве, куда нас свозили тоже, урожай был еще меньше — 8 тонн. Японцы чуть не плакали, глядя дрожавшей рукой попорченные насекомыми-вредителями листья на мандариновых деревьях. Не берусь судить, был тот год обычным для грузинских мандариноводов или, к сожалению, крайне неудачным...

Семья Степановых из сибирского колхоза реальна тоже. Колхоз был из числа укрупненных. В нем состояли 11 тысяч человек. Бухгалтерия завела для колхозников расчетные книжки, в которые заносились количество выполненных трудовых и размер оплаты — натурой и деньгами — по трудодням. Расчетную книжку Степановых и переписал себе в блокнот японцу.

Обиды того характера, что высказал В. Каджая, мы, как говорится, «уже проходили». Еще сравнительно недавно находились люди, усматривавшие в художественном описании сложностей с испытанием боевой техники поклеп на Советскую Армию, в изображении обстановки научной затхлости на институтской кафедре — искажение облика советских ученых, в изобличении злоупотреблений в универсале — оскорбление работников торговли. Но ведь в повестях, что я

имею в виду, говорилось не об армии, институте или торговой точке, а об общественных явлениях. Полигон, кафедра и универмаг представляли собой лишь место, где общая для нашей жизни реальность была увидена писательским глазом. Уверен, что подавляющее большинство читателей «Огонька» правильно поняли: я написал не о национальной грузинской черте, а о социальном явлении.

В. Каджая пишет, что показуха и лукулловы застолья за государственный и колхозный счет он видел в Омске, в Тюменской области, на Украине. Из выступлений нашей печати мы знаем о приписках, о безнравственном отношении к труду в самых разных частях страны, и никому в голову не приходит утверждать, что эти язвы национального русского, узбекского или эстонского происхождения. Полностью согласен с выводом В. Каджая, что «психология временщика, рвача, демагога сложилась не в результате изъянов того или иного национального характера, сколько заданными условиями социальной и экономической жизни». В конце концов разве нешелся в стране хоть один человек, который сказал бы, что огромное бедствие, изображенное в талантливейшем фильме «Покаяние», — это их, грузин, зло? Нет. Мы говорим: это наше, общее зло.

Но почему же в таком случае обиделся В. Каджая? Вот уж никак не хочется верить, что его обида служит попыткой выстроить из якобы оскорбленного чувства национальной гордости забор, за которым можно было бы сохранить неприкосновенную зону, свободную от критики. Тем более что в корреспонденции В. Каджая конструктивного гораздо больше, чем ошибочного.

Я вижу в В. Каджая единомышленника в стремлении крепить дружбу народов не взаимными дифирамбами и лестью, а точным и глубоким знанием и трезвой оценкой национальных особенностей друг друга. Я вижу его своим сторонником в готовности искоренить негативные явления, где бы они ни оказывались вскрытыми — в Центральной России, в Казахстане или в Аджарии.

Да и не можем не быть мы нераздельными союзниками, потому что оба следуем указанию Владимира Ильича Ленина. На вопрос, как завоевать национальное доверие, Ленин отвечал: «Лучшее средство к тому — совместная работа по отставанию диктатуры пролетариата и Советской власти...», далее: «Неуступчивы и непримиримы мы все, и великорусские, и украинские, и какой угодно другой нации коммунисты, должны быть по отношению к основным, коренным, одинаковым для всех наций вопросам пролетарской борьбы...»

ИЩЕМ ВЕТРА В ПОЛЕ...

СПОТЫКАЛСЯ ВЗГЛЯД НА ГОРСТКЕ
ДОМОВ ПООДАЛЬ
ОТ БУЖАРОВСКОЙ ДОРОГИ.
НЕДОСТАВАЛО КАКОЙ-ТО
ПРИВЫЧНОЙ ДЛЯ ЛЮБОЙ ДЕРЕВНИ
ЧЕРТЫ. ДАЖЕ ТАКОЙ УГАСАЮЩЕЙ,
КАК АНАНОВО,
ПОХОЖЕЙ СКОРЕЕ НА ХУТОР.
СТАРЫЕ КРОНЫ НАД КРЫШАМИ,
РАЗБЕЗЖЕННЫЙ ПРОСЕЛОК
В ГОРКУ, СТОЛБЫ.
НА НИХ ПРОВИСШАЯ РАДИОЛИНИЯ.
А ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ГДЕ!

Борис РЯЗАНЦЕВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»

С. В. Владимиров
и И. А. Бабинцев
за подготовкой
лопасти
ветряка
к испытаниям.

Мы уже и не представляем села без ЛЭП. Тем более в ближнем Подмосковье. Впрочем, на такой случай имеется безжалостный бюрократический термин — неперспективный населенный пункт.

— Я родился и прожил тут всю жизнь, — рассказывает местный житель Александр Григорьевич Блинов. — За исключением тех лет, когда с оружием в руках бил врага. А когда вернулся, вместо двадцати двух домов нашел только четыре...

Еще до беседы с Блиновым успели разглядеть над каждой крышей ветрячок, похожий на детский флюгер-переросток. А на окраине — фабричного изготовления ветроагрегат с шестиметровым размахом лопастей. Его энергии, оказалось, вполне хватает и для освещения, и для обогрева. Установили машину в подмосковной деревне Ананово специалисты Истринского научно-производственного объединения «Ветроэн», полигон которого находится в двух десятках километров.

Именно там и научили азам ветроэнергетики жителей деревушки. Дирекция совхоза имени Фрунзе заказала в «Ветроэне» водоупойный пункт. Неподалеку от Ананова выпасные лу-

га, а воды маловато. Есть пруд, да круты берега: коровы у воды без воды. Вот и поставили возле четыре «мини-ромашки». В деревне Кашино два крылатых агрегата «черпают» воду из колодцев. Вид, прямо скажем, непривычный — крылатый насос вместо ведра над срубом. Но, судя по разным моделям, машины даже украшают пейзаж, как когда-то силуэты мельничных махов... И дело тут не в тоске по старине. А в недавнем и хорошо забытом: в 1931 году в СССР насчитывалось 830 тысяч ветряков!

А потом ветряки быстро сложили крылья. За ненадобностью? Поднималась промышленность, росла добыча топлива, развивалась гидроэнергетика. В буднях великих строек как-то забыли об использовании силы ветра, и вспоминается в связи с этим реплика бывалого гидростроителя на плотине Вилуя: «Когда мы приходим, рыба в реках есть, уходим — исчезает...»

Миллионы лет природа копила нефть, уголь, газ, торф, сланцы. Люди за полтора столетия сожгли значительную часть мировых запасов. А «костер» разгорается все сильнее. В высоких слоях атмосферы над городами образовалась пленка углекислоты, пропускающая прямые солнечные лучи, а отраженные — нет. Возник

парниковый эффект. Появляются аномалии в климате: скачки атмосферного давления, непредвиденные и непредсказуемые циклоны. Словом, «полгода плохая погода, полгода совсем никуда...».

Да и элементарно жалё полезных ископаемых, которые пускаем на ветер. Который к тому же не улавливается. Казалось бы, давно пора задуматься об использовании бесплатного источника тепла и света. Но и те исследования, что продолжались по инерции, все больше сворачивались. И это невероятным образом сочетается с высоким авторитетом отечественных достижений в аэродинамике, в ветроэнергетике, у начала которых стоял отец русской авиации Н. Е. Жуковский.

Модели на истринском полигоне разнообразны внешне и по «специальности» — водоподъемные, электрические, универсальные. Некоторые — в серии. И встретить их можно в самых различных точках страны: в Нечерноземье, Казахстане, Туркмени, Узбекистане, Белоруссии, Молдавии. Тридцать ветроэлектрических агрегатов призваны погасить топки котельных и заглушить дизели на Сааремаа, чтобы уберечь уникальную природу острова от вредных воздействий.

ВЭУ согревают жилища, зажигают голубой экран в юртах, откачивают воду из котлованов и шахт.

Кстати, а во сколько обходится ветер?

— В тысячу рублей, — без задержки отреагировал на шутку заведующий лабораторией Б. Д. Сукасян. — Если он мощностью в один киловатт. А это гораздо дешевле той энергии, которую получают, к примеру, на ГЭС, при проектировании которых не учитываются предшествующие и последующие затраты на строительство ЛЭП, кабельных сетей и многое другое.

«Запасы» ветра в СССР превышают установленную мощность всех действующих электростанций. Если использовать только десятую часть потенциала при условии, что установки станут действовать только треть года (бывает ведь и штиль), то они произведут почти вдвое больше энергии, чем все станции страны в нынешнем году.

В чем же дело? Почему же нет в достаточном количестве этих экологически безвредных установок, испытанных в самых жестких условиях: в песчаных бурях монгольской Гоби и при постоянных ураганах Антарктиды?

Чтобы ответить на вопрос, нужно вернуться в 1975 год, когда при Минводхозе СССР было образовано НПО «Ветроэн». Немалую часть времени учреждение конструировало и проектировало ветровую технику на «архив». Или, как еще говорят, для «мышей». Коим, в общем, безразлично, какой чертеж грызть — хороший или плохой. Последние, увы, преобладали. Прежде всего потому, что любой коллектив разлагается от нетребовательности и никчемного бытия...

Впрочем, данный коллектив мог сослаться и на то, что за более чем десятилетний срок существования ему было выделено на работу около 20 миллионов рублей. Тогда как ежегодные ассигнования в США на те же цели составляют более 20 миллионов долларов. Сравнение явно не в нашу пользу.

Но не обошел ветер перемен и «Ветроэн» — перестройка вызвала к жизни творчество и активность. И, наконец, конструкторы и проектировщики получили стабильную производственную базу — несколько предприятий, которые будут выпускать ВЭУ. Намечена солидная программа.

— Однако проблем немало, — заявил генеральный директор НПО «Ветроэн» Н. В. Свиридов. — Они прежде всего в снабжении материалами. Хорошо помню разговор с коллегами из Франции, которые используют для изготовления лопастей «прекрасную архангельскую сосну». Они еще удивлялись нашим трудностям. Видели бы, что поставляют нам! Самый низкосортный, сырой материал, который и в печку не годится. Куда уж до лопастей, кои должны быть уравновешены до грамма, чтобы избежать вибрации. Масса хлопот с комплектующими. Изготовить генератор мы просто не в состоянии — не та база. А готовые нам не всегда подходят. Капризничать же в нашем положении нельзя. Бери, что дают. Мы сами конструируем, проектируем, изготавливаем, проводим изыскания, монтируем, наблюдаем и ремонтируем...

— У вас есть мечта?

— Дожить до 1993 года и увидеть, что наша программа реализована. И еще... Впрочем, такое несбыточно...

Можно догадаться, о чем подумал генеральный директор. Скорее всего о комитете возобновляемой энергии — есть такие во многих европейских государствах. Комитеты объединяют организации, использующие солнечную, приливную, тепловую и ветровую энергию. В них без помех работают специалисты, способные поймать солнечное тепло и отыскать ветер в поле.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ПАССАЖИРОМ?

КОГДА ВЫ СПЕШИТЕ,
ТО ВМЕСТЕ С ВАМИ ТОРОПИТСЯ,
КАЖЕТСЯ, ВСЯ МОСКВА.
НЕ ТАК ЛИ?
— ТАКСИ! — ПОДНИМАЕТСЯ РУКА.
«ЗЕЛЕНый ОГОНЕК»
МЧИТСЯ ПОЧЕМУ-ТО МИМО.
ХОТЯ ЗДЕСЬ, НА ПЕТРОВКЕ,
ОБОЗНАЧЕНА СТОЯНКА.
НАКРАПЫВАЕТ ОСЕННИЙ ДОЖДЬ,
БЕСКОНЕЧНЫЙ И ХОЛОДНЫЙ,
А МЫ ВСЕ СТОИМ
В ОЖИДАНИИ ЧУДА.
ЛАДНО, ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО СЕГОДНЯ,
А ТО ВЕДЬ НЕ ПОЙМАТЬ
ЖАР-ПТИЦУ И В СОЛНЦЕ,
И В ЯСНОЕ НЕБО.
НЕТ МАШИН, И ВСЕ ТУТ...

НАЧАЛЬНИК
УПРАВЛЕНИЯ
МОСАВТОЛЕГТРАНСА
В. И. МОРЗИНОВ
УТВЕРЖДАЕТ:
— ТАКСИ В ГОРОДЕ
ХВАТАЕТ...
ПЛАН ВЫПОЛНЯЕМ...

Нет, ошибаетесь, 14 с половиной тысяч легковых такси для Москвы — достаточно, даже избыток, — говорит нам начальник Управления Мосавтолегтранса Владимир Иванович Морзинов, на встречу с которым мы опоздали: «мотор» поймали не сразу. — По количеству такси на тысячу человек мы приближаемся к европейским столицам.

— Тогда в чем же дело?

— Радиофицированных машин мало. Только девять процентов, значит, всего 1200. Вот тут Москва, к сожалению, отсталый город. Каким должно быть идеальное обслуживание? Набрал номер — и через несколько минут машина. Мы же можем принять ежедневно только десять тысяч заказов. Капля в море для многомиллионного города. Звонят мне, предлагают услуги зарубежные фирмы — готовы в три дня радиофицировать. Но задача эта возложена на союзное Министерство промышленности средств связи и на Минсвязь СССР...

Неожиданный поворот. Мы-то считали, что среди прочих бед главная — парк слабоват, машин не хватает, а во всем, оказывается, виновата бортовая связь. Вернее, ее отсутствие. Ошиблись, значит...

— Давайте отвезем вас в любой таксопарк, везде одинаково, — предложил Морзинов.

В 13-м таксопарке на площадке, где машины проходят очередное техобслуживание, мы увидели человека, который пребывал в состоянии душевного волнения. Знакомимся: Виктор Петрович Артеменко, водитель с 40-летним стажем, здесь работает восьмой год. Смекаем, что попали под горячую руку.

— Машин, говорите, достаточно? А какие они, знаете? Посмотрите. — И он обошел вокруг выдавшей виды «Волги». — Не-ис-прав-ны-е... Пришел сегодня в парк к восьми. До двух ремонтировался, вышел в рейс и через два часа вернулся. Пустой, без выручки, еще, слава богу, без происшествий. И так несколько дней подряд. Кому нужно это новое правило — ремонт без присутствия водителя? В зону ТО-2 ворота на замке. Ремонт могут делать и час, и два, и три. Я жду, время идет, за него мне, естественно, не платят. Нервничаю... Наконец выезжаю — и поломка.

Голос Виктора Петровича набрал

силу и уже, казалось, гремел на весь таксопарк, привлекая других водителей.

— В любое время суток дай план. Нервные нагрузки наши сравнивают с нагрузками летчиков. Но не думаю, что летчик бежит за запчастями, как я. Нет даже копеечных позиций, тормозных манжет, к примеру, гидравлических усилителей, клапанчиков, рычажков. Сотрудники ГАИ стоят на воротах, проверяют, в каком техническом состоянии выходит машина. Так вот, мы, водители, у которых резина «лысая» и машина годится только на списание, прячемся, выжидая, когда «гаишники» уйдут. Вернулись из рей-

са — надо самому помыть двигатель, прежде чем отогнать машину на мойку. Делаем это во дворе, из единственного шланга, из которого в разные стороны брызжет вода. И еще о плане. Как мы его выполняем? Конечно же, за счет скорости, нарушаем среднюю. Отсюда «дырки» в талонах, аварии, штрафы. Как говорится, кому пышки, а кому шишки... И последнее, что хочу сказать. Если в стране идет перестройка, то в нашем парке ее нет. О гласности какая речь? Молодежь боится, а мы, старики, во всяком случае, большинство из нас, смотрим, куда повернет. Было у нас собрание в конце апреля с пред-

ставителями райкома партии и нашей администрации, я выступил с критикой. Жалобу написали, сорок водителей поставили подпись. Разбирали в Мосавтолегтрансе, а толк?

Соглашаемся, что причин и поводов для тревог у водителей предостаточно. Но когда стоишь на улице и ждешь, а такси нет и нет, и вдруг зеленый глазок покажется, но не остановится, а если и посадит, то по дороге постарается прихватить еще двоих и закружит окольным путем — ситуация, знакомая каждому, особенно приезжим, — возникнет ли у нас, пассажиров, сочувствие и доверие к таксистам? И хотя, как нам сказали в Мосавтолегтрансе, количество жалоб на работу водителей уменьшилось на 23 процента, мы убеждены, что рано

еще говорить о перестройке в системе этой службы. Наш фоторепортаж свидетельствует именно об этом.

...Мы уходили из таксопарка, вникнув в трудности его директора, главного инженера, водителей, в ситуацию, «когда мы не виноваты, они не виноваты» и при этом план перевыполняется, а такси все равно поймать невозможно. Мы уходили, так и не получив ответа, от кого зависит, чтобы так необходимая всем нам служба работала бесперебойно. Одно поняли: сегодня водителю такси работать трудно.

Но легко ли быть пассажиром?

**Зоя ЗОЛотова,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)**

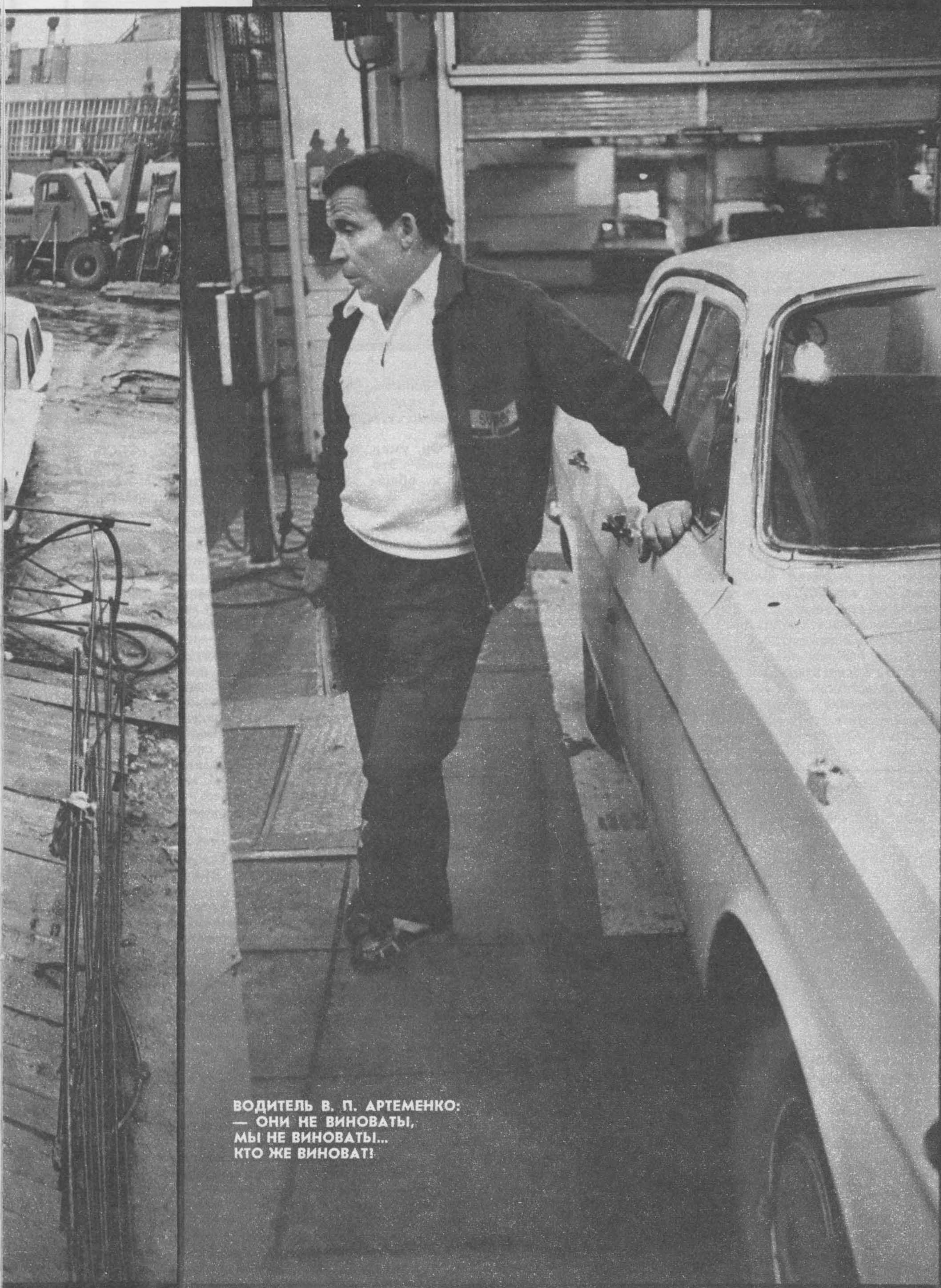
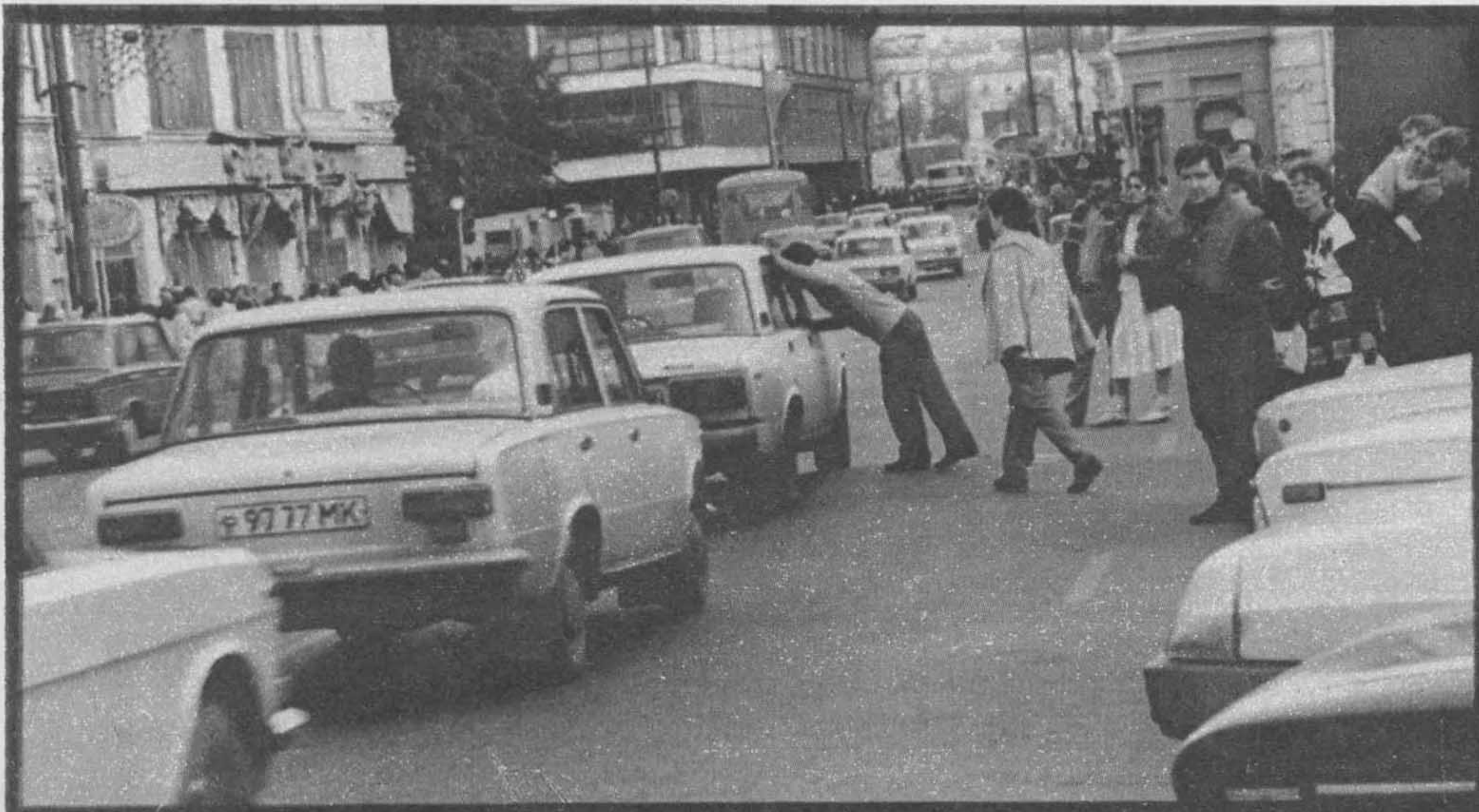

**ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР
13-ГО ТАКСОПАРКА
В. А. МАЛАЕВ И
НАЧАЛЬНИК ТЕХОТДЕЛА
А. С. ГУМИЛЕВСКИЙ:
— ЗАПЧАСТЕЙ НУЖНЫХ НЕТ.
ВОТ И ПРОСТАИВАЕМ...**

«ЛЕВЫЙ» ТОВАР...

И «ЛЕВЫЙ» ТРАНСПОРТ.

ВОДИТЕЛЬ В. П. АРТЕМЕНКО:
— ОНИ НЕ ВИНОВАТЫ,
МЫ НЕ ВИНОВАТЫ...
КТО ЖЕ ВИНОВАТ!

СЛОВО
ЧИТА-
ТЕЛЯ

Воронеж, 6 июля 1987 года

Уважаемый Василий Поликарпов!
Со смешанным чувством боли и радости прочитал Вашу статью о Ф. Ф. Раскольникове в журнале «Огонек» № 26. С болью потому, что очень и очень жаль целую плеяду большевиков-ленинцев, чьи жизни были насильно погашены. Грустно, что за имя Раскольникова до сих пор продолжается борьба...

Радостное чувство от статьи потому, что она безжалостна к тем, кто не жалел народа, его полководцев, потому, что правда о соратниках Ленина — это и есть Справедливость. Иных маяков у нас нет, только ОНИ.

Посылаю Вам перепечатку статьи из таллинской русской газеты «Вести дня» с воспоминаниями русского поэта Игоря Северянина (1887—1941), который жил в эстонском рыбацком поселке Тойла с 1918 по 1936 год. Отрезанный от Родины, Северянин никогда не переставал чувствовать себя русским поэтом, отрицал, что он беженец, эмигрант. Тойла была давнишним местом отдыха поэта, и отъезд его на дачу — отнюдь не эмиграция. Это утверждали и те, кто выступал на 100-летию со дня рождения поэта в эту весну в Таллине. Впервые.

Думаю, что воспоминания о Раскольникове были написаны как своеобразный отклик на открытое заявление Раскольникова, опубликованное за границей (22 июля), после того, как 20 июля его объявили «вне закона». Разносторонний талант Раскольникова, его обаяние не могли не оставить следа в памяти Северянина, не могло оставить его равнодушным и письмо к Сталину.

Воспоминания, казалось бы, нейтральные, но за краткими строчками все же видится образ высококультурного, литературно образованного, тонкого психолога. И это краткое Раскольникова: «ЛИРИКА ВСЕГДА И ВЕЗДЕ НУЖНА»... Это ведь и оценка творчества Северянина. Через 12 дней после этой публикации Федор Федорович умер. Легко представить, что ощущал в это время Северянин. Он жил в предчувствии грозных событий, войны, удивлялся людской безмятежности, покою. На этом фоне смерть родственной души была наверняка для него нелегка.

Я обнаружил воспоминания Северянина в начале 70-х годов. Ткнулся с ними в печать. Бесполезно.

Потом вспомнил, что в 60-е годы была организована комиссия по сбору литературного наследия Ф. Ф., послал в «Литгазету». Молчание. Потом послал в Союз писателей с просьбой отдать в эту комиссию. Москва промолчала.

Послал еще раз с просьбой вручить исследователям его жизни и творчества, просил дать адрес жены, или дочери, или родственников Раскольникова. Люди молчали.

Случайно в 1979 году, перечитывая «Отблеск костра» Юрия Трифонова, я вспомнил, что его отец, павший жертвой сталинского террора, в 1918 году мог встречаться с командующим тогда Волжской военной флотилией Раскольниковым. Думал я, что Трифонов поможет мне адресом тех, кто заинтересован в посмертной судьбе Ф. Ф.

Ответ пришел молниеносно. Но он был вовсе не таким, какого ожидал я. Во-первых, он был искренним, как и то, что писал Трифонов. Искренность в те времена (да еще в переписке с незнакомцем) — дело редкое.

«Уважаемый Сергей Санин!

По сути Вашего письма могу сообщить следующее: имя Ф. Ф. Раскольникова, к сожалению, пока еще повсюду вымарывается, так что ни о каком сборнике воспоминаний о нем пока нечего и думать.

Но, я надеюсь, это глупое издевательство над историей должно когда-либо прекратиться.

Поэтому берегите материалы о Раскольникове! Они Вам пригодятся.

О родственниках Р. мне ничего не известно.

То, что было объявлено в 1963, давно похерено. Но впереди ведь годы 80-е!! Утешение, не правда ли?

С приветом!

Юрий ТРИФОНОВ

Р. С. Спасибо за Ваши заметки в газетах. Прочел их с интересом.

Северянин, конечно, — недооцененный поэт!»

Отослал я ему несколько своих заметок о Северянине. «Оботвечил» (северянинское слово) он и их.

Суть письма была для меня неожиданна. Я кинулся в библиотеки. Неужели имя «вымарывается»? Да я проспал эти книги. Я жил тем, что было напечатано о Раскольникове после XX съезда партии.

Трифонов провидел сегодняшнее время, время, когда «прекратится глупое издевательство над историей». «ВПЕРЕДИ ВЕДЬ ГОДЫ 80-е!!» И он оказался прав. Во всяком случае, в отношении Раскольникова. Прав и в отношении Северянина. Его мнение подтвердили торжества в честь 100-летия поэта.

Сергей САНИН

ВИЗИТ ПОЛПРЕДА

Лето 1930 г. в Тойле. Солнечный полдень. Жена с знакомой барышней, гостящей у нас, гуляет в парке. Не любя солнца и жары, сижу дома в одиночестве, перечитывая Лескова. На закате собираюсь по обыкновенному ловить рыбу. Окна нашей квартиры выходят в сад. У калитки (слышу, но не вижу) останавливается автомобиль. Скрипит калитка. Шаги по дорожке. В дверях — они распахнуты — высокого роста блондин в сером костюме.

— Разрешите войти?

— Пожалуйста.

Представляется. Известный эстонский государственный и общественный деятель.

— Я, собственно, не по своей инициативе. В автомобиле мой приятель полпред Раскольников с женой. Мы едем из Таллина в Нарва-Йезу. По дороге заехали к вам: они хотят с вами познакомиться. Но вы — эмигрант или беженец, я не знаю. Поэтому разрешите узнать: как вы смотрите на это знакомство? Удобно ли оно для вас?

— Прежде всего я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник. С 1918 г. В 1921 г. принял эстонское гражданство. Всегда был вне политики. Рад каждому, кто рад мне. Передайте, прошу вас.

Спутник полпреда направился к автомобилю. Я остался ждать. Скоро все трое приблизились к крыльцу. Очень элегантная и миловидная молодая женщина с улыбкой, давшей мне понять, что творчество мое было ей знакомо и ранее сегодняшнего дня, протянула мне руку. Улыбкой такого же порядка приветствовал меня и ее муж. Сели.

— Не могли себе отказать в удовольствии заехать к вам.

— В таком случае могли бы зайти ко мне без предупреждения, — рассмехался я.

— Бедный поэт! Воображаю, как вы разочарованы в современных женщинах. Читала в «Сегодня» ваше «Годами девчонка, а как уже черства»...

— Зато природа не изменяет. Если, конечно, люди от нее подальше, то есть не успели ее испортить.

— Что вы теперь пишете? — спросил Раскольников.

— Большей частью пацифистские стихи.

— А помните свои строки:

Когда отечество в огне,
И нет воды, лей кровь,
как воду?..

— Это написано в августе 1914 г., но уже в сентябре я опомнился и написал:

Ни капли крови и ничьей...

— Ваши ближайшие планы?

— В октябре еду в Югославию и в Болгарию читать стихи, созерцать южную природу.

— А в СССР не хотели бы проехаться?

— Я слишком привык к здешним лесам и озерам...

— Однако же за границу едете?

— Там все новое, неизведанное. Да и что я стал бы читать теперь в России? Там, кажется, лирика не в чести, а политикой я не занимаюсь. У меня даже стихи есть:

Долой политику — сатанье
наваждение!

— Лирика всегда и везде нужна. И в СССР.

Я показал посетителям свой синий кабинетик. Они внимательно разбирали надписи на портретах, подаренных мне некоторыми знаменитостями. Минут через 40 собрались ехать.

— Хотелось бы еще парк и виллу осмотреть. Не прокатитесь ли с нами?

— С удовольствием.

В парке встретили жену со знакомой барышней. Вышли из автомобиля, познакомились. Спустились к Пюхайеги, поднялись на противоположный берег. Машина тихо следовала сзади. Я попросил управляющего дворцом показать все его сорок комнат. Все было очень запущено, но природа понравилась. Гуляя по парку, все время говорили о стихах, музыке, живописи.

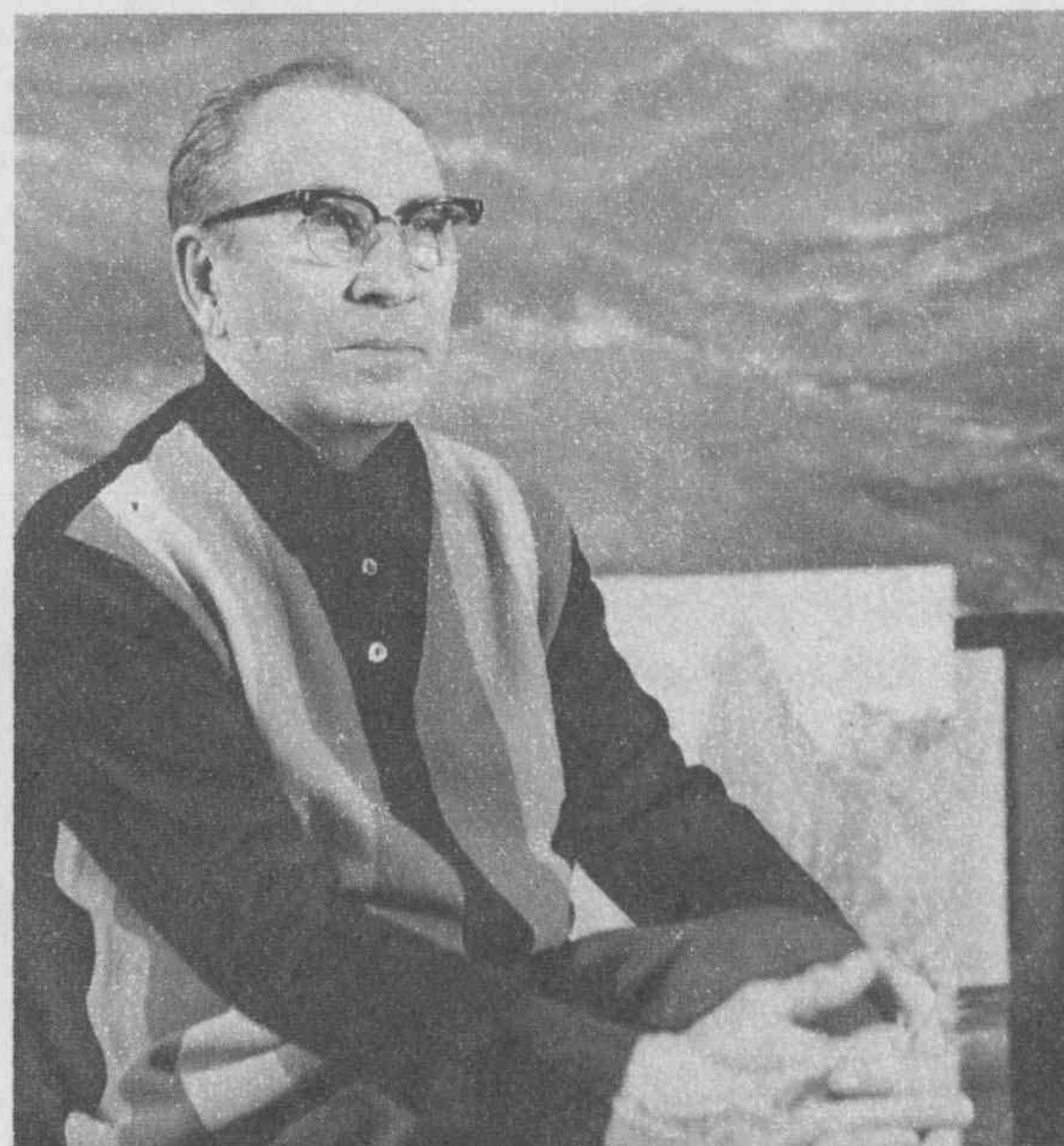
Игорь СЕВЕРЯНИН

(«Вести дня», 1 сентября 1939 г.

Таллин)

ПАЛИТРА

АРХИТЕКТОР ФЛОТА

Ирина ЧЕРКОВСКАЯ

На лицах людей, вспоминающих встречи с художником, непременно появляется улыбка: — О, Титов! Он умел радоваться жизни. Это был открытый и общительный человек.

— Что-то настоящее, талантливое принимал сразу. Очень крупный организатор: благодаря ему мы имеем секцию маринистов.

— А вы знаете, он всю жизнь бегал за штормом, мечтал штормовое море написать. Сядет на корабль, а на море штиль устанавливается. Моряки удивляются: «Вань, здесь всегда в такое время штормит...»

Он умел любить другого человека больше, чем самого себя. Может быть, поэтому его часто называли донкихотом. Такой альтруизм не всегда в почете: чудак-человек, всю жизнь служил другим и делу — и только? Титов, занимая различные общественные должности, постоянно выбивал кому-то заказы, мастерские, выставки. Кто определит цену душевного участия?

Решающие моменты в жизни Ивана Филипповича — Революция и Великая Отечественная война.

В 1921 году по первому комсомольскому призыву он поехал на Балтийский флот из Челябинской области восстанавливать военные корабли «Марат» и легендарную «Аврору». Здесь впервые увидел море. Потом была учеба в Кронштадтской электроминной школе. Участие в гражданской войне, революционная романтика заставили его взяться за карандаш, и здесь его впервые замечают как художника. Перевод в библиотеку при политуправлении флота дал возможность познакомиться с сокровищами Эрмитажа и стать вольнослушателем, а потом и студентом Академии художеств. Художники молодой Советской республики искали новые средства выражения новой жизни. Расценив живопись как старомодное явление, ученик Петрова-Водкина выбирает графику, полиграфическое производство, за которым стоят массовый тираж, острые темы. «Долой чистое искусство», «От картины к ситцу», «Искусство в массы» — их

поколение реально претворяло эти лозунги в жизнь.

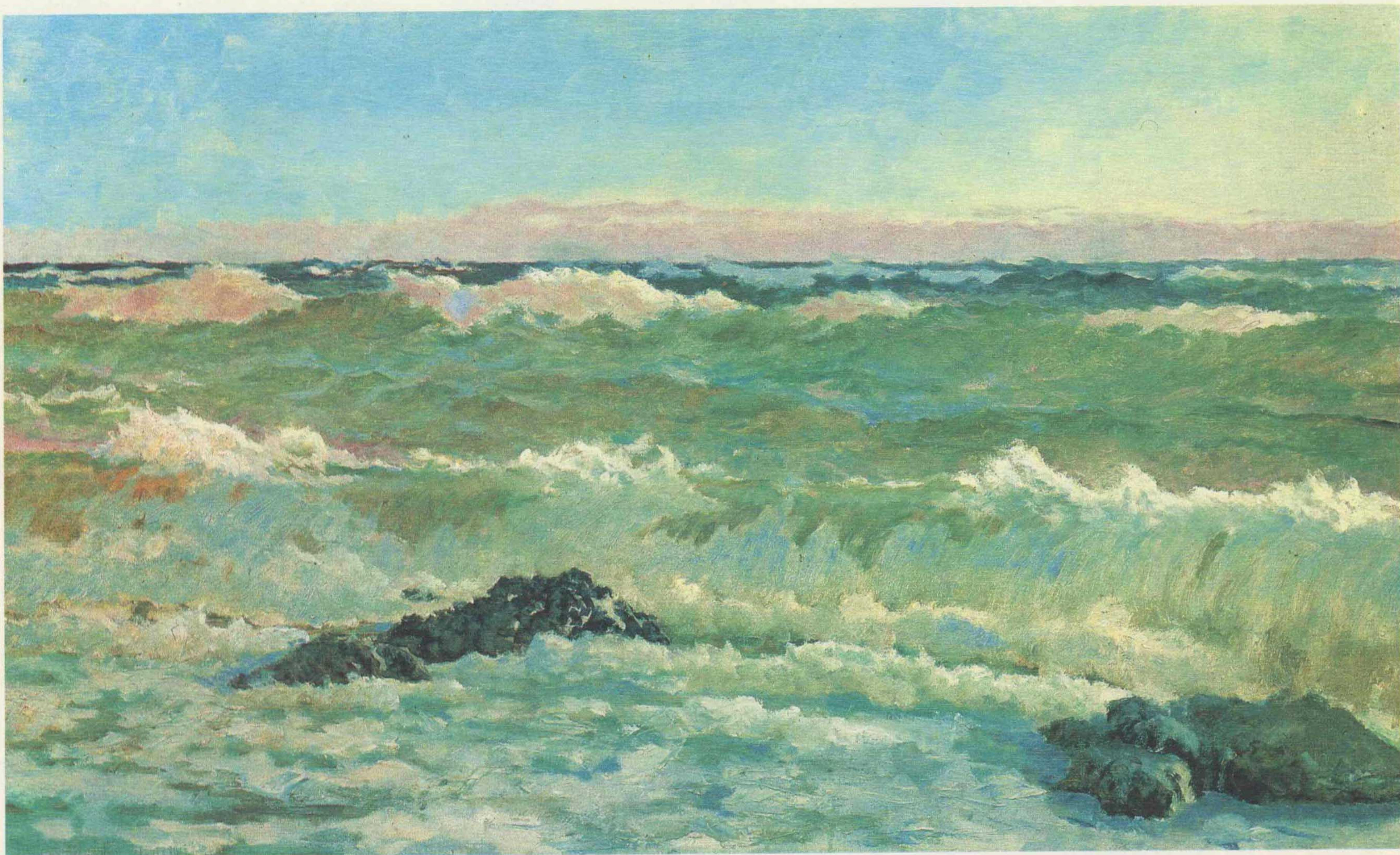
Великая Отечественная война застала его в Москве, на посту ответственного секретаря СХ СССР. С группой художников Титов мчится на Балтийский флот. Стране в это суровое время нужны были солдаты, и в звании батальонного комиссара его направили на линкор «Октябрьская революция». 25 июля 1941 года появляется первая запись в дневнике: «Война... Мы на флоте. Нас четверо. Всех расписали в разные места... Знакомлюсь с людьми на корабле».

Сначала в дневнике идут спокойные и обстоятельные записи: выпуск сатирических листов («правда, я не карикатурист, а делать надо — видишь в этом необходимость и требование краснофлотцев»), лубки на военные темы, рисунки в корабельную многотиражку для рубрики «Трассирующим снарядом». Потом интонации дневника становятся взволнованней: «1 августа 1941 года, Кронштадт: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда; здесь страх не должен подавать совета» (Данте, песнь 3). Так ответил краснофлотец на вопрос: «Не боитесь?» Хорошо ответил, к месту. Это было перед боем».

1 января 1942 года Титов запишет: «Читаю Пруста М. Об искусстве он пишет: «Иметь высокий вкус...» Но к этому надо добавить существенное добавление или поправку.

Помимо вкуса и умения сделать и обобщить, надо еще, и это главное, пережить действительное событие или вжиться в него, почувствовать его, ощутить его реальность. Надо в событиях найти главное, обогащающее — обогатить художественно-творческим элементом... Вот я на флоте. Не переживая, я сидел в Москве, делал морские вещи — скучные, приблизительные — неубедительные. Пережив кусок войны на флоте, я увидел, что все сделанное мной плохо и не то, что нужно. Получится ли теперь?»

Иногда во время налетов немецкой авиации Титов не успевал (или не хотел) добраться до корабельного укрытия, прятался где-нибудь и зарисовывал застывших людей, снопы во-

И. Ф. ТИТОВ.
1902—1983.
МОРЕ
ПОД СОЛНЦЕМ.
1979—1980.

ды от разорвавшихся снарядов, самолеты.

К этому времени линкор «Октябрьская революция» стоял у причала Балтийского завода и вместе с остальными кораблями держал оборону Ленинграда. И. Ф. Титов запишет: «Народ на корабле держится неплохо, хотя есть случаи обмороков, частых заболеваний, отеков ног, слабости от недоедания — хлеба мало и очень уж плох... Ходить трудно — слабость. Кто бы ни зашел — первый разговор о еде. Квелье все стали».

Линкор стал для художника символом черных, трудных будней войны.

После войны художник вернулся к общественной деятельности. Морские пейзажи этого периода статичны и написаны аккуратными мазками. Он один из немногих рисовал море углем, карандашом. Почему? Может, хотел почувствовать воду буквально кончиком пальца (ведь уголь часто растирают на бумаге), а может, новое психологическое восприятие моря подсказывало ему искать нетрадиционные средства его изображения?

Признание И. Ф. Титова как художника-мариниста началось с персональной выставки, состоявшейся в 1953 году. Тогда один из известных мастеров, пожимая ему руку, произнес: «Я думал, Вань, что ты партийный работник, а ты, оказывается, художник!» На выставке было много морских офицеров. Они были и остаются самыми благодарными зрителями. «Архитектор флота» — так шутливо называли Титова моряки, потому что на его полотнах оставались жить суда, давно износившиеся в жизни.

Но свой талант Титов продолжал считать сугубо личным делом. Старый большевик, он по-прежнему основное свое время отдавал обще-

В МАСТЕРСКОЙ
ХУДОЖНИКА.
1935.

НАТЮРМОРТ НАД МОРЕМ.
1974.

ственной работе. Последнее свое дело — председателя Центральной ревизионной комиссии Союза художников СССР — он вел двадцать лет и, как уже привык, безвозмездно.

В оставшемся после него архиве — папки с заметками о мастерстве, о творческом методе, о социалистическом реализме, воспоминания о Рылове и Тырсе, Радлове и Крымове, письма от Конашевича, Самохвалова, Пакулина и многих других художников. Его волновали проблемы становления молодежи, пути развития станковой картины и причины падения техники живописи. Он не раз выступал об этом и публично, и в печати. Сам Иван Филиппович писал подолгу, «нянчил» живопись: подмале-

вок, первый красочный слой, лессировки, второй красочный слой. Долгое время лакокрасочные заводы присылали ему краски для экспертизы, как специалисту по технологии живописных работ.

Некоторое время Титов работал главным художником журнала «Огонек». И попутно организовывал самые разнообразные выставки.

Один из старых друзей назвал Ивана Филипповича «цельным и нерастрепанным человеком». Значит, не было внутреннего противоречия между организатором и художником? Не было, потому что, защищая какого-нибудь человека, он защищал права того художника, который жил и в нем самом.

ПЕЧКИ и «ЛАВОЧКА»

ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ МАСЛОВ —
ЧЕЛОВЕК ИЗОБРЕТАТЕЛЬНЫЙ И
АЗАРТНЫЙ.
ЗА ЧТО БЫ НИ БРАЛСЯ,
ВСЕ У НЕГО ПОЛУЧАЛОСЬ.
А ИДЕИ У НЕГО РОЖДАЛИСЬ
САМЫЕ НЕОЖИДАННЫЕ.
ПРИДУМАЛ ВДРУГ НОВЫЙ
СПОСОБ ВЫРАЩИВАТЬ ПОМИДОРЫ,
ДА ТАКОЙ, ЧТО УРОЖАЙНОСТЬ
С ОДНОГО КУСТА ПОДНЯЛАСЬ
В НЕСКОЛЬКО РАЗ ВЫШЕ ОБЫЧНОЙ.
СКОНСТРУИРОВАЛ
СОКОВЫЖИМАЛКУ,
ПОРАЗИВШУЮ ВСЕХ НЕБЫВАЛОЙ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬЮ.
ЗАДУМАЛ СНЯТЬ ФИЛЬМ — И ОН
У НЕГО ПОЛУЧИЛСЯ —
«ЗЕМНЫЕ ТРОПЫ»
КОСМОНАВТА ВОЛКОВА»...

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Игорь Михайлович ни ВГИКа, ни сельскохозяйственного института не кончал. До выхода на пенсию работал инженером. В своем деле был мастером, не случайно хранит он множество фотографий с дарственными надписями от людей, которые по достоинству оценивали его ум и талант. Среди них Юрий Гагарин, академик Янгель и многие видные наши военачальники. Но всенародную известность принесли Игорю Михайловичу именно многочисленные «бытовые» изобретения. О Маслове писали в газетах, выступал он по телевидению. К нему идет несметный поток писем, сотни тысяч. На конвертах пишут просто: «Калининград Московской области, Маслову», из-за рубежа адресуют еще короче: «СССР, Маслову». И все доходит. Но не стану повторять известного. Я лишь об одном изобретении, судьба которого печальна и поучительна. Я — о печке.

Дело в том, что Игорь Михайлович создал необыкновенную печку. Он придумывал ее лет двадцать, может быть, потому она универсальна и хороша.

Печка — клад для путешествующих людей. 23 мая 1983 года миллионы телезрителей в этом убедились: она коптила рыбу, жарила шашлыки, варила уху, пекла пироги и яблоки, а батон совершенно черствого хлеба освежила до первозданного состояния. Надо сказать, что многие таланты печки остались за кадром, но зрители поверили Маслову. Ко всему прочему печка оказалась невероятно экономичной — требует лишь чуть-чуть сусняка (и никакого практически дыма), при этом она совсем не боится ветра.

Многочисленная аудитория откликнулась сразу после передачи: хотим такую же! «Сегодня по поселку столько разговоров, сколько было во время чемпионата мира по футболу. Л. Грибук, Магаданская область». «Вы один из тех талантливых людей, которые составляют цвет и мозг русского народа, — это наши кулибины, наши самородки. Е. М. Копыл из Саратова». «Благодарим судьбу за то, что есть в нашей стране такие быстрые умы, добрые души и умелые на все руки люди, как вы. Разносторонняя деятельность одного такого человека порой стоит деятельности целого научного института. От коллектива врачей — О. А. Журавлева, Коми АССР». «Обидно, когда приходится узнавать невероятное о Японии, а о своем мало знаешь. Разумеется, мы очень богаты, но когда по несколько месяцев краду горит, не унимаясь, тайга, то невольно вспоминаешь Маслова с его «чудо-

печкой». Писатель-фронтовик Л. А. Кукуев, Иркутск». «По роду работы были все лето на острове Врангеля, где мы ведем наблюдения за овцебыками. По вашим чертежам сделал «чудо-печку» и пользовался ею в экспедиции. Печка полностью соответствует своему названию. Огромное вам спасибо. А. И. Григорьев, г. Ола». «Наша страна животноводческая. Скотоводы непрерывно кочуют. Нам нужна именно такая печка и в больших количествах. Если производство еще не налажено из-за отсутствия заказчиков, то наша страна будет заказчиком. Представитель МНР при Секретариате СЭВ Пуревнадзака».

Рабочие чертежи на печку опубликовали многие журналы, в том числе и зарубежные. Как одно из наших достижений печка демонстрировалась на ВДНХ СССР. Ее фотографию опубликовал в № 35 за 1984 год журнал «Огонек», справедливо полагая, что это будет один из образцовых товаров народного потребления. Однако здесь история об успехах замечательной печки кончается, потому что далее начинается история «о лавочке».

Вот что написал А. Игнатьев из г. Талнах Красноярского края:

«Хорошо помню ту телепередачу «Это вы можете», которая на все лады расхваливала так называемую «чудо-печку». Но вот возвращаясь я из отпуска и оказался проездом в Москве. Эту печку увидел в магазине «Зенит», обрадовался своему везению и купил. На багаж не хватало рук, но летел домой с радостью: интересную вещь везу, есть что друзьям показать. А вместо радости смех вышел. Никудышная эта печка: дымит, сама себя гасит. По паспорту она называется «Дымком» и полностью оправдывает свое название. Знаю, многие хотят приобрести такую печку, потому и пишу вам в журнал: не советуйте никому покупать ее».

Что же произошло с нашей печкой? Приведу выдержки еще из одного письма. Его прислал И. М. Маслову директор машиностроительного завода (город Вятские Поляны Кировской области, Ф. И. Трещев).

«...Сообщаю, что по разработанным вами чертежам завод приступил к изготовлению опытных образцов «чудо-печки». Будем надеяться, что в скором времени мы увидим ее на прилавках наших магазинов... Выражаю вам искреннюю благодарность за проявленную заботу о людях, за постоянный поиск и от всей души благодарю за вашу доброту и щедрость, которые мы увидели не только с экрана телевизора».

Завод действительно изготовил опытную партию по чертежам, полученным из рук Игоря Михайловича, и отправил образцы на Всесоюзную оптовую ярмарку 1984 года, после которой руководители завода явились к Маслову и привезли ему в подарок выставочный образец: «Ваш!» Вспомнили про пастухов, полярников, геологов, охотников, лесников и туристов, всех, кто ждет не дожидается чудесного подарка. И, чтоб укоротить путь будущим владельцам к обретенной счастливости, попросили Маслова сделать сущий пустяк: подписать авторское согласие на выпуск. Изобретатель, взялся за перо, но тут решил полюбоваться на образец. Снял чехол, глянул и... обомлел.

Изобретатель увидел, что у дымоходной трубы не было теперь того самого колена, которое и предназначал он для отвода дыма от глаз и легких будущих владельцев. Увидел он, что и монолитный прежде корпус составлен из двух частей, стык между которыми не имел никакого уплотнения. А значит, опять копать. Верхняя крышка «Дымка» лежала на корпусе тоже без каких-либо уплотнений, значит, и отсюда повалит дым. Игорь Михайлович тут хитрость специальную изобрел, чтоб этот дефект устранить, измаялся весь и придумал: проделал в крышке лабиринты канавок, в них и застревали горя-

чие газы, прорваться наружу не могли. Еще сделал Маслов дренажное отверстие с регулируемой заслонкой для принудительного выпуска дыма при копчении. Вятскополянские изготовители много подобных тонкостей не поняли. Решили, видимо, что это излишества и блажь.

Думаю, читатель не осудит меня за то, что излишне подробно описываю «уточнения» конструкции Маслова. Потому что передо мной две печки — «та» и «эта».

У «этой», вятскополянской, поддон, мешающий жиру при копчении попадать на опилки, сделан без ножек. И, значит, все сюда стекающее тут же превращается в уголь, а уж про нужный для копчения «ароматизирующий» дым из опилок и мечтать не приходится. Соединение поддона с шампурами выполнено у «этой» печки настолько безграмотно, что коптить или сушить грибы на ней не удастся никому при всем желании. Неудобны и ухваты для извлечения горячих сосудов: чтобы донести их до обеденного стола, требуется ловкость циркового жонглера... Одним словом, Игорь Михайлович Маслов авторского согласия не дал. Сказал, что к утру письменно изложит свои замечания по необходимым доработкам. Но вскоре выяснилось, что ночь без сна провел он напрасно, — печь пошла в производство без его подписи.

В 1985 году печка, получившая хорошую прессу, отправилась в Эрфурт на международную выставку, где и была отмечена Почетной грамотой, а в следующем году получила специальный диплом Лейпцигской ярмарки. Что значит реклама!

«Огонек» попытался пригласить пламя, поднятое вятскополянским изданием, развезать густые «облака дыма», что понеслись над миром. В девятом номере журнала за нынешний год Василий Захарченко сказал несколько слов о надутельстве покупателей: ведь массовое производство «Дымка» продолжается. И что же?

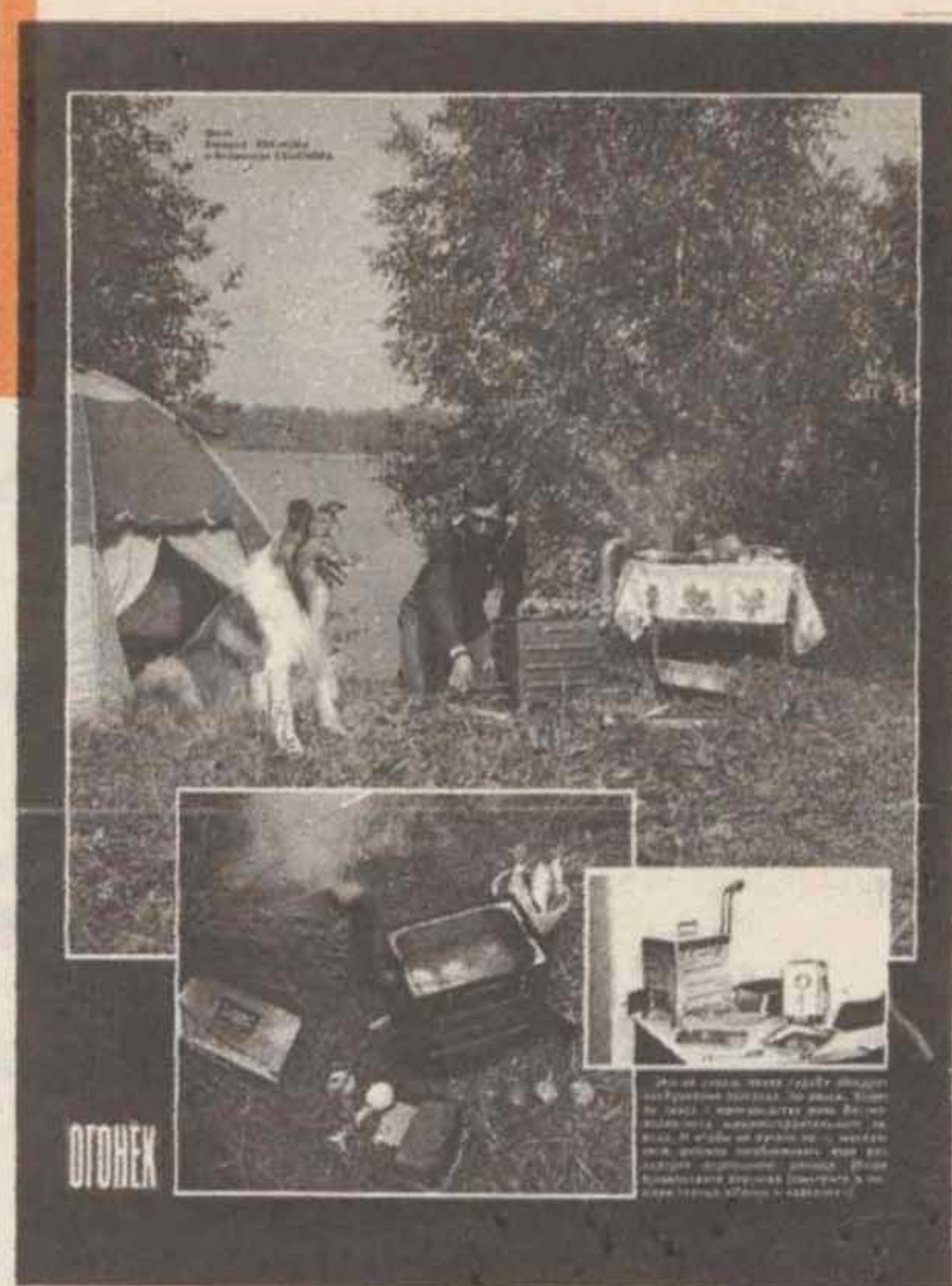
Редакция в результате получила с завода обиженное письмо. Главный конструктор П. В. Федоров, ссылаясь на международное признание своего детища, убеждает нас в том, что изделие, в основу которого заложены идеи Маслова (с этим он согласен), отличается от исходной конструкции в лучшую сторону, превосходит печь Маслова, поскольку в изделии

«учтены предложения, в том числе производственные, с учетом обеспечения массового выпуска и требований головных и базовых организаций к данному типу продукции». Что в конструкции «Дымка» «применены нержавеющая сталь и другие усовершенствования (которых, разумеется, не хватало образцу тов. Маслова И. М.), без которых печка не могла бы получить путевку в жизнь, в том числе и на международную арену».

Что нам ответить товарищу П. В. Федорову? Предлагаем ему приехать в Москву и провести совместно с редакцией и И. М. Масловым сравнительные испытания двух печек, после чего мы с удовольствием послушаем еще раз те доводы, что изложены в письме.

Понять, почему завод принялся изменять конструкцию масловской печи, несложно: изделие стало «своим», а право на славу — монопольным. Но ведь есть же авторское право изобретателя? Как же удалось обойти закон? Ответ прост. У Маслова нет авторского свидетельства на свою многострадальную печку.

Передо мной письмо И. М. Маслову, подписанное заместителем начальника отдела экспертизы изобретений Государственного комитета СССР по делам изобретений и от-

крытий В. Кулагиным от 25 октября 1983 года. Приведу выдержку:

«Техническое решение признается новым, если до даты приоритетной заявки сущность этого или тождественного ему решения не была раскрыта в СССР или за границей для неопределенного круга лиц настолько, что стало возможным его осуществление».

В связи с этим, если вы сейчас подадите заявку на универсальную печь, вам будет отказано в признании его изобретением, поскольку сущность этого технического решения полностью раскрыта в открытых источниках информации».

Заявку на изобретение Игорь Михайлович Маслов подавал еще 21 декабря 1974 года, она и зарегистрирована в Госкомизобретений под номером 2095322 7 января 1975 года, после чего он получил ответ, где сообщалось, что предлагаемая им конструкция не может быть признана изобретением, так как... не представляет практической ценности.

Здесь обычно изобретатель и начинает свою борьбу: подает новую заявку и принимается ходить по инстанциям, доказывая ценность им изобретенного. Но Игорь Михайлович, попросту говоря, силы и время на это пожалел. Он и сейчас на комитет не больно сердит: ладно, не разобрались в свое время, не вникли. Но больно ему сегодня, что гонит завод негодную продукцию, продолжает обманывать людей.

Может быть, завод, изменив конструкцию печи, подал собственную заявку на изобретение?

— В начале нынешнего лета, — рассказал Игорь Михайлович, — представители завода приезжали с предложением о соавторстве. Привезли еще одну печь. Я ее изучил и убедился, что ничего нового в конструкцию не внесено. И отказался. А вот сейчас думаю, зря. Надо бы согласиться на соавторство. При условии, чтобы заявку подали по моим чертежам. Тем, которые были впервые опубликованы в третьем номере журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1975 год.

Талант всегда щедр. Игорь Михайлович согласен сегодня стать одним из пяти соавторов, потому что не славы ищет, а думает об общей пользе.

Но может быть, есть другое решение? Почему бы Государственному комитету СССР по делам изобретений и открытий не рассмотреть сегодня заявку, зарегистрированную 7 января 1975 года под приоритетным номером 2095322? Что скажет по этому поводу председатель комитета Иван Семенович Наяшков?

Мы не знаем, какая судьба ожидает изобретение Маслова. Не знаем, будет ли снята с производства печь вятскополянского завода. И, чтобы не путали ее с масловской, решили опубликовать по просьбе читателей-покупателей портрет подлинного дитя Игоря Михайловича Маслова (смотрите в номере четвертую обложку).

КНЯЖНА МЕЩЕРСКАЯ: ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ...

— Я хочу вас познакомить с человеком
необыкновенной, фантастической судьбы,—
сказала Белла Ахмадулина,—
бывшей княжной.
Увы, бывшей дворничихой...
Она живет рядом. Пойдемте!
Мы вышли на улицу Воровского,
миновали арку.
Узкий дворик — неправильной формы
колодец — упирался
в выщербленную дверь.
Зарешеченные окна.
Ни души.
— Это здесь.
Мы постучались...

Жизнь Екатерины Александровны Мещерской — живой мост, перекинутый из пушкинской эпохи в наше время. Ее отец, князь Александр Мещерский, — трудно, почти невозможно этому поверить! — появился на свет в 1822 году. Он пережил четырех царей и умер при последнем русском самодержце, перед революцией пятого года.

Друживший с Михаилом Лермонтовым, он до последнего дыхания хранил письма великого поэта. Другим великим его другом был Карл Брюллов, и портрет князя, написанный художником, хранится в Русском музее в Киеве. Бюст Мещерского работы талантливейшего Паоло Трубецкого находится в Третьяковской галерее.

Его дядя Петр Мещерский был женат на дочери Карамзина Екатерине. Это ей Пушкин посвятил стихотворение «Акафист».

Он был знаком с И. Тургеневым и Вл. Соллогубом, Ф. Тютчевым и П. Соболевским, П. Плетневым и А. Хомяковым, В. Жуковским и А. Смирновой-Россет.

Родственными узами Мещерские связаны с Вяземскими и с Гончаровыми. С теми самыми... Сначала брат Натальи Николаевны Иван женился на «Лотошинской красавице» — княжне Марии Мещерской (тетке А. Мещерского), а последней владелицей гончаровского Ярополяца была княжна Елена Мещерская — дочь старшего брата Бориса, вышедшая замуж за Гончарова.

Каждое лето до семнадцатого года Екатерина Мещерская с матерью ездила в Ярополец на могилу отца.

Легенды не только творили ее судьбу, но и ее судьба творила легенды. Тринадцать арестов, последний — не так давно, уже после 53-го. Отчасти поэтому, будто бы сговорившись, многие задавали ей один и тот же вопрос:

— Неужели вы, Екатерина Александровна, так пострадавшая от Советской власти, можете ей все простить? Ведь столько раз вы были под арестом.

— Ошибаетесь, — всякий раз отвечала Е. А. Мещерская, — Советская власть никогда не лишала меня свободы. Она всегда меня освобождала, когда люди без совести и чести писали на меня доносы. Вот и нахожусь я перед вами, невинная, с советским паспортом в кармане.

И никакого счета Екатерина Александровна истории не предъявляла.

Послужным списком Советской власти, служением ей стали записи в трудовой книжке бывшей княжны, не успевшей получить образования. С четырнадцати лет она сама себе зарабатывала кусок хлеба. Наследница миллионного состояния, нескольких дворцов, бесценных духовных сокровищ, которые были переданы новой России, она мужественно шагала по ступенькам трудовой жизни. Преподавательница пения, руководитель-

ница детского сада, концертмейстер в струнном оркестре, мастерица по плосковызальным фанговым машинам, мотальщица, штопальщица на швейной фабрике, переводчица с немецкого и французского, художница, модельерша, учетчица, чертежница, сотрудница лаборатории, музыкальный корректор, дворник...

Никогда она ничего не просила для себя. Только для других. В молодости вела большую общественную работу с подростками. Выпускала стенную газету, создала хор, струнный оркестр, в благодарность за энтузиазм ребятам, руководимым бывшей княжной, государство построило клуб на триста мест, в полуподвале дома № 25 на Арбате, там, где сейчас аптека. Позже стала писать в газеты и журналы о сохранении старинных домов Москвы. Хлопотала, обращалась с просьбами. Вот одно из последних ее прошений — Патриарху Московскому и Всея Руси Пимену. Хочу привести его почти целиком.

«Ваше святейшество!

Простите, что посмела беспокоить вас. Но я потрясена тем, что увидела в Алабине.

Мой отец и его семья очень любили няню Татьяну Осиповну Баранову, прожила она в нашем доме 26 лет и умерла 92-х лет. Отец похоронил ее около построенного им храма. Ее могила была обнесена оградкой и имела маленькую калитку. С годами вокруг нее появились другие захоронения. Если мой отец родился в царствование Александра Первого, то Татьяна Осиповна жила в эпоху Павла Первого и видела нашего гениального полководца Суворова. Она была героиней Отечественной войны 1812 года. Родилась она в селе Петровском. Ей было 42 года, когда наполеоновские войска вторглись в Россию. Муж ее, со старшим сыном, ушли на войну с «французом», а Татьяна Осиповна с двумя несовершеннолетними сыновьями, бросив дом и забрав с собой корову, отправилась в глубь подмосковных лесов, где примкнула к партизанам. Пока было возможно, корова давала молоко, а потом ее зарезали на мясо, солдатам. Дрожала русская земля от сражений, задыхалась в дыму пожаров, обильно текла кровь ее героев. Муж Татьяна Осиповны и ее старший сын погибли в боях под Смоленском... Многие из партизан-мстителей, пойманные французами, расстреливались на месте. Так погиб и ее пятнадцатилетний сын, Алеша. Он был разведчиком. Еще большей яростью загорелось сердце матери, и она не думала о том, чтобы прятаться от врага, и вместе с партизанами наносила ему чувствительные удары. Во дворце в Петровском в комнатах музея было много интересного: ордена, сабли, шашки, жалованные Мещерским за заслуги. Заветными трофеями были экспонаты времен наполеоновского нашествия. Среди них добытые личной доблестью и беззаветной храбростью партизанки Татьяны Барановой. Мне запомнился один из них: сильно помятая чем-то тяжелым сбоку и пробитая медная каска французского кирасира, с черным, блестящим хвостом из конского волоса, украшавшим ее сзади и оберегавшим шею всадника. Татьяна Осиповна — неумирающий символ нашей русской женщины. Ее деяния ничуть не меньше, чем деяния знаменитой партизанки двадцатого года Василисы Кожинной, память о которой хранит вся Россия. О Татьяне Барановой собирался писать А. Т. Твардовский.

И что же? Ограду могилы Барановой сломали и выкинули, саму же могилу сровняли с землей, и место ее теперь найти невозможно, а на освободившемся пространстве возникли свежие захоронения. Чье же это распоряжение? Никто не может ответить на этот вопрос. Огромный тяжелый камень надгробия из темно-розового мрамора с надписью: «Мир праху твоему добрая наша няня Татьяна Осиповна», с описанием ее жизни и под-

вигов валяется в стороне, как немой укор нашему беспамятству и варварству.

Со стороны религии содеянное называется кощунством и глумлением, со стороны гражданской — преступлением перед народной памятью и русской историей. Такими людьми и их подвигами гордится Россия.

Мне стыдно еще и потому, что Родина удостоила меня (недостойную) большой гражданской чести — персональной пенсией — и эта красненькая книжечка — оправдание всей моей нелегкой жизни.

Что же теперь делать?»

Письмо это датировано 1983 годом, а буквально на днях Екатерина Александровна Мещерская стала получать персональную пенсию союзного значения. Спасибо, конечно, говорит она. Только вот чуть поздно. Ничего не надо ей больше. Ни квартиры, ни денег, ни пропитания особого, ни славы... Впрочем, насчет последнего не совсем верно. Хочется ей, чтобы люди узнали историю служения России рода Мещерских. Всю жизнь она пишет записки о своих предках, об отце, о матери, об именах славных, достойных. Втуне лежат бесценные свидетельства практически последнего прямого потомка стариннейшего рода России. Когда-то ими заинтересовался А. Т. Твардовский, он прислал письмо Екатерине Александровне, в котором отмечал: «Ваши записки производят наилучшее впечатление правдивости, искренности автора и в смысле литературном вполне «на уровне». Но напечатать их в «Новом мире» он не успел.

В день знакомства мы с Б. Ахмадулиной провели у Е. Мещерской несколько часов. Потом я встречался с ней много раз, запоминая, записывал ее рассказы. Я почувствовал в этой, много пережившей женщине твердую натуру, волевой мужской характер, человека принципиального во всем. Легко ранимого, глубоко порядочного. Доверчивого, но не каждому доверяющего. Слушая правильную московскую речь, то плавную, то взрывчатую, с умеренным «аканьем», почти литературную, ее рассказ без жалоб на беды и горести, я думал о том, как действительно щедро души и незабываема сердцем моя собеседница. Перенесшая многие удары судьбы, как и те жившие рядом простые, без титулов и званий, обыкновенные люди, помогавшие ей и принимавшие от нее посильную помощь, она выжила и сохранила высочайшее достоинство духа.

Один из правнуков Пушкина рассказал мне недавно о событии невероятном. Во всяком случае, с наших сегодняшних позиций. О том, что его прадед — великий русский поэт, гордость нации, он узнал только в 1937 году, когда ему было уже двенадцать лет и когда широко отмечалось 100-летие смерти Пушкина. Почему? Конечно, можно объяснить это скромностью членов семьи Пушкиных, но, думается, в то время люди подчас боялись своей дворянской родословной. А тут «какая-то» там (простите, Екатерина Александровна!) княжна Мещерская! «Голубая» кровь столько раз ставилась ей в вину. Но разве повинен человек в матримонильных играх природы?!

Как истинно русская, она хранила память о славных деяниях своего рода. И, уже почти потерявшая всякую надежду на публикацию мемуаров, дожидая до времени перестройки (странно, не правда ли, звучит это слово в данном контексте?), когда исполняются ее заветные желания. Журнал «Новый мир» будет печатать ее книгу в первых номерах будущего года, телевидение подготовило передачу о Мещерской. Ей звонят, предлагают помощь. Уставшая от жизни, от быта, потерявшая не так давно горячо любимого мужа и друга, больная, она живет только памятью.

Феликс МЕДВЕДЕВ

О БОТТИЧЕЛЛИ, О ПРЕДКАХ, О ДЗЕРЖИНСКОМ

— Мне 83 года. И всю свою жизнь я прожила в этом доме.

В 1917 году моя мать сказала: «Что бы нас ни ожидало, Родины своей я никогда не оставлю».

Владелица трех имений и двух дворцов (еще до того, как большевики взяли власть), мама тут же, через князя Львова, обратилась к Керенскому с просьбой, чтобы ей дали вагон для спасения нашей картинной галереи, которая находилась во дворце «Веселый Подол» в Полтаве. Не одно столетие Мещерские собирали западную живопись, и для полноты коллекции не хватало двух-трех имен художников конца девятнадцатого века. Жемчужиной галереи была «Мадонна» Сандро Боттичелли, на международной выставке в Париже она была отмечена премией и оценена в полтора миллиона рублей. Таким образом, еще при Временном правительстве маме удалось привезти в Москву ценнейшие произведения живописи и спасти их от всякого рода неожиданностей. Тревога матери была не напрасной: Украина назвала себя «самостийной» и приняла гетманство. Маме прислали украинский паспорт в красивой обложке, похожей на вышитый рушник, куда была вписана и я, тринадцатилетняя ее дочь. С этим документом владелица бесценных сокровищ могла попасть в любую страну и вряд ли стала бы там приживалкой. Но мать моя была пламенной патриоткой, и девиз рода Мещерских «Вера, долг и честь» сопровождал ее до конца жизни.

Так как наш дом на Тверской улице после смерти отца было тяжело содержать, стали снимать квартиру в этом вот доме моей крестной — графини Милорадович, предок которой был правой рукой Кутузова. Именно его запечатлел художник на известной картине «Совет в Филях».

Привезенным в особых раздвижных рамах, товарняком, 17 огромным картинам в нашей небольшой квартире на Поварской не хватило бы стен, тем более что и они были заняты портретами, коллекционным фарфором. Мама упростила наших друзей Прянишниковых развесить привезенные шедевры в гостиной особняка по Староконовскому переулку, дом 36.

(В свое время я с большим трудом отстояла этот знаменитый особняк, весь резной, в русском стиле, построенный «Обществом русских врачей» и на выставке домов в Париже отмеченный премией. Ему грозил бульдозер, и я сняла его с «красной черты» своей статьей в журнале «Москва». Я предлагала сделать в нем музей русских кружев, вышивок и т. д. или же на валюту открыть для иностранцев «Чайную», но ко мне не прислушались.)

Время было тревожное, в Москве безобразничали анархисты.

Полотно Боттичелли мы зашили и спрятали.

И вдруг маму арестовали, привезли на Лубянку, и сам Феликс Эдмундович Дзержинский предъявил ей для подписи бумагу о приговоре: «Бывшая княгиня Мещерская Е. П. за спекуляцию народной собственностью...»

— Я ничего общего с торговлей не имею, — удивилась мама.

— Вы продали в Германию «Мадонну» Боттичелли.

— И не думала продавать.

— Где ж она?!

— Дайте листок бумаги и карандаш, — попросила подозреваемая и написала мне свою, ставшую знаменитой, записку: «Китти, отдай Боттичелли. Мама».

— А почему же вы сразу не принесли сюда Боттичелли?

— Я не знала, что нужно ее нести именно сюда. Свои картины я привезла среди белого дня и, не таясь, развесила их по стенам, у моих друзей, в Староконовском. Я ждала, что меня вызовут или за картинами пришлет нарком по искусству Анатолий Васильевич Луначарский.

— Ну, что же, раз вы уже решили остаться с нами, то привыкайте. Если будут у вас какие-нибудь затруднения, обращайтесь прямо ко мне, — сказал Дзержинский, пожимая маме руку.

Так оно и вышло: каждый раз, когда нас арестовывали, он тут же нас освобождал. Правда, прожил Феликс Эдмундович, к сожалению, недолго...

Моя мать, пламенная и горячая, вспоминала Дзержинского всегда двумя словами: «Рыцарь... Джентльмен!» А я запомнила взгляд его пытливых серьезных глаз, сдержанность речи и легкий, но заметный польский акцент.

И вот я думаю, что, пока существует Земля, пока существует Россия, Москва и ее музеи, где каждый экспонат имеет свой паспорт, имя моей матери неотделимо от полотна Боттичелли, великой реликвии мировой цивилизации.

Все Мещерские по мужской линии, оставшиеся в Петрограде и в Москве, погибли. Мы с матерью, лишенные крова и прописки, должны были выехать на 101-й километр, но мы не уезжали. Днем мама пропадала на Бирже труда и, владея французским, немецким, итальянским языками, училась, кстати, вместе с Собиновым, не могла найти работу. «Князьям работы нет», — отвечали ей. Мама догадалась стать чернорабочей, и ей тут же предложили поехать кухаркой на Рублевский водопровод. Началось наше с матерью «трудовое крещение».

Прекрасна традиция, которую воскресила Советская власть: равняться по лучшему, по достойнейшему в своей семье! Поколение сталеваров, комбайнеров, ткачей, не говоря уже о «звездных семьях» космонавтов, которыми вправду будет гордиться все их потомство, — это прекрасно.

Правда, не забывая слов мудрого дедушки Крылова: «а наши предки Рим спасли», я считаю, что слава моих предков ни в коей мере не распространяется на меня. Я горжусь не тем, что среди Мещерских были герои, а тем, что среди героев моей Родины были и Мещерские. Их много. И я упомяну об особо любимых мною.

Командиром молодого Суворова был Иван Мещерский, а его сын Алексей служил адъютантом Суворова. Рассказ «Фазан» писателя Леонтия Раковского посвящен именно ему. Цитирую: «Когда 14 сентября 1799 года чудо-богатыри Суворова переходили через страшный Чертов мост, майор князь Алексей Мещерский перешел по его шатким бревнышкам — первым!»

Герой Шипки князь Эмануил Николаевич Мещерский несколько месяцев держал осаду высот Шипки, пока не подошли скобелевские войска. Мой отец писал в своих воспоминаниях: «К нам приехал всеми нами любимый, младший брат отца, наш дядя Николай Иванович. Он в этот год женился на княжне Трубецкой. Сын их, князь Эмануил, впоследствии женившийся на княжне Долгорукой, будучи уже полковником и флигель-адъютантом, был одним из героев последней Турецкой компании, где командовал батареей и где умер геройской смертью на Шипке. Солдаты так любили своего командира, что за его о них заботы воздвигли сами, вместе с оставшимися в живых в этой батарее, офицерами памятник ему из гранита на том самом месте на Шипке, где этот герой был сражен».

Мещерский Иван Всеволодович. Магистр высшей математики, создал «теорию переменной массы тел». Вот выдержки из статьи М. Леонова на странице 135 обычного настольного календаря на 1959 год, который отмечал столетие со дня рождения И. В. Мещерского:

«...Бывали случаи, когда современные ученые и инженеры Европы и Америки, например, итальянец Леви Чивита, американец Годдард, немец Оберт, «открывали» уравнения, оказывающиеся лишь частными случаями общего уравнения, уже давно открытого Мещерским».

«...Уравнения Мещерского использовались при составлении таблиц стрельб гвардейских минометов «Катюш», так как движение их снарядов — ракет — частная задача механики тела переменной массы».

«...Лучший памятник в честь столетия со дня рождения Мещерского — советские искусственные спутники Земли, появление которых было бы совершенно невозможным без теории, созданной замечательным русским ученым».

Дата столетия со дня рождения И. В. Мещерского отмечалась во многих зарубежных странах, и я получила несколько его учебников, переведенных на иностранные языки.

Вы знаете, всю жизнь помогало мне чувство юмора. Я, к примеру, с улыбкой отношусь к бесчисленным сообщениям в печати о Несси, чудище, обитающем в Шотландии. Почему же Несси вызывает в нашей печати такой интерес, а я не вызываю? Ведь себе я сама казалась русским московским Екатеринозавром. Мой отец родился в эпоху Александра Первого, а умер при Николае Втором.

Таким образом, моя жизнь — это... два века русской истории.

Отец был ярким спортсменом, редким пловцом, он объезжал диких лошадей. Лошади были его страстью. Он создал меня, когда ему было 83 года, моя мать была на 48 лет моложе отца и на всю жизнь осталась верна его памяти. Женильба отца в таком более чем глубоком возрасте перевернула вверх ногами всю нашу родовую иерархию: когда меня положили в колыбель, я уже оказалась бабушкой. И не один раз. Как это так, — спросите вы? Так вот мой племянник генерал-лейтенант граф А. А. Игнатьев — автор книги «50 лет в строю» — был на 25 лет старше меня, своей тетки.

Моя внучка, княжна Елизавета (Вета) Мещерская 96 лет, живет в США, в штате Иллинойс. Правда, в последнее время не пишет, возможно, уже умерла. У меня большой архив: альбомы, фото, вырезки из печати, книги, есть даже стереоскоп, сразу на 25 снимков. Леша (А. А. Игнатьев) состоял со мной в родстве, так как его мать — княжна Софья Сергеевна Мещерская была дочерью брата моего отца Сергея, и она в свои 60 лет приходилась мне, 10-летней девочке, двоюродной сестрой.

Леша был удивительный по своей порядочности человек. Живя в Париже и пребывая в должности военного атташе царской России, он держал на своем имени в парижском банке около 200 миллионов рублей.

— Эти деньги России, они принадлежат русскому народу, — говорил граф Игнатьев, пересылая все 200 миллионов через товарища Красина в Москву. За этот поступок его любимый младший брат Павел стреляет в него, но пуля, не задев черепа, легко проходит сквозь верх фетровой, с начесом, шляпы темно-бутылочного зеленоватого цвета.

Простреленную братом шляпу Игнатьев привез из Парижа в Москву. Передавая ее интереснейшим воспоминаниям, сидя в уютном кабинете, в своей квартире на проезде Серова, Леша любил ее демонстрировать гостям.

Несмотря на спасенную и переданную советскому народу царскую казну, инстанции еще долго медлили и проверяли Лешу, не давая ему права вернуться на Родину. За рубежом его уже давно окрестили «агентом Лубянки». Печать пестрела карикатурами на него. При любом выступлении его жены, знаменитой артистки Наташи Трухановой, ее забрасывали гнилыми фруктами, и теперь, чтобы заработать на жизнь, супруги Игнатьевы выращивали в подвале дома шампиньоны и продавали их.

Жена Леша была дочерью француженки Бергонье (так и не освоившей русский язык), которая владела небольшим ларьком перчаток. Отец — русский актер Бостунов, бросивший жену и уехавший в Россию. Наташа Труханова (фамилия ее первого мужа) была той семнадцатилетней красавицей босоножкой, которая покорила своими танцами весь Париж, уже пресыщенный и ко всему равнодушный. От сегоднего, ярого черносотенца царского министра Пуришкевича до миллиардера «рыжего» Ротшильда, который купил Наташе (под Парижем) маленький дворец французских королей, — целая серия исторических личностей была у ног этой легендарной красавицы, королевы бриллиантов двадцатого века. Самым же необыкновенным в Наташе были ее дьявольский ум и образованность.

Труханова встретила Игнатьева русским военным аташе в Париже, когда ей было 30 лет. Она ушла из своего дворца, вышла замуж за Лешу и не расставалась с ним до самой его кончины. Только необычная преданность связывала этих двух людей в дни гонений и нужды, когда они жили среди врагов, на чужой земле, а Родина не хотела их принимать...

Иногда, вечерами, когда Игнатьев садился за рояль, чтобы поиграть обожаемого им Бетховена, Наталья Владимировна, с фонарем в руке, часами склонялась над грядками овощей, снимая с них вредителей. Леша жадно искал контакта с Родиной и встречи с русскими, и едва только из Советского Союза в Париж стали привозить выставки, промышленные или культурные, как он, не пропуская ни одной, предлагал устроителям свои услуги переводчика.

Вскоре русское посольство в Париже пригласило его работать по депортации «раскаившихся» белоэмигрантов. Ведь он хорошо знал каждого из них.

Когда Игнатьев с женой получил визу на въезд в СССР, ему разрешили погрузить в товарные вагоны всю его обстановку и все имущество, которым он владел, живя много лет в Париже. Поэтому его квартира в Москве, на проезде Серова, была самым настоящим маленьким музеем, полным не только фамильных, но и исторических ценностей.

— Ты одинока, тебе некому оставлять, — частенько говорил он мне, — а после нашей с Наташей смерти здесь будет музей, поэтому все, что представляет ценность, неси сюда, к нам...

И я несла. В те дни меня выселили из нашей бывшей квартиры в этот дом (где мы с вами находимся), в его дворничью комнату с печуркой и грязной раковиной. Позднее я сумела построить рядом с дворничью капитальную стену, провела центральное отопление, поставила прибор для теплой воды. Построила я себе также и места общего пользования и считаю сегодня, что лучше моей квартиры двухкомнатной, построенной собственноручно мною на «дорогих мне старых камнях», в мире нет!

В ноябре 54-го года умер Леша, пережив его на один год 9 месяцев, умерла и Наташа. Но пока она еще лежала в морге, не выясненные до сих пор лица разграбили квартиру Игнатьевых, квартиру-музей, которую он хотел передать народу. Я написала Лешину другу К. Е. Ворошилову. Потом маршалу Г. К. Жукову. Но мне не ответили. Зато вызвали в прокуратуру, грозили судить за клевету. У меня хранился список ценнейших вещей Игнатьева, и я просила только об одном: сделать хотя бы витрину в Доме Советской Армии в память об А. А. Игнатьеве.

Особенно жаль пропажи ценных рукописей Леша: его трилогии «Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград», а также напетых на магнитофон песен солдат в годы маньчжурской войны.

Мало того, против меня, неизвестно кем направленная, была организована кампания преследования. В «Комсомольской правде» поместили громовую клеветническую статью. беру портфель документов, прорываюсь к высокому начальству. Меня успокаивают, говорят, вышла ошибка, кое-кому уже сделали «внушение», но убийство словом свершилось. Со мной не здороваются, отводят глаза, на улице переходят на дру-

гую сторону. Это гражданская смерть... В мою дворничью часто стучатся. Начались ни на чем не обоснованные вызовы. В это время я получаю из Парижа «Чашку журналиста», огромную, из белого фарфора. На ней красивые названия всех газет мира, в том числе нашей газеты «Труд». Чашка эта — благодарность коммунистической прессы Франции за мои публицистические статьи «Как был пойман Эйхман?» и «Ночь длинных ножей» — заговор Рема против Гитлера. Вдохновленная, я начинаю организовывать памятный вечер писателя генерал-лейтенанта А. А. Игнатьева. Прошло 10 лет со дня его смерти, и о нем начинали подзабывать. Сама изготовила 165 приглашений билетов игнатьевским друзьям, которых лично знала, и директор ЦДЛ Б. М. Филиппов распорядился отдать под вечер Большой зал. Председательствовал на вечере писатель В. Лидин, выступали А. Сурков, В. Финк, Иван Семенович Козловский, Яков Смоленский...

...Мне, еще подростком начавшей зарабатывать свой хлеб и прожившей не столь легкую жизнь, незнакома алчность к чужим вещам. Пожалуй, мы с матерью тяжело переживали только тот день, когда у нас реквизировали и увозили портрет отца работы Карла Брюллова.

ЧЕТЫРЕ СУДЬБЫ ОДНОГО ДОМА

У каждого человека своя жизнь, своя судьба. Так и у иных домов. Но дома безгласны и не могут писать воспоминаний, а сколько бы интересного они бы смогли о себе рассказать! Об одном таком доме, к которому в свое время и я прикоснулась судьбой, хочу рассказать.

Если Санкт-Петербург был столицей России, со всем присущим ей блеском и знатью, то Москва, купеческая, полная радушия, гостеприимства и самодурств, была «кошельком» России. Здесь совершались миллионные сделки, тянувшиеся своими нитями в другие государства мира.

Рядом с Большим театром вырос многоэтажный магазин «Мюр и Мерилиз» (сейчас в нем ЦУМ). Конечно, все «Тит Титычи» из пьес Островского еще сохраняли свой внешний облик, так же как и свои традиции. Чтобы договориться о сделке на сумму в несколько тысяч рублей, купец не отмечал ее пышным ужином в модном ресторане, хотя по своим средствам он вполне мог это себе позволить. Он отправлялся со своим будущим компаньоном в его излюбленный дешевый трактир, где, будучи еще молодым приказчиком, учился заключать разные мелкие сделки. Заказав половому «пару крепкого чая» с горячими баранками, он попивал его вприкуску, а потом скреплял дело крепким рукопожатием и не менее крепким купеческим словом. Но если один из договаривавшихся осмеливался нарушить данное им слово, то горе ему: в Москве ему больше не торговать. Правда, в царское время никаких профсоюзов не существовало, существовали просто «общества»: архитекторов, докторов, инженеров, юристов... Если кто-либо совершал аморальный поступок, то коллеги предавали его немедленно гласности. Через печать, а то и в открытом судебном заседании. Обычно после такого человек лишался всякой практики.

Неизвестно, по чьей инициативе московское купечество решило построить свой клуб в самом начале Малой Дмитровки под номером 6, недалеко от Страстного монастыря и Тверской улицы. Строил его архитектор Иванов-Щиц. Москву удивил своей скромной строгостью этот большой красивый особняк, выдержанный в новом, модном стиле «модерн». Над его широким стеклянным входом, приятно лаская глаз, расположился полукруглый балкон. Фасад здания украшали лепные женские головки. Внутри дома в залах с потолком вместо обычных, ослепляющих игрой хрусталя люстр с дрожащими подвесками спускались оригинальные строгие плафоны. Их узорная медь походила на старое, потускневшее золото, сверкавшее разноцветными гранеными камнями.

Недалеко от клуба, рядом со Страстной пло-

щадью, пролегла и самая веселая, шумная улица Москвы — Тверская. Опираясь своими бесконечными Тверскими-Ямскими, она прямой, вытянувшейся стрелой выносила вас вдаль от центра, в чудесные густолиственные пригороды Москвы — Петровский парк, Петровско-Разумовское, к кочевью цыган, туда, где потом вырос шумный, окутанный хмелем и весельем ресторан.

Когда кончалась неделя веселой русской масленицы, которую московские купцы любили провожать в «Яре», волей-неволей рассвет заставлял их еще в ресторане. Непротрезвившиеся, покачиваясь, рассаживались они по своим саням. В мутном, молочно-сероватом небе сквозь плотные тучи облаков летела холодящая пыль изморози на разгоряченные лица уставших. Они спешат в Страстной монастырь, чтобы покаяться перед семьей неделями предпасхального поста.

Россия — на переломе. Наезды Гришки Распутина в Москву участились. Надоела ему растущая против него оппозиция в Петрограде, во главе которой стоит сама мать Николая Второго, вдовствующая императрица, а за его спиной высокий, с сильной проседью Николай Романов-старший. Кроме того, сам Гришка уже порядком пообщипал петербургскую знать: у кого брал взаймы, у кого «просто так», но, конечно, лучше всего и вернее были записки от самого «папашки»: о чем попросишь, то и подписывает. Теперь Гришка загорелся мечтой зажить в Москве свой дом, и не только хороший, а самый что ни на есть лучший. И как раз в те дни удивил всю Москву своим многоэтажным домом известный богач Нирензей. Легендарный небоскреб был к тому же еще и первым газифицированным домом в Москве. Именно это и было причиной того, что Гришка, приезжая из Питера, просиживал чуть ли не до самого рассвета в Купеческом клубе на Малой Дмитровке, № 6. У его столика толпились много людей, просивших Гришку замолвить перед государем «слово» по тому или иному делу, но все это была «мелкая дичь». И наконец!.. Попался «крупный гусь». «Все тебе отдам, Григорий Ефимович! — взмолился этот «гусь». — Я так давно мечтаю о портфеле министра». «Ладно. Скажу «папашке», будет тебе портфель, а ты мне за это в благодарность давай московский небоскреб!» На этом и порешили, и Хвостов... получил портфель министра. Этому событию предшествовали многие хлопоты Хвостова. Чтобы добыть крупную сумму денег, ему пришлось продать свое имение, а затем долго уговаривать Нирензея, который ни за что не соглашался продать дом, а затем начал с каждым днем повышать на него цену. Наконец, продажа его все-таки состоялась, и Хвостов принес составленную на этот дом «купчую крепость» Распутину, но владеть этим домом Гришке не пришлось. Он был убит.

Вся аристократия поняла, что это сигнальная ракета к началу революции.

Обезумевшая царица Александра Федоровна требовала всенародной казни «трех злодеев-убийц «святого старца». Мать Николая Второго, вдовствующая императрица Мария Федоровна, тотчас уехала, сопровождаемая Николаем Николаевичем и еще несколькими Романовыми, за границу. За ними последовал и Феликс Юсупов, женатый на Ирине (племяннице Николая Второго). Все эти подробности я знаю потому, что очень близким человеком и другом всей нашей семьи был брат Николай Второго Михаил Александрович Романов, который был крестным отцом моего брата Вячеслава. Он не только часто бывал у нас со своим адъютантом, но летом гостил в одном из дворцов наших имений.

Потом последовало отречение Николая Второго от престола, Временное правительство и, наконец, революция! К власти пришли большевики.

Шел 1918 год. Становление Советского государства только начиналось. Ждали переезда правительства из Петрограда в Москву. Она должна была стать столицей, а между тем в городе неспокойно, и только что созданная молодая милиция защищает население от бесчинств анархистов. В Москве еще не работало центральное отопление, и в комнатах всех домов прямо на паркете стояли железные «буржуйки». Еще выдавали по бумажным талонам небольшие кусочки серого, пайкового хлеба, а электричество уже оживило недавно мертвые провода. Замерзшие на своих путях, стоявшие без тока московские трамваи, покачиваясь, весело позванивая и скрипя на поворотах рельсов, деловито поползли взад и вперед по городу.

Жизнь налаживалась, несмотря на вражеское окружение. Со всех концов тянулись к нам, стягивая свое кольцо, остатки белых армий, поддер-

живаемые пестрыми флагами иностранных держав. Наследство царской России — разруха, голод и все виды тифа — было для «беяков» хорошим союзником.

А жизнь в те дни кипела ключом: нарождалось и крепло не виданное еще на земном шаре первое пролетарское государство. Как бы странно ни звучало, но нынешние постановления, законы и призывы к перестройке — это, на мой взгляд, вырвавшийся сквозь все преграды вольный ветер первых дней революции. Я узнаю его сегодня по благородной дерзости и необъятному человеческому теплу.

В те дни труд не укладывали в количество трудовых часов, его не учитывали, его не вычерчивали на графиках. Его кривая обладала особым свойством — фантастически устремляться вперед, вверх, вопреки всем законам. Неугасимым огнем романтики жили люди.

Пройдя свое «трудовое крещение», моя мать поварихой, а я преподавательницей пения школ 1-й и 2-й ступени, мы по воле рабочих были возвращены в Москву с указом о немедленной прописке, и мама, пройдя испытания в РАБИСе, то-

«Вперед!». Но за тусклыми и грязными стеклами дверей этого ателье не было видно, куда оно призывало...

После того, как я добросовестно сыграла три контрданса Бетховена, директорша «Паризьена», очень полная и сильно накрашенная дама, улыбаясь, закивала одобрительно головой и назначила ранний час с тем, чтобы я, просмотрев картину, осталась тут же на первый сеанс. Завсегдатаи «Паризьена», безбилетные мальчишки, приняли меня хорошо и сразу стали меня звать Катей, но... Конечно, все дело было в том, что я просто не рассчитала своих сил: для того, чтобы сопровождать даже физические упражнения музыкой, надо или выдумывать их самой, или уметь связывать музыкальные отрывки между собой, переходя из одной тональности в другую, вставляя иногда даже между ними какую-нибудь «отсебятину». Вот я и растерялась: на экране суматоха, погоня, Макса Линдера преследуют жандармы, я играю в бешеном темпе технический этюд, а на экране уже ночь, луна, тихая заводь. Лодка в высоких камышах; а в ней целуются влюбленные. С трудом скользя по клавишам, ищу в памяти

мне надо быстро повернуться на вращающемся табулете и продолжать музыку на тут же стоящей фисгармонии. Фисгармония огромная. Клавиши ее, не то от старости, не то от сырости, тугие и трудно поддаются нажиму пальцев. Но самое ужасное не это: чтобы она дала звук, надо одновременно изо всех сил работать ногами, раздвывая мехи. Только тогда раздаются глухие, хриплые звуки, сопровождающие мелодию чем-то вроде храпа заснувшего пьяницы...

— Откуда этот детский сад? — не глядя на меня, кричит вошедший директор. — Откуда взялась эта фитилька? Нам нужен пианист! Блестящий, талантливый пианист! Чтобы наполнить звуками весь зал, чтобы все вокруг дрожало! — И на его мизинце поблескивает перстень с тусклым, фальшивым бриллиантом.

И вот в дни такого мрачного и безвыходного положения, когда я сидела дома, горько размышляя о своей никчемности, неожиданно явилось спасение. Передо мной стояла высокая, энергичная брюнетка с красивыми зелеными глазами:

— Китти! Дорогая! Вы мне позарез нужны. Будем открывать детский сад. Нашим врачом будет Дмитрий Ильич Ульянов. Это изумительный человек, он ведет огромную работу по спасению голодающих детей Поволжья. Вы будете учить ребят петь, танцевать, читать стихи.

Моей спасительницей стала одна из племянниц нашей дорогой няни Пашеньки, Анна Георгиевна Телегина — Анюта.

— Это невозможно, — с волнением ответила я, — ведь Дмитрий Ильич — брат Ленина, а как же моя анкета? Вас подведу...

— Знаю, знаю, — перебила она меня. — Вы детей любите, и они вас тоже. Вот что главное.

Я немедленно оделась и пошла за Анютой. Через полчаса передо мной распахнулись двери особняка № 6 на Малой Дмитровке. (Открывая в кремлевском круглом зале, названном впоследствии Свердловским, заседание Восьмого съезда РКП(б), Владимир Ильич Ленин сказал добрые слова о Я. М. Свердлове, и дом № 6 стал «Первым коммунистическим университетом имени Я. М. Свердлова».) Так этот дом вошел в мою судьбу. Анюта повела меня по его залам, подвела к пожилой, седой женщине.

— Вот пришла показать вам нашу новую руководительницу по музыкальной работе с детьми, — сказала она, не называя ни моего имени, ни фамилии. Было видно, что она очень волновалась. Женщина повернулась, и я сразу узнала ее лицо по фотографиям в газетах, по киножурналам. Это была Надежда Константиновна Крупская. Лицо утомленное, немного болезненное и строгое. Глаза большие, они показались мне темно-серыми.

— Откуда вы ее откопали? — не то насмешливо, не то с упреком спросила она Анюту. — Ведь ей еще самой учиться надо.

— Дело в том, что нам срочно нужна музыка, — боясь вопросов, быстро заговорила Анюта. — Я знаю ее с детства, с шести лет она ученица по роялю у профессора Константина Николаевича Игумнова.

— Ну... ваше дело. Если вы за нее ручаетесь. Наступила какая-то неловкая пауза. Надежда Константиновна явно ждала слов от меня; но, помня внушение Анюты молчать как рыба, я не открывала рта.

— Если хотите, — смешалась Анюта, — она может вам что-нибудь сыграть, пойдете в зал, к роялю.

— Да нет... не надо. Я вам и так верю... И, знаете, пожалуй, даже хорошо, что она подросток, не будет штампованных навыков. И вот что: надо взять еще одну руководительницу, ведь ребят много будет. Я передам вам расписание, по каким дням и в какие часы я буду читать руководительницам лекции. — С этими словами Крупская кивнула кому-то в толпе из проходивших мимо людей и простилась с нами.

Еще до основания Коммунистического университета Дмитрий Ильич руководил спасением умирающих от голода детей Поволжья, распределяя их по больницам, а теперь вот со всей энергией взялся за детский сад при университете. Помещение для нашего детского сада подыскивали недалеке, в Дегтярном переулке, выходящем на Тверскую, в первом этаже огромного серого дома № 5. Мы с Анютой называли его Галочкой, именем той девочки, которая переступила первой его порог.

Родители детей делали революцию, они стремились в Москву, чтобы воочию увидеть Ленина, услышать его. По его призыву они приехали учиться. Многие из них отвоёвывали с беляками: опаленные боями гражданской войны, только что

Катя Мещерская. 1917, 1920 годы.

же по указанию рабочих, теперь преподавала пение в консерватории, а я осталась в мои уже 15 лет безработной. Петь было некому и учить тоже некого. Кормить меня могла только музыка, но кому она нужна? Что же делать? Жить на мамин труд? Стать ее иждивенкой? Этого я и в мои 13 лет себе не могла позволить. В 1919 году доживало свою эпоху немое кино с черными движущимися фигурками на белом полотне. «Пойду в кино», — подумала я. Ведь киношек в Москве было огромное количество, причем разного профиля и на самые разные вкусы.

Входя в кинотеатр «Ампир» на Арбате, вы попадали в странную обстановку. Обслуживающий персонал, начиная с кассира, контролера билетов и официантов в ресторане, был в седых с косичкой париках, разноцветных мундирах, в лакированных туфлях с большими блестящими пряжками. Играл изумительный оркестр. В программе менуэты, котильоны, полонезы...

Совсем недавно снесли двухэтажный дом на Арбате, прямо против «Праги», на первом этаже которого в давние годы был колбасный магазин, а на втором — кино «Паризьен». По почти вертикальной лестнице надо было карабкаться по расхопившимся от старости лет, кривым, покосившимся ступенькам. Наверху площадки против кино была дверь в фотоателье с не менее громким и обязывающим названием, неизвестно почему написанным по-итальянски: «Аванти!», что значит:

кусоч ноктурна или какого-нибудь адажио, но поздно!.. Весь экран уже давным-давно полон свадебным шествием, и я никак не воскрешу в воспоминании какой-нибудь помпезный марш или менуэт.

— Эй, Катя! Музыку давай! Эй! Музыку! — кричит зрительный зал, а мальчишки яростно свистят и топчут ногами... И отворяя передо мною входную дверь на площадку лестницы, полная накрашенная директорша с извиняющейся улыбкой жалости говорит:

— Что делать, милая? Вы же сами видите, что у вас это как-то не получается...

И, попросту говоря, выгоняет меня вон.

Но я не унываю. О своем полном поражении матери не говорю и... нахожусь в самом конце Пречистенского бульвара, перед спуском на Кокоревское подворье, малюсенький кинотеатр «Чары». Намалеванная масляными красками вывеска заинтриговывает меня и наполняет надеждой. На ней полногрудая русалка, высунув из реки свой рыбий хвост купоросно-зеленого цвета, смотрит на меня вытаращенными круглыми глазами небылого лилового цвета. «Может быть, здесь будут менее взыскательные люди?» — думаю я. Директора на месте нет, меня принимает на испытание и сразу сажает за рояль его заместитель. Но здесь уже не работа, а настоящая каторга! Как только на экране кто-нибудь собирается умирать или же несут на кладбище зарывать чей-то гроб,

вышедшие из госпиталя после тяжелых ранений, разутые, раздетые, в лаптях.

Многие родители без сентиментальных прощальных поцелуев и нежных слов наскоро совали нам в дверь своих детей и тут же исчезали, даже хорошенько не справившись о том, в котором часу им приходиться за своим ребенком. И дети их тоже были непохожи на детей, их глаза повидали и народное горе, и смерть людскую. Они видели горящие деревни, страшные картины расправ, разбоя и насилия белых, «зеленых» и «синих» банд, двигавшихся с фронтов гражданской войны. Окутанные дымом пожарами, среди истощенных, горьких бабьих стенаний и мычания скота, они брели, держась за руку взрослых, вслед за повозкой с домашним скarbом, оставляя по дорогам тела умерших дедов и бабок. А затем уже долгий, мучительный путь в Москву. В вагонах духота, грязь, вши и вечный спутник — голод.

Ни о каком открытии детского сада не могло быть и речи. Все наше помещение превратилось в медпункт, в котором мы брили под машинку, выстригали волосы вокруг гнойников на детской головке. Так называемая «золотуха» покрывала сыпью многие личики и лезла желтоватым гноем из ушей. У этих детей не только не было детства. Каюсь, мне в то время казалось, что все они какие-то неполноценные. Они не умели играть в игрушки, а пользовались ими только для того, чтобы запускать друг в друга. Именно потому им очень полюбили кубики: они целились в картинку, висевшую по стенам, разбивали горшочки с цветами, выбрасывали кубики в открытые форточки. Заинтересовать их какой-нибудь общей игрой было невозможно. Они предпочитали потасовки и драки. Даже за едой, находя какую-нибудь разницу между своей порцией и порцией соседа, они начинали меняться тарелками, ссорились и переходили на рукопашные бои. Очень часто то один, то другой, заходя сзади моего стула, давал мне довольно ощутительный щелчок в затылок. Я понимала, что Анюта была для них заведующей, тетя Мирра учительницей, а я вообще не в счет.

Совершенно неожиданно холодные отношения между мной и детьми растаяли. Настал день, когда Анюта с тетей Миррой ушли на какое-то совещание, и я осталась за старшую. Что же делать? Я взяла первую попавшуюся книгу, села на стул и погрузилась в чтение, решив посмотреть, как на это будут реагировать дети. Думая, что в книжке есть картинки, и молча окружив меня, они, вытянув шеи, стали заглядывать в раскрытую книгу. Картинок в ней не оказалось. Несколько мгновений ими владело недоумение, но вскоре они догадались, что я это делаю «понарошку». Тогда они, закусив удила, решили вывести меня из терпения. В комнате стоял огромный размеров старинный комод, оставшийся от выселенных хозяев. В нем было четыре огромных ящика. Кто-то из детей подошел к комоду и стал оглушительно барабанить. Другой начал выдвигать ящики и задвигать их обратно со страшным грохотом. Затем все стали возить их по полу, и вдруг мне пришла мысль стать с ними заодно. Я вскочила и весело предложила: «Ребята! Давайте играть в поезд! Сейчас я раздам всем билеты!» Я стала резать из цветной бумаги билеты первого, второго и третьего класса. Но дети не хотели примириться с неравноправием, их не устраивали должность кондуктора, разные классы, для них это было чудно. Они знали только теплушки товарных вагонов. И вдруг они сами стали подсказывать мне, какой должна быть игра, и, по их разумению, она должна отображать действительность. Рождалась талантливая импровизация непослушных дотоле «бесенят». Поезд наш стал военным составом, доставлявшим продовольствие голодающим жителям.

Тут же отделилась партия ребят, которые приняли обличье басмачей и беляков, нападавших на этот поезд. День ото дня принимая все более грандиозные масштабы, наша игра не могла оставаться тайной. К заведующей стали поступать жалобы жильцов: «Что это у вас происходит: свист, гвалт, возня, через каждые два дня плотники вынуждены стругать полы».

Пришлось признаться. Ребята стояли молча, глядя на Анюту хмуро, исподлобья.

— Вы на неделю выбываете из занятий, — строго сказала она мне и тут же вызвала на кухню, прикрыв за собой дверь. — Мало вас в детстве наказывали фрейлины и гувернантки! Все эти шесть дней вы будете красить табуретки, подоконники в комнате и натирать воском полы. Я вызову мастера скрепить ящики, привести их в надлежащий вид, а за работу будет высчитано из вашей зарплаты...

Но, по правде говоря, мне ничуть не было стыдно. Теперь дети улыбались, когда я входила к ним, а девочки с радостью бросались ко мне.

Глазки смотрели доверчиво, хотя им нравилось, что мне «влетело». «По отбытии наказания» я вновь была с детьми, ведь они теперь стали действительно моими. Когда я, ухаживая за посаженными нами цветами и растениями, находила новую почку или нежный, чуть разворачивающийся лепесток, он начинал мне казаться этой тоненькой нарождающейся кожей, которая появлялась у наших ребят, затягивая их ранки или воспаленные очаги жестоких расчесов. Ритм новой жизни меня радовал, вдохновлял.

Надежда Константиновна на своих лекциях говорила нам о том, какая большая ответственность лежит на нас — дошкольное воспитание нового советского человека, — а я жалела о том, что нельзя больше красить пасхальных яиц и нельзя наряжать игрушки и сладостями сияющую огнями елку.

— Когда ребенок берет в руки подаренную ему игрушку, — говорила Н. К. Крупская, — он прежде всего должен узнать о том, сколько времени затратил тот человек, который ее делал. Из чего игрушка сделана? Из какого материала она?

И мне однажды приснился страшный сон: стоит большой длинный стол, за ним сидят дети, которые ножами и молотками потрошат игрушки, на столе ворох лоскутов, пружин, изломанных паровозиков... Я рассказала о страшном сне матери. Но, как и всегда, она посмотрела на меня своим строгим взглядом: «Он мог родиться только в такой пустой голове, как твоя! Понимаешь ли ты, гражданами какой великой и легендарной страны мы являемся? Ведь эта страна шагнула от самодержавия к коммунизму!» И я умолкала. Я обожала свою мать за ее красоту и за ее небывалое бесстрашие. Моей работой мама не интересовалась, а знакомым говорила так: «Китти заделалась теперь руководительницей каких-то беспорядочных и тратит зарплату им на конфеты и пряники».

Дмитрий Ильич — наш врач — был хорошим диагностом и душевным человеком. Он часто беседовал со мной о том или ином ребенке и давал мне много полезных советов. В нем жила неутомимая энергия, одержимость в работе и большой интерес к людям.

К дню открытия нашего детского сада я приготовила большую программу концерта на два отделения.

Во время антракта ко мне на эстраду поднялась худенькая женщина.

— Я Анна Сергеевна Понятская. Мой брат профессор, преподаватель университета, мы здесь, во дворе, и живем. Мой брат обожает музыку, и он приглашает вас поиграть с ним в четыре руки.

На территории когда-то Купеческого клуба была масса всяких подсобных строений. В одном из них в небольшой квартире жили Понятские: два брата и их сестра. Этот дом стал для меня самым родным моему сердцу и самым увлекательным для моего ума.

Николай Сергеевич запомнился мне человеком лет 50, он всегда носил защитного цвета френч. На ногах сапоги. Его большие глаза смотрели так проникающе-внимательно на собеседника, что цвет их даже не замечался. Добрая, ласковая и радушная Анна Сергеевна, излучая на всех входящих какой-то особый внутренний свет, которым она горела, делала этот дом уютным и теплым.

Николай Сергеевич был большим другом семьи профессора Тимирязева. Мне никогда не забыть длинных зимних вечеров, которые мы проводили за роялем, неизменно начиная наши «клявир-абенды» сюитой Эдварда Грига «Пер Гюнт». К вечернему 10-часовому чаю сходились друзья, и неизменно первым был Бонч-Бруевич — следопыт старых рукописей, коллекционер старых книг. Бывали здесь А. В. Луначарский и семья Рейснер, отец и Лариса, его знаменитая дочь-героиня, никогда не снимавшая морской формы. В редких случаях очень ненадолго заходила Крупская. Понятские никогда не называли моей фамилии, а я с огромным интересом слушала всех этих людей, делавших революцию. Моя дружба с Николаем Сергеевичем продолжалась много лет. Я видела и слушала выступление Ленина в стенах дома № 6 на Малой Дмитровке 2 октября 1920 года на III Всероссийском съезде РКСМ.

Не раз произнесенное им слово «учиться» в самом широком смысле этого слова прозвучало призывом для всей молодежи, которая, объединившись в юношескую организацию, должна была стать помощником и резервом партии.

А годы жизни побежали своей чередой. Университет имени Свердлова уже не вмещал волну все прибывающих и прибывающих студентов.

В особняке № 6 по Малой Дмитровке — теперь улица Чехова — ныне театр Ленинского комсомола.

Безусловно, это событие будет иметь международный резонанс. После второй мировой войны — первая советская женщина Чрезвычайный и Полномочный Посол. Вторая — за всю историю Советского государства.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Большее всего я боялась, — говорит Зоя Григорьевна Новожилова, — что при встрече журналисты будут искать сопоставлений с историческими лицами и навязывать мне какую-то нелепую игру. Один фотокорреспондент попросил меня «для снимка» взять в правую руку гвоздику. Другой искал в моей биографии что-нибудь диковинное. Я ему сказала, что люблю читать. Чувствую, его это не устроило. Думаю: может, сказать, что катаюсь на горных лыжах, вот и еду послом в Швейцарию? Но в Швейцарии могут предложить покататься, а я не умею... Сказала, что делаю зарядку по утрам. Я ее действительно делаю каждое утро.

В сентябре Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Швейцарской Конфедерации Зоя Григорьевна Новожилова вручила свои верительные грамоты. Мы встречались с ней за день до ее отъезда из Москвы. По договоренности — никаких вопросов о новом назначении.

— Зоя Григорьевна, кто вы по образованию?

— Учитель русского языка и литературы.

— Вы когда-нибудь думали о дипломатической карьере?

— Нет. Я была десятым ребенком в семье и всегда чувствовала себя самой младшей. Сейчас у меня остались три сестры, одна из них старше меня на восемнадцать лет и до сих пор относится ко мне как к ребенку. Другая старшая сестра, кстати, приехала в Москву помочь собраться в дорогу и сделать ту тысячу дел, которые всегда возникают перед отъездом.

— Где работают ваши сестры?

— Валентина, старшая, сейчас на пенсии, но продолжает трудиться на заводе. Александра всю жизнь работала в профтехучилище. Нина — на хлебозаводе.

Бытуют предубеждения, которые необходимо опровергать. Одно из таких предубеждений: многие думают, будто на Востоке все живут богато. Да, у нас есть богачи — и если это секрет, то только для тех органов, что должны с ними бороться. Но — и тут я прошу внимания — в моей республике немало людей, живущих ниже уровня бедности. Есть такой уровень. Если пятьдесят рублей в месяц на члена семьи и меньше, то семья имеет право на пособие для детей до 8 лет.

Семьи у нас большие — восемь — десять детей не редкость. А зарплата обычная, как везде в стране. 200 рублей на одного — хорошо, на двоих — нормально, на десятерых — бедно.

Говорят, что некоторые обворовывали государство. Это верно, но слишком абстрактно. Государство — это мы. Несколько миллионеров обворовывали сотни тысяч своих соплеменников — такова наглядная конкретика.

Нужно исправлять огрехи застоя в экономике, и тут уже кое-что делается. Но необходимо исправлять и грехи времен застоя, выразившиеся в нарушении принципа социальной справедливости.

В наших городах стоят типовые дома. Это значит, самая большая квартира — трехкомнатная, от силы четырех. Три комнаты на четверых — нормально, на пятерых — уж маловато, на десятерых — не годится. Но других проектов нет.

У нас не хватает детских садов, детских поликлиник и больниц.

А экологическая ситуация в связи с обмелением Арала, засолением почв, проникновением минерализованных вод в питьевые водоемы сами знаете какая, об этом уже говорилось не раз и не десять. Детская смертность в республике увеличилась недопустимо.

У нас учебный год, как и везде, с сентября по май. Но наши дети находятся за партами лишь пять-шесть месяцев, а остальное время — на хлопковых полях. Правда, в нынешнем году наконец-то запретили привлекать школьников на уборку хлопчатника, однако и сбор сразу сократился. И у меня нет уверенности, что на следующий год этот запрет некоторые руководители не попытаются обойти всеми правдами и неправдами.

У нас для детей не хватает школ, кружков, секций, клубов, библиотек. Повторяю — надо восстанавливать принцип социальной справедливости. А вместо этого в последнее время участились ученые разговоры о необходимости, как выражаются, упорядочить рождаемость, упорядочить количество населения. Дескать, пора заботиться не о количестве, а о качестве населения — чувствуете, какая база подводится?

Что же это означает? А значит это самое простое, самое примитивное решение проблемы: если на имеющееся количество людей не хватает социальных благ, то пусть людей станет поменьше. Лев Толстой говорил, что все гениально просто. Согласен, но замечу, что простота часто бывает и

глупой, чему свидетельством, на мой взгляд, разговоры об упорядочении рождаемости.

Мы говорим о количестве социальных благ на душу населения, заметьте — на душу. На тело — худо-бедно, но хватает, никто не пухнет с голода, никто не ходит босой и раздетый. Но что происходит с душой человека, особенно с душой ребенка, который растет в тесноте (типовая квартира на десять человек — это внутрисемейная коммуналка); который видит, что родители еле сводят концы с концами (двести — триста рублей в месяц на десятерых — это бедность); который недополучает медицинской помощи, который растет недоучкой — за пять-шесть месяцев нельзя освоить девяти-месячную учебную программу. Что происходит с его душой? И, когда этот ребенок вырастет, будет ли у него вера в социальную справедливость или вместо нее угнездятся в душе обида и зависть? А без веры в справедливость нам никак нельзя. Без нее наше общество просто-напросто перестанет быть социалистическим.

Интеллигенция вообще и писатели в особенности во все времена и особенно теперь ответственны за нравственное здоровье общества. С нас и спросят.

Т. КАИПБЕРГЕНОВ,
лауреат
Государственной премии СССР
Нукус,
Каракалпакская АССР

Я студент 5-го курса Уральского университета. Как историка меня не могло оставить равнодушным стихотворение Евгения Евтушенко о памяти жертвам репрессий (№ 33), а также напоминание Л. Аннинского (№ 36), что подпись Блюхера стояла под обвинительным приговором «дела Тухачевского», по которому проходил и Якир.

Вот уже более десяти лет занимаюсь краеведением. Мне повезло знать Ивана Георгиевича Булатова, который служил в Дальневосточной армии и до октября 1937 года ружья об руку работал с маршалом Блюхером. Много лет спустя он оставил воспоминания о В. К. Блюхере и трагедии Дальневосточной армии. У меня хранится одна из копий этой рукописи «Записки чернорабочего революциониста», которые отчасти проливают свет на участие Блюхера в «деле Тухачевского».

Да, товарищ Аннинский, маршал Блюхер принимал участие в судебном процессе, и его подпись стоит под смертным приговором Тухачевскому, Якиру и другим военачальникам. Парадокс, но во время процесса член суда В. К. Блюхер и подсудимый И. Э. Якир в равной степени оказались жертвами произвола. Василий Константинович тяжело переживал свое участие в суде, видя собственное бессилие, стараясь понять, что же происходит в стране. В подтверждение этой мысли я хочу сослаться на воспоминания И. Г. Булатова:

«После суда над Тухачевским Блюхер возвратился из Москвы надлом-

ленным. Вызвал меня. Он говорил то, что должен был говорить, ставил задачи повышения бдительности в армии. Он повторил вывод суда, что Тухачевский и другие заговорщики торговали страной, продавая японцам наш Дальний Восток, что у них большие связи и надо эти связи раскрыть. Москва требовала провести чистку командно-политического состава армии и всех подозрительных уволить. Эту установку дал ему лично Сталин, с которым Блюхер разговаривал перед отъездом из Москвы.

Маршал был в тяжелом состоянии, многого не договаривая. Он был обманут, его заставили поверить клевете на бывших соратников по борьбе...»

Заставили поверить... как и многих других в то время. Из-за сокрытия протоколов судебного процесса мы пока не можем проследить позицию Блюхера и степень его вины. Но ясно одно, что его позиция не удовлетворила организаторов процесса, ибо 18 августа 1938 года после разгрома японцев у озера Хасан маршал был арестован.

Л. Аннинский пытается поставить знак равенства между организаторами суда, которые сознательно проводили репрессии, и теми, кто был насильно втянут в эту преступную акцию.

Маршал Блюхер и командарм Якир стали жертвами одного преступления, хотя приговор им был вынесен в разное время. Считаю, что Евгений Евтушенко имел полное моральное право говорить о них в одном стихотворении.

Ю. ГОРЯЧЕВ,
студент
Свердловск

Поверить новым временам
Не так легко при ста обманах.
И впрямь — нужна ли правда нам
В разоблачительных романах?

И нужно ли разоблачать
То, что давно уже знакомо:
Умение не замечать
Попранья правды и закона?

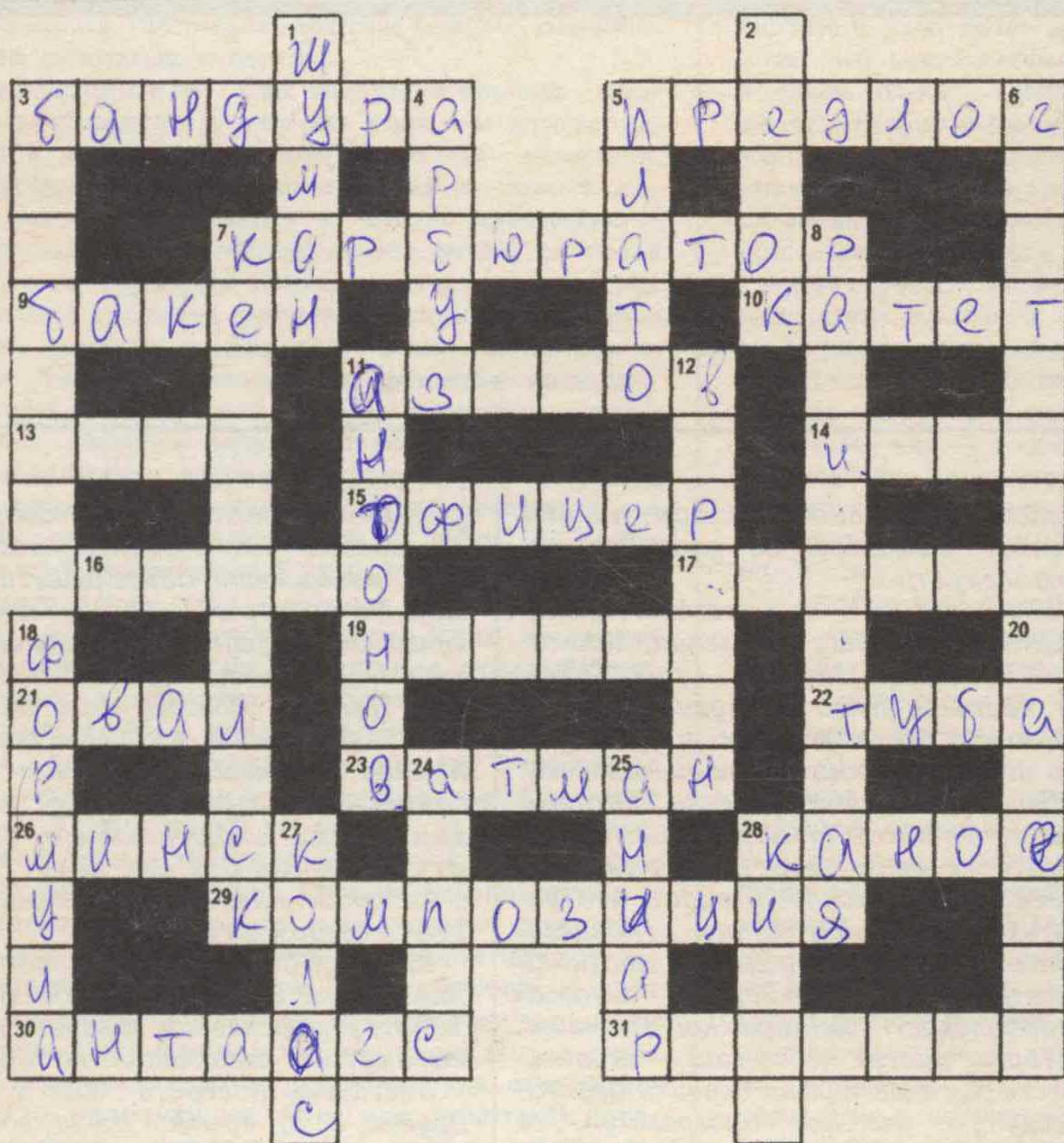
И неужели в том открытье,
Что мы должны во все поры
Правдиво освещать события,
А там пусть хоть в тартарары?

Д. САМОЙЛОВ
Пярну

Беседовал Игорь ЯКИМЕНКО.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

По горизонтали: 3. Украинский музыкальный инструмент. 5. Часть речи, служебное слово. 7. Прибор двигателя внутреннего сгорания. 9. Место стоянки и ремонт речных судов. 10. Сторона прямоугольного треугольника. 11. Русский поэт, друг А. С. Пушкина. 13. Осенний сорт яблок. 14. Река в ФРГ и Австрии. 15. Военнослужащий командного состава. 16. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Попрыгунья». 17. Химический элемент, металл. 19. Река в Австралии. 21. Выпуклая замкнутая кривая, эллипс. 22. Самый низкий по звучанию духовой инструмент. 23. Бумага для черчения и рисования. 26. Столица союзной советской республики. 28. Спортивная гребная шлюпка. 29. Построение художественного произведения. 30. Яркая звезда в созвездии Орла. 31. Элемент конструкции крыла самолета.

По вертикали: 1. Немецкий композитор XIX века. 2. Пресноводная лососевая рыба. 3. Персонаж романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 4. Бахчевая культура. 5. Возвышенная равнина. 6. Рыба семейства карповых. 7. Город в Ивановской области. 8. Методы измерения энергии излучения. 11. Авиаконструктор, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 12. Капитан советского ледокольного флота. 18. Буквенное обозначение химических процессов. 20. Птица семейства утиных. 24. Французский ученый, один из основоположников электродинамики. 25. Стихотворение А. С. Пушкина. 27. Народный поэт Белоруссии. 28. Южное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 3. Полиспаст. 7. Северюга. 8. Атласов. 10. Ильф. 11. Ряженка. 12. Фирс. 16. Зарево. 17. Седов. 19. Арамис. 20. Консультант. 23. Куница. 24. Ането. 25. Мушкет. 26. Уран. 27. «Барсуки». 30. Кадр. 33. Коровин. 34. Делегат. 35. Кронштейн.

По вертикали: 1. Элегия. 2. Барток. 3. Перу. 4. Трак. 5. Бельбек. 6. Номинал. 9. Менделеевск. 10. Итапекуру. 13. Спидометр. 14. Шоколад. 15. «Шахнаме». 17. Сосна. 18. Ватто. 21. Ливанов. 22. Ашхабад. 28. Аширов. 29. Кречет. 31. Полк. 32. Неон.

О ЖЕНИХАХ И НЕВЕСТАХ

НЕ ДУХИ, НЕ ПЕРСТЕНЕК—
МУЖ ВРУЧИЛ МНЕ «ОГОНЕК»!

Рисунок
Олега
ТЕСЛЕРА

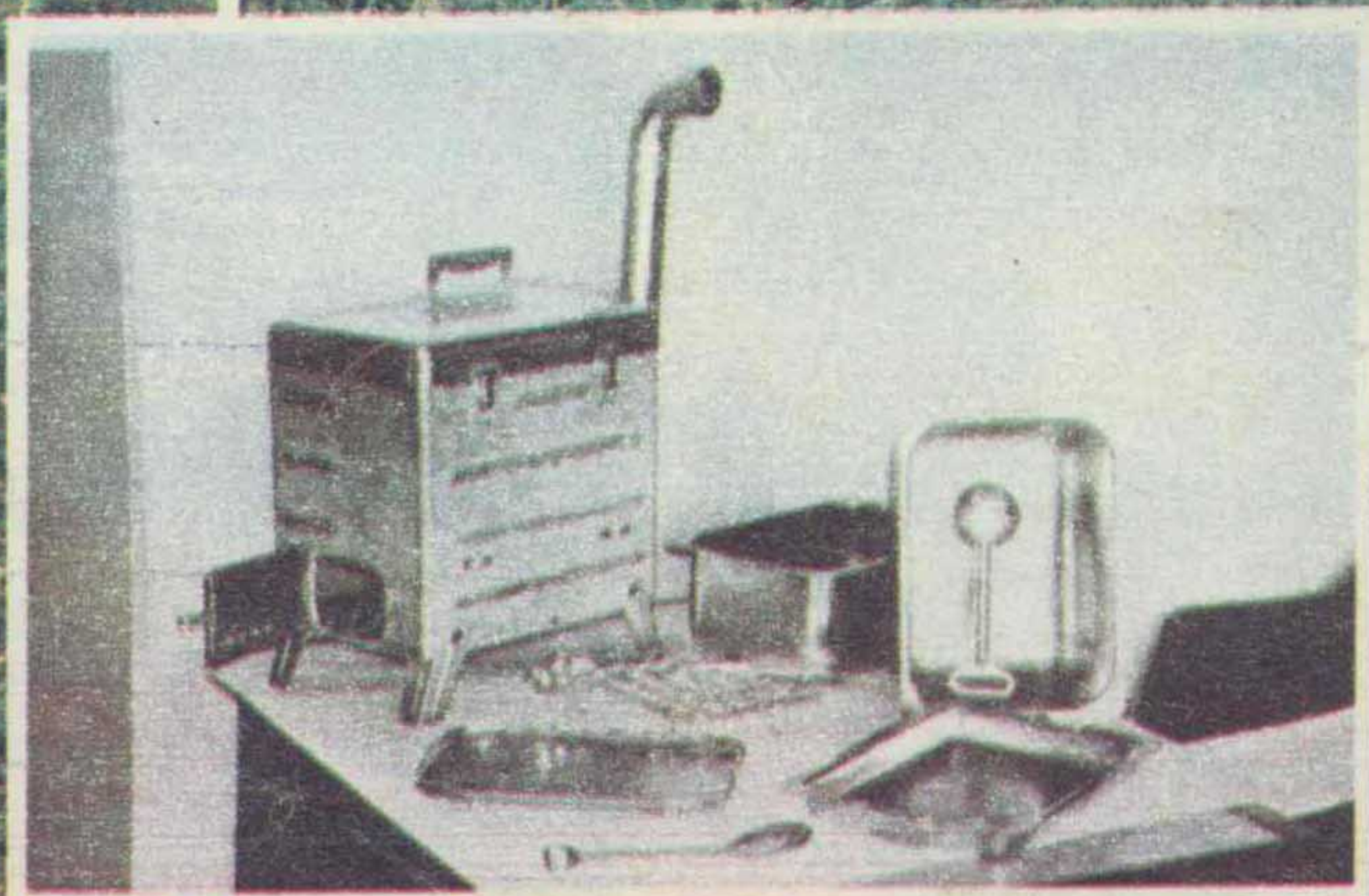

Осень — пора свадеб. Все у новобрачных впереди, а позади одно из первых совместных испытаний — запись на торжественную церемонию во Дворце бракосочетаний. Время съемки верхнего кадра — часа за четыре до «приемного часа». Приятный экзамен, одни на двоих, выдержали в тот день все. Счастья вам, уважаемые молодожены!

Фото Анатолия БОЧНИНА

Фото
Валерия ЯКИМОВА
и Владимира СЕМЕНОВА

Мы не знаем, какая судьба ожидает изобретение Маслова. Не знаем, будет ли снята с производства печь Вятско-полянского машиностроительного завода. И чтобы не путали ее с масловской, решили опубликовать еще раз портрет подлинного детища Игоря Михайловича Маслова (смотрите в номере статью «Печки и «лавочка»).

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК